

Российская академия наук
Институт психологии

А. В. Сухарев, А. П. Чулисова

**ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КОРРЕКЦИЯ
ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ
ОСУЖДЕННЫХ
ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2013

УДК 159.9
ББК 88
С 91

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Сухарев А. В., Чулисова А. П.

С 91 Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 144 с. (Фундаментальная психология – практике)

ISBN 978-5-9270-0258-0

УДК 159.9

ББК 88

В книге впервые приведены результаты применения этнофункциональной парадигмы в области пенитенциарной психологии, а именно – метода этнофункциональной коррекции образной сферы личности осужденных за насильственные преступления с целью профилактики рецидивов. Экспериментально доказана возможность снижения с его помощью выраженности ряда эмоциональных и когнитивных особенностей личности, способствующих возникновению криминального поведения. В процессе этнофункциональной коррекции у осужденных формируется положительное отношение к заповедям Закона Божьего, к праву.

Существенную методологическую и методическую особенность данного исследования составляет сочетание номотетического и идиографического подходов. Приведены идиографические описания и анализ психологических изменений, происходивших с конкретными испытуемыми в период проведения психологической коррекции. Обоснование детерминирующего характера воздействия образов родной природы (этноинтегрирующих) на нравственную и другие сферы личности подкреплено не только прямыми, но и «обратными» экспериментальными доказательствами: приведены и проанализированы также и результаты коррекции с использованием экзотических (этнодифференцирующих) образов природы.

Книга может быть полезна психологам-практикам, работающим в уголовно-исполнительной системе, педагогам, школьным психологам, психологам – студентам вузов и научным сотрудникам.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2013

ISBN 978-5-9270-0258-0

Содержание

Введение	5

Глава I

Анализ научных исследований по проблеме психологической коррекции особенностей личности осужденных

1.1. Личностные особенности осужденных	9
1.2. Методы психологической коррекции особенностей личности осужденных, применяемые в исправительных учреждениях	20

Глава II

Этнофункциональная парадигма в психологии: теория и практика

2.1. Образная сфера личности. Роль образов природы в формировании нравственности	32
2.2. Этнофункциональный подход к психологической коррекции образной сферы личности	36

Глава III

Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления: исследование эффективности

3.1. Методика экспериментально-психологического исследования	55
3.2. Результаты и обсуждение результатов констатирующего эмпирического исследования.....	71

3.3. Результаты и обсуждение результатов формирующего экспериментального исследования.....	78
Заключение	99
<i>Приложение 1</i>	
Ориентировочное содержание структурированного этнофункционального интервью. Анкета отношения к заповедям Закона Божьего.....	101
<i>Приложение 2</i>	
Идиографическое описание психологических изменений у испытуемых в процессе этнофункциональной коррекции с применением этноинтегрирующих образов природы	108
Литература	127

Введение

Системный кризис культурно-исторического развития России на современном этапе коснулся прежде всего нравственной основы социума. Разрушительные тенденции в нравственной сфере, системе социальных норм, правил, этических принципов, аморальное поведение, распространение ценностей криминальной субкультуры обуславливают аномию, рост криминализации общества (Богорев, 2008; Давыдов, 1990; Мертон, 1966; Осинский, 2006; Сучкова, 2011; Юревич, Ушаков, 2011; и др.). Как одно из опаснейших последствий сложившейся ситуации, в последнее время (особенно в период с 2001 по 2009 гг.) наметился рост не только количества насильственных преступлений, но и их рецидивов. В настоящий момент происходит увеличение рецидивов таких насильственных преступлений, как нанесение телесных повреждений различной степени тяжести, убийство, разбой и др. (Иншаков, 2011). В связи со сказанным, перед исследователями в области пенитенциарной психологии встает важнейшая задача поиска наиболее эффективных способов вторичной профилактики преступного поведения, в частности – методов психокоррекционной работы с осужденными.

Анализ научной литературы показал, что применяемые в исправительных учреждениях методы психокоррекции не учитывают в должной мере негативное влияние на личность такой специфической черты современной культурно-исторической ситуации, как «этнокультурная мозаичность общества» (Тишков, 1993), неоднородность его ментальности. Высокая значимость этого фактора в современной жизни доказана во многих исследованиях (см.: Галич, 2008; Давыдов, 1990; Змановская, 2008; Сухарев, 2008; и др.), а его последствием являются, в частности, рост личностной тревожности, способной стать, в свою очередь, психологической основой криминального поведения. Этнокультурная «мозаичность» общества и «этническая маргинальность личности» (Сухарев, 2008) могут обуславливать такие личностные особенности, как агрессивность и искажение нравственных ценностей (Мэй, 2001; и др.).

Между тем, исследования С. Д. Дерябо, Б. А. Душкова, В. И. Панова, В. Хесле, Г. В. Шейнис и др. показывают, что общение с объектами природы способствует формированию нравственных качеств

личности и связано с усвоением правовых норм (Дерябо, 2002; Душков, 1987; Панов, 2006; Хесле, 1994; Шейнис, 1995, 2009). Таким образом, назрела *проблема системного учета разнородных этнокультурных (природно-климатических, культурных, конфессиональных, социальных и др.) факторов* в исследовании их влияния на личностные особенности, способствующие возникновению криминального поведения, и учета данных факторов в процессе психологической коррекции. На наш взгляд, исторически актуальным решением данной проблемы является предложенная нами этнофункциональная парадигма (Сухарев, 2008), системно, на единой методологической основе, учитывающая все вышеперечисленные факторы, влияющие на личность и ее поведение в целом.

В инструментальном плане актуальными и продуктивными представляются методы этнофункциональной коррекции, опирающиеся на регулятивный потенциал изменения этнической функции пространственных (на момент обследования) и онтогенетических характеристик *образной сферы личности* (Гостев, 2007).

Важнейшей психической структурой, регулирующей психические процессы, состояния, поведение личности, является *самоконтроль* (Психология..., 1990, с. 351). Одним из показателей самоконтроля выступает когнитивный контроль эмоциональной сферы. Вместе с тем, важнейший регулятор поведения личности – это ее отношение к моральным ценностям, составляющее ее нравственную сферу. *Нравственная сфера личности*, в частности, регулирует ее отношение к праву, что, наряду с другими личностными особенностями, может обуславливать либо наличие, либо отсутствие противоправного поведения (Анисимов, 1985; Гусейнов, 1974, Хайкин, 1992; и др.).

Учитывая все вышеизложенное, мы предприняли исследование характера влияния этнофункциональной коррекции образной сферы осужденных за насильственные преступления на особенности эмоциональной, когнитивной и нравственной сфер их личности, результаты которого будут представлены в данной книге.

В теоретико-методологическом плане мы опирались на психологическую концепцию возникновения преступного поведения (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996) и теорию отношений В. Н. Мясищева (Мясищев, 1995). Так как психический образ обладает регулятивной функцией по отношению к эмоционально-мотивационной сфере, мышлению, нравственности, к правовым нормам и др. (Арнхейм, 1994; Величковский, 1982; Ильин, 2000; Kosslyn, 1980; Richardson, 1977), мы опирались также на концепцию образной сферы личности (Гостев, 2007). Системный учет влияния различных факторов

на особенности личности осужденных за насильственные преступления осуществлялся с позиций разработанной нами этнофункциональной парадигмы, опирающейся на психологическую категорию образа как «единицу психического» (Шихирев, 1993; Holt, 1978). Базовым понятием этнофункциональной парадигмы является понятие этносреды, включающее внутренние (антропо-биологические, психологические), внешние (природно-климатические, социокультурные), а также трансцендентные (Бог, духи природных стихий и явлений) этнические признаки. Каждый элемент образной сферы личности – *вторичный образ* (Ломов, 1984) этносреды – наделен этнической функцией. Функция образа может быть этноинтегрирующей, т. е. объединяющей личность с родной этносредой, или этнодифференцирующей, разобщающей с ней. В общем случае любой образ является одновременно и этноинтегрирующим, и этнодифференцирующим – по отношению к различным этносам и этническим системам. Этносреда представлена в психике человека *совокупностью* образов, а в идеале – *системой* данных образов.

В настоящем исследовании в ходе этнофункциональной коррекции личности был предпринят эксперимент по восстановлению у осужденных образов родной для них природы (т. е. этноинтегрирующих образов). Как показано в этнофункциональных исследованиях, ведущую роль в развитии личности, в ее поведении играет отношение к этим образам, наряду с культурными, антропологическими, религиозно-этическими характеристиками этносреды (Сухарев, 2008). Данная роль образов природы можно объяснить тем, что они раньше, чем, например, сказочные или религиозно-этические, появляются в онтогенезе и тем самым во многом определяют дальнейшее развитие личности.

Существенной методологической особенностью данного исследования было сочетание номотетического и идиографического подходов в целях полноты психологического познания. В работе даны идиографическое описание и анализ психологических изменений, происходивших с конкретными испытуемыми в период проведения формирующего эксперимента (см. Приложение 2). Ряд описанных идиографических случаев подтвердил результаты номотетического исследования (и теорию, и статистику). Если же имело место расхождение результатов, то идиографический метод позволял выявлять причины подобных несоответствий.

Кроме того, для обоснования детерминирующего характера воздействия образов природы на нравственные особенности личности, помимо формирующего эксперимента (психологической этнофункциональной коррекции) на материале этноинтегрирующих

образов природы, была осуществлена психологическая коррекция с использованием в процессе работы этнодифференцирующих (экзотических) образов природы (т. е. предполагалось получение противоположного по смыслу результата, по сравнению с применением этноинтегрирующих образов).

Научная новизна исследования состоит в том, что была выявлена обусловленность особенностей эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер личности осужденного за насильственное преступление этнофункциональными онтогенетическими и пространственными характеристиками ее образной сферы. Экспериментально установлено, что восстановление именно этноинтегрирующих образов природы в образной сфере осужденных за насильственные преступления может обусловить положительные изменения особенностей их личности, а именно – снижение уровня тревожности, степени эмоционального торможения когнитивных процессов, повышение уровня продуктивного мышления, а также более позитивное отношение к заповедям Закона Божьего (теоретически – в силу принципа этнофункциональной системности).

Новым и наиболее важным практическим результатом настоящего исследования стало то, что в нем были показаны изменения нравственных особенностей личности осужденных (а именно – принятие ими заповедей Закона Божьего) в процессе активизации образов родной природы в образной сфере их личности. Данный результат имеет адекватное объяснение с позиций этнофункциональной парадигмы в психологии.

Глава I

Анализ научных исследований по проблеме психологической коррекции особенностей личности осужденных

1.1. Личностные особенности осужденных

Личность осужденного в условиях отбывания наказания

Личность преступника в криминальной психологии традиционно рассматривается как интегрированная структура социальных, демографических, культурных, психологических, уголовно-правовых, мотивационно-потребностных, а также нравственно-ценностных характеристик, которые обусловили совершение преступного деяния, что нашло подтверждение в приговоре суда, вступившем в законную силу (Бовин, Кокурин, Мокрецов, 2004; Еникеев, 2001; Романов, 2012). По утверждению В. Н. Косарева, личность совершает преступление в силу сформировавшихся антисоциальных взглядов, привычек и установок, а также под воздействием криминогенной ситуации (Косарев, 2007).

Как отмечают Б. Г. Бовин, А. В. Кокурин и А. И. Мокрецов, понятие личности преступника по смыслу схоже с понятием личности осужденного, которое в определенной степени имеет условный, формальный характер, так как отнесение того или иного деяния к числу криминальных и уголовно наказуемых зависит от решения суда. Личность осужденного трактуется как интегрированная структура вышеперечисленных характеристик, которые в совокупности определяют степень ее готовности соблюдать установленный порядок отбывания наказания, проявляющуюся в отношении к сотрудникам и другим осужденным, к тюремной субкультуре, к трудовой деятельности, к воспитательным воздействиям, к режимным требованиям, к планам дальнейшей жизни после освобождения (Бовин, Кокурин, Мокрецов, 2004). В связи со сказанным, понятие личности преступника отличается от понятия личности осужденного тем, что последнее включает в себя аспект отношения к условиям отбывания наказания в исправительном учреждении.

Безусловно, изоляция от общества является мощнейшим фактором модификации поведения личности. Находясь в исправительном учреждении, человек испытывает влияние режима, регламентирующего ее поведение, криминальной (тюремной) субкультуры, а также разнообразных мер воспитательного, социального, психологического характера, направленных на ее исправление (Еникеев, 2001; Поздняков, 2000а).

В работе Ю. К. Александрова криминальная субкультура определяется как образ жизнедеятельности лиц, составляющих криминальные группы и придерживающихся определенных законов и традиций (Александров, 2002, с. 4). Признаками криминальной субкультуры являются определенные татуировки, жаргон, тюремная лирика, блатная музыка, «воровские» и «тюремные» законы и традиции, стратификация (т. е. социально-групповое расслоение криминализованной общности), криминальная «идеология» и «этика» и др. (Александров, 2002; Богорев, 2008; Еникеев, 2001; Олейник, 2001; Пирожков, 2001; и др.). Ценности криминальной субкультуры являются важнейшим регулятором поведения личности осужденного, обладают высокой степенью референтности для нее в силу действия механизмов подражания, прессинга, которые постоянно создают ситуации фрустрации, психической травмы, переживания одиночества в условиях групповой изоляции (Лапшина, 2007; Штефан, 2009).

Как отмечает В. М. Поздняков, «складывающиеся в среде осужденных нормы, обычаи, традиции и ритуалы, отражая их коллективные представления, всегда направлены на сплочение и приспособление к специфичным условиям тюремной среды. Однако атрибутивные элементы криминальной субкультуры, внедряемые в местах лишения свободы группировками асоциальной направленности для завоевания власти, оказывают нравственно деформирующее влияние на личность осужденных и характер их взаимоотношений, что в итоге ведет к конфликтам и даже преступлениям в исправительных учреждениях» (Поздняков, 2000а, с. 174).

Американский ученый Д. Клеммер выделяет феномен «призонализации», или криминального заражения (от *англ.* prison – тюрьма), который заключается в приспособлении осужденных, долгосрочно лишенных свободы, к криминальной субкультуре. Анализируя сущность данного феномена, автор делает вывод о том, что осужденные по-разному приспосабливаются к нормам, правилам, ценностям криминальной субкультуры (Clemmer, 1958).

В исследовании А. Г. Белобородова показано влияние криминального заражения в исправительных учреждениях на личность

осужденного (Белобородов, 1999). Автором установлено, как у осужденных за преступления по неосторожности, не имевших криминального прошлого, в процессе отбывания наказания меняется правосознание: они постепенно начинают негативно воспринимать правовую сферу. В дальнейшем у таких осужденных могут формироваться устойчивые асоциальные представления, установки, которые обуславливают криминальную, противоправную ориентацию их личности.

Для осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, характерен низкий уровень развития социальной идентичности, у них почти отсутствует принадлежность к какому-либо социальному статусу, социальной группе или роли (Макарова, 2004). За период пребывания в исправительных учреждениях у осужденных ослабляются или приобретают неустойчивый характер их социально-ценностные связи (с семьей, родственниками, знакомыми, друзьями и т. д.). Осужденный начинает идентифицировать себя со своим окружением, что выражается в принятии криминальной субкультуры. Ю. В. Макарова отмечает, что чем больше осужденный принимает правила, ценности криминальной субкультуры, тем выше степень его социально-психологической дезадаптированности после освобождения.

В работе норвежского ученого Й. Галтунга показано, что осужденный стремится к установлению контактов с другими осужденными; автор неоднократно подчеркивает то важное значение, которое имеет солидарность в их среде (Щербаков, 2009). Однако К. Оберг отмечает, что осужденный, попадая в условия лишения свободы, испытывает и сильный «культуршок» (Furnham, Vochner, 1986), который проявляется в крайней напряженности, чувстве потери (близких, статуса, работы, свободы и т. д.), в «сбое» в ролях, ролевых ожиданиях, ценностях, самоидентификации в целом, в тревоге, чувстве неполноценности, вызванном неспособностью совладать с новой средой, а также в чувстве отверженности обществом (Щербаков, 2009).

Согласно исследованиям А. И. Мокрецова (Мокрецов, 1998) и Г. В. Щербакова (Щербаков, 2009), социально-психологическая адаптация может рассматриваться как процесс изменения направленности личности осужденного, адекватно или неадекватно отражающей объективно существующие условия и требования, установленные в исправительном учреждении. Принятие или отклонение данных требований определяет поведение осужденного в данном учреждении. С одной стороны, осужденный адаптируется к офи-

циальным отношениям, которые регламентированы требованиями режима отбывания наказания и правилами внутреннего распорядка, а с другой стороны – к межличностным неофициальным отношениям в среде осужденных (Поздняков, 2000а). «Позитивная адаптация предполагает такое поведение осужденных в новой среде, которое обеспечивает выработку социально значимых навыков, привычек, отношения к окружающим, целей и жизненных планов, что способствует в итоге ресоциализации личности преступника» (Щербаков, 2009, с. 73). В свою очередь, «Адаптация к негативным факторам и условиям среды исправительного учреждения предполагает включение осужденного в деформированную систему отношений, в которой преобладают криминогенное общение, уголовные традиции и субкультура» (там же).

По замечанию А. И. Мокрецова и В. В. Новикова, при проведении социальной, воспитательной, а также психологической работы с осужденными крайне важно учитывать влияние на них криминальной субкультуры (Мокрецов, Новиков, 2006, с. 82).

В своей работе А. И. Мокрецов в качестве социально-психологического ядра криминальной субкультуры выделяет неформальную нормативно-ценностную систему – относительно устойчивую совокупность специально выработанных правил, принципов и стандартов поведения, которые разделяются, поддерживаются большинством осужденных, детерминируют их активность и определяют положение, а также степень влияния в среде ближайшего окружения (Мокрецов, 1998, с. 53). Неформальная нормативно-ценностная система включает в себя определенные неформальные санкции, которые выступают в качестве механизма тотального контроля системы взаимоотношений осужденных. При помощи данных санкций поведение, отклоняющееся от внутригрупповых стандартов, подвергается жесткому корректированию, обеспечивая тем самым единообразие и согласование совместных действий осужденных и поддерживая на должном уровне устойчивость групповых структур. К неформальным санкциям относятся вербальное давление, агрессивное физическое воздействие, публичное или групповое осмеяние или порицание поступков и т. д.

Очевидно, что наличие в исправительном учреждении автономного нормативного пространства является мощным криминогенным, а также конфликтогенным фактором, существенно осложняющим психологическую, воспитательную работу с осужденными. Консервативность неформальной нормативно-ценностной системы формирует тотальную зависимость осужденного от нее.

Характеристика личности осужденного

Как отмечают специалисты в области криминальной психологии, преступное поведение обусловлено определенными особенностями личности (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996; Борисова, 2008; Романов, 1998). Согласно определению, особенности личности с криминальным поведением представляют собой относительно стабильную совокупность типологических качеств индивида, его личностных свойств, черт характера, обусловивших совершенное им преступное деяние (Аминов, 2009; Антонян, Еникеев, Эминов, 1996; Еникеев, 2001). Показано, что особенности личности с криминальным поведением (преступника) далеко не всегда обусловлены актуальной неблагоприятной социальной ситуацией. По мнению ряда авторов, данные особенности представляют собой фундаментальные характеристики личности (Аминов, 2009; Антонян, Еникеев, Эминов, 1996; Еникеев, 2001).

Исходя из «фундаментальности» данных особенностей, мы полагаем, что у личности преступников – и, в частности, у осужденных – имеются типические психологические особенности, которые потенциально предрасполагают при определенной ситуации к совершению противоправных поступков.

Анализ ряда зарубежных исследований показывает, что определенные психологические особенности не только способствуют совершению преступлений, но и воздействуют на их характер. Например, у преступников с определенными психическими нарушениями криминальное поведение чаще связано с физическим насилием, чем у преступников без таких нарушений (Гулевич, 2006).

Мы исходим из того, что фактором, способствующим совершению преступления, является наличие у личности с криминальным поведением определенных специфических особенностей, которые в той или иной мере – в зависимости от времени отбывания наказания, степени ресоциализации и т. д. – характерны и для личности осужденных, совершивших преступления.

В качестве особенностей эмоциональной сферы личности осужденных исследователями отмечаются психическая незрелость (инфантильность), тревожность, эмоциональная неустойчивость, импульсивность, агрессивность, слабо развитая эмпатия, обусловленные задержкой эмоционального развития и др. (Антонян, Голубев, Кудряков, 1989; Антонян, Еникеев, Эминов, 1996; Шиханцов, 2006; Юсупов, 1996; Dodge, Coie, 1987; Megargee, 1966; и др.).

В частности, в исследованиях Е. В. Вакэ, С. Н. Ениколопова, В. Н. Кудрявцева, Ф. С. Сафуанова и др. особое внимание уделяется агрессивности как важнейшей характеристике личности осужден-

ного (Васкэ, 2009; Ениколопов, 1984; Кудрявцев, 1998; Сафуанов, 2003). В работах Е. В. Васкэ и В. Н. Кудрявцева показано, что личность в момент совершения преступления вымещает агрессию, причиной возникновения которой является нахождение в психотравмирующей ситуации. В частности, Ф. С. Сафуанов отмечает, что сдерживающими факторами в формировании агрессивной мотивации являются склонность к чувству вины, страх наказания, развитая эмпатия, стремление к социальному одобрению и др.

К особенностям когнитивной сферы личности осужденных относятся некоторая ригидность мышления, затруднения в решении абстрактных задач, сниженная оперативность мышления, недостаточный уровень общей вербальной культуры, расчетливость, неумение учитывать прошлый опыт, нарушение процесса прогнозирования будущего, связанная с этим неадекватная оценка ситуации и перспективы, а также недостаточная степень усвоения системы моральных ценностей и др. (Антонян, Голубев, Кудряков, 1989; Менделевич, 1998; Пастушеня, 1998; Садрисламов, 2006; Майоров, 2009; Васильева, 1997; Кудрявцев, Семенова, 2002).

Помимо этого, важной особенностью личности осужденного, характеризующей ее эмоциональную и когнитивную сферы, является недостаточный самоконтроль, или нарушение гармоничного взаимодействия «аффекта и интеллекта» (Выготский, 1960, с. 60). Об этом свидетельствуют результаты эмпирических исследований, проведенных В. С. Грачевым (Грачев, 2009), О. Г. Митченко (см.: Сухарев, 2008, с. 431–436), Д. В. Сочивко и В. М. Литвишковым (Сочивко, Литвишков, 2006).

Среди особенностей личности осужденных важную роль играет их специфическое отношение к праву, социальным нормам, а также моральным ценностям. По утверждению К. А. Абульхановой, именно мораль является наиболее общим регулятором поведения личности (Абульханова, 1999). К особенностям нравственной сферы личности осужденных относятся отсутствие внутренних моральных критериев и, как следствие, враждебное отношение к социальным и правовым нормам, отвержение моральных ценностей, низкий уровень правосознания, наличие склонности к совершению противоправных поступков и др. (Борисова, 2008; Ратинов, Ефремова, 1988). Еще П. И. Ковалевский отмечал, что «особенно поражена нравственность этих людей: у них недостает высших нравственных чувств, или они в зачаточном и слабо выраженном состоянии, – и, напротив, резко и чрезмерно выражены низшие животные чувства, причем последние преобладают и управляют действиями рассудка» (Ковалевский, 1990, с. 128).

Для нашей работы особенно важным представляется вывод исследователей о том, что для осужденных характерно «разбойничье отношение к природе» – к домашним и диким животным, лесу, водоемам и пр. (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996, с. 123).

Вместе с вышеперечисленными особенностями, личность осужденного характеризуется также слабым развитием коммуникативных навыков, отчужденностью, чувством изолированности, стремлением к соблюдению дистанции между собой и окружающей действительностью, настороженностью и подозрительностью по отношению к людям, склонностью к критике окружающих, экстернальным локусом контроля (склонностью человека видеть источник управления своей жизнью преимущественно во внешней среде), сниженным уровнем ценностного отношения к действительности, недостаточной социальной адаптированностью, антиобщественной ориентацией и др. (Антонян, Голубев, Кудряков, 1989; Кудрявцев, 1998; Ратинов, Ефремова, 1988, Истомин, 2011; Майоров, 2009; Быков, 2004).

По замечанию М. И. Еникеева, отличительной особенностью личности осужденного является также и дезинтегрированность ее ценностно-регуляционной системы: преступление совершается в результате отчуждения от социальных ценностей и извращенного отношения к социальной действительности (Еникеев, 2012).

В центре внимания многих криминально-психологических исследований находятся различные типы личности преступников (Ковалев, 1968; Познышев, 2007; Berkowitz, 1962; Миньковский, 1971). По объекту посягательства, характеру преступных действий выделяют три наиболее крупные типологические группы осужденных преступников, характеризующиеся социально-ценностной деформацией личности: корыстные, насильственные и корыстно-насильственные (Еникеев, 2012; Романов, 2012).

В исследовании Ю. М. Антоняна с соавт. и в работе М. И. Еникеева и В. Е. Эминова выявлено, что осужденные, совершившие такие насильственные преступления, как разбой, убийство, нанесение телесных повреждений, в отличие от осужденных за ненасильственные преступления, характеризуются более типичным профилем личности (по шкалам ММРП). Для них более характерны выраженная агрессивность, значительная отчужденность от социальной среды, наибольшая неуправляемость поведения, пренебрежение социальными нормами, а также внезапность асоциальных поступков (Антонян, Голубев, Кудряков, 1989; Еникеев, Эминов, 1996).

Согласно исследованиям Р. С. Дьяконовой, М. И. Еникеева, Э. П. Котовой, М. В. Кутеповой, Т. В. Мальцевой, Е. Г. Самовичева,

Ю. В. Чуфаровского и др., характерными особенностями личности осужденных, совершивших насильственные преступления, являются: низкий уровень социализации и общей культуры, слабо развитая способность к самостоятельной и устойчивой социальной адаптации, деформация системы базовых социальных ценностей, дефектность социальной идентификации, импульсивная агрессивность, крайне сниженный самоконтроль, ригидность, подозрительность, восприятие окружающей действительности как враждебной, повышенная чувствительность к любым проявлениям межличностного взаимодействия при выраженной зависимости от него и др. (Дьяконова, 2007; Еникеев, 2012; Котова, 1980; Кутепова, Мальцева, 2007; Самовичев, 1987; Чуфаровский, 2009). В конфликтной ситуации личность осужденного за насильственные преступления характеризуется неспособностью контролировать агрессивные побуждения, прогнозировать развитие конфликта и последствия агрессивных действий, неспособностью использовать конструктивные стратегии разрешения конфликтных ситуаций.

Осужденные, совершившие тяжкие насильственные преступления (убийства, истязание, изнасилование), отличаются крайней десоциализированностью, стереотипизированностью агрессивного поведения, асоциальных поведенческих схем, устойчивой направленностью личности на совершение насильственных деяний, крайним эгоцентризмом, устойчивым конфликтом с определенной частью социального окружения, стремлением к немедленному удовлетворению спонтанно возникающих желаний, крайне циничным отношением к другим людям и др. Для них агрессивность часто является доминирующим способом самоутверждения, а жестокость деяния – самоцелью.

В исследовании И. С. Дорошенко, О. Б. Пановой, Н. Е. Фетисовой показано, что изоляция от общества способствует повышению тревожности, возбудимости, эмоциональной неустойчивости, непредсказуемости поведения, агрессивности осужденных за насильственные преступления (Дорошенко, Панова, Фетисова, 2012).

В работе Е. А. Щелкушкиной выявлены два основных типа личности осужденных за убийство: 1) осужденные с высокой степенью самолюбования и низкой степенью коммуникативности, 2) осужденные с низкой степенью самолюбования и высокой степенью коммуникативности. Под самолюбованием здесь понимается уверенность в себе и неадекватно завышенное самоуважение (Щелкушкина, 2011).

Как отмечают А. И. Мокрецов, В. П. Голубев, А. В. Шамис (Рабочая книга пенитенциарного психолога, 1998) и др., среди осужден-

ных за насильственные преступления можно выделить следующие типы личности: возбудимый, импульсивный (неуправляемый), ригидный (упорный), гипертимный (активный), демонстративный, безвольный. Для возбудимого типа личности осужденных за насильственные преступления характерны стремление к лидерству, агрессивность, вспыльчивость, склонность к накоплению аффекта, частые вспышки ярости по любому, даже незначительному, поводу. Особенности данного типа личности сходны с особенностями импульсивного типа, однако у последнего они более выражены. Кроме того, осужденные импульсивного типа плохо усваивают как общепринятые социальные нормы, так и нормы тюремной субкультуры, поэтому их поведение часто носит непредсказуемый характер. Поведение ригидного типа личности осужденных обусловлено их честолюбием и целеустремленностью. Они часто стремятся занять лидирующее положение, однако, в отличие от осужденных возбудимого типа, у них сформированы определенная жизненная позиция и соответствующая ей линия поведения. Для ригидного типа также характерны прямолинейность, завышенная самооценка, категоричность в суждениях, решительность в поступках. У гипертимного типа личности осужденных выражены такие особенности, как повышенная активность, избегание ответственности, сниженный самоконтроль, постоянное стремление к удовлетворению своих влечений и т. д. Демонстративный тип отличается стремлением выделиться в группе любым путем, находиться в центре внимания, неадекватно завышенной самооценкой, склонностью к обману. Осужденные данного типа часто неспособны обдумать стратегию своего поведения. Основной личностной характеристикой безвольного типа личности является недостаток волевых качеств, сильно выраженная конформность. В связи с этим они легко попадают под влияние других осужденных.

Личностная тревожность как психологическая основа криминального поведения

Согласно концепции возникновения преступного поведения, представленной в исследованиях Ю. М. Антоняна, М. И. Еникеева, В. Е. Эминова и Е. Г. Самовичева, источником преступного поведения является психологическое отчуждение, которое определяется как изолированность от ценностей общества, социально-психологическая дистанция между индивидом и средой, возникшая в результате эмоционального отвержения ребенка родителями (психической депривации) (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996; Самовичев, 1987, 1988). В соответствии с данной концепцией, отчуждение индивида

затрудняет усвоение им социальных норм, регулирующих межличностные отношения, поведение в целом. Формируясь на раннем этапе развития личности из-за невыполнения семьей своей основной функции – включения ребенка «через себя» в структуру общества, – отчуждение может закрепиться в человеке и стать причиной его социально-психологической изоляции от семьи, учебных и трудовых коллективов, других малых групп. Оно может приводить к формированию негативного отношения к среде, ощущения враждебности окружающих (это способствует возникновению агрессии как формы защиты от воображаемой угрозы, что лежит в основе мотивации совершения насильственных преступлений). Изоляция субъекта от нормальных контактов в микросреде в большинстве случаев приводит к тому, что он ищет признания среди подобных себе (это выражается в уходе в группы с антиобщественной направленностью). Существенные нарушения связей человека со средой приводят и к нарушениям установленных норм поведения (если человек отчуждается от социальной среды, он перестает придерживаться ее норм и ценностей). Личностные особенности индивида, выражающиеся в уходе в себя, в обособлении от других, часто связаны с отсутствием эмпатии, с неумением чувствовать эмоциональные состояния другого человека, сопереживать ему, с нарушением идентификации с другими людьми, т. е. с отсутствием способности поставить себя на их место (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996, с. 44–45).

Таким образом, психологическое отчуждение личности существенно влияет на возникновение криминального поведения, и прежде всего – на совершение насильственных преступлений, свидетельствует об отвержении личностью с криминальным поведением принятых в обществе норм и моральных ценностей. Оно формируется в раннем возрасте как следствие «отвержения, неприятия ребенка родителями, прежде всего матерью». «В результате ребенок оказывается в ситуации, так сказать, хронического дефицита, постоянного неудовлетворения потребностей и постоянно зависит от матери, потому что только она могла бы их удовлетворить» (Васильев, 2005, с. 346; см. также Антонян, Еникеев, Эминов, 1996; Змановская, 2008; Кудрявцев, 1998; и др.).

Психологическое отчуждение личности обуславливает формирование тревожности, страха, беспокойства по поводу своей социальной определенности. «Подобные особенности становятся фундаментальными структурами личности», способствующими возникновению дезадаптивного, в том числе криминального, поведения (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996, с. 72). И. И. Аминов, Ю. М. Антонян, Х. Ремшмидт и др. рассматривают тревожность как отличительную

особенность личности осужденного (Аминов, 2009; Антонян, 1996; Ремшмидт, 1994).

В психологической науке тревожность определяется как повышенная индивидуальная склонность личности испытывать беспокойство в различных ситуациях, в том числе таких, которые объективно не содержат никаких для этого причин. Различают ситуативную тревожность, связанную с конкретной ситуацией, и личностную тревожность, являющуюся стабильным свойством личности. Следует выделить также понятие тревоги, которое понимается как эмоциональное состояние, возникающее в ситуациях неопределенной опасности и проявляющееся в ожидании неблагоприятного развития событий (Большой психологический словарь, 2006, с. 552, 553; Вербицкий, 2003).

Согласно концепции Ю. М. Антоняна с соавторами, «тревожность способна активно стимулировать преступное поведение, но это происходит тогда, когда человек начинает ощущать необходимость защиты от людей или явлений, субъективно воспринимаемых как угрожающие или деструктивные». Страх перед небытием как феномен тревожного ряда (возбуждение, тревога, опасение за себя, неуверенность, ощущение неопределенности своих социальных статусов) является «мощным стимулом преступных действий» (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996, с. 108, 109, 110).

Авторы концепции выделяют три этапа формирования криминального поведения в форме насильственных действий: 1) возникновение тревоги, которое порождается отвержением родителями ребенка и, в дальнейшем закрепляясь, не обретает общественно приемлемых форм (формирование чрезмерного уровня тревожности (Аминов, 2009)); 2) накопление негативных бессознательных переживаний; 3) состояние истощения, проявляющееся в насильственных действиях в ответ на воздействие среды, субъективно воспринимаемое как враждебное (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996, с. 112).

Помимо психологического отчуждения, причиной формирования личностной тревожности может являться также «культуршок», вызванный этнокультурной неоднородностью современного российского общества (Сухарев, 2008; Furnham, Vochner, 1986; Vochner, 1982). В то же время тревожность может обуславливаться и нарушением связи с родной природой, о чем свидетельствуют исследования Дж. Голда, Р. Мэя, А. В. Сухарева, Г. В. Коэлхо и др. (Голд, 1990; Мэй, 2001; Сухарев, 2008; Coelho, 1979). Кроме того, учеными выявлена взаимосвязь тревоги и отношения личности к христианской морали (Pfeifer, Schoene, 1980; Kraepelin, 1920). Известно,

что в христианской культуре чувство вины, «внутренний трепет» (т. е. тревога) возникают у личности после совершения греховного поступка или преступления.

Кроме того, следует отметить, что в основе криминальной субкультуры, распространенной в местах лишения свободы, лежат чуждые религиозно-этическим, в том числе христианским, мировоззрения, которые оказывают значительное влияние на рост тревоги у личности (Волков, 2004; Пирожков, 2001; Дубягина, 2008).

Проведенный анализ научной литературы показывает, что недостаточное внимание уделяется именно *системному* учету с единых теоретико-методологических позиций разнородных социальных, культурных, природно-климатических, конфессиональных и др. факторов, оказывающих влияние на формирование специфических особенностей личности осужденных.

На наш взгляд, исторически актуальным для исследования личности осужденного является применение этнофункциональной парадигмы в психологии (Сухарев, 2008; Чулисова, 2010б). Данная парадигма, опираясь на ряд взаимосвязанных методологических принципов, с единых теоретических позиций позволяет системно учитывать вышеуказанные факторы, современную культурно-историческую специфику в целом, влияющие на личность, ее развитие, а также поведение. Системность учета строится на базовом принципе парадигмы – этнофункциональности, позволяющем без «навешивания этнических ярлыков» достаточно дифференцированно учитывать в коррекционных программах образы культуры, природы, нравственные представления и др.

1.2. Методы психологической коррекции особенностей личности осужденных, применяемые в исправительных учреждениях

В области пенитенциарной психологии немногие научные исследования посвящены проблеме влияния различных методов психологической коррекции на личность осужденных, отбывающих наказание в российских исправительных учреждениях. Между тем, подобные исследования играют значимую роль во вторичной профилактике криминального поведения.

По определению В. Г. Стуканова, «исправительная психокоррекция представляет собой целенаправленный процесс психологического воздействия на структуру психологических свойств личности преступника, детерминирующих социально-правовое поведение, с целью устранения либо уменьшения ее криминогенности и фор-

мирования готовности удовлетворять жизненные потребности и интересы правопослушным образом» (Стуканов, 2000, с. 10). Вместе с тем, как утверждает О. А. Каштымова, «все меры психокоррекции должны быть направлены в том числе на нейтрализацию стигм уголовной субкультуры, которая поддерживает проявления деструктивного и агрессивного поведения в среде осужденных» (Каштымова, 2008, с. 42).

Кроме того, в своих работах О. А. Майоров и В. Г. Стуканов отмечают, что в формировании психокоррекционных подходов необходимо учитывать особенности личности осужденного – ее направленность, систему отношений, особенности волевой, эмоциональной, когнитивной и др. сфер (Майоров, 2009; Стуканов, 2000).

Наиболее распространенным методом пенитенциарной психокоррекции является метод когнитивно-поведенческой коррекции, основанный на классической поведенческой теории, необихевиоризме, когнитивном подходе, теории социального научения, нейропсихологии, а также на копинг-теории (Змановская, 2008; Галич, 2008; Хачатурян, Рогов, 2009; Схопчик, 2009).

В соответствии с основным положением концепции Ю. М. Антонына, М. И. Еникеева, В. Е. Эминова о том, что в основе криминального поведения лежит тревожность, порождаемая психологическим отчуждением, наиболее значимыми, на наш взгляд, техниками когнитивно-поведенческой коррекции личности осужденного являются техники коррекции эмоционального состояния. Как отмечает Е. В. Змановская, существуют два основных способа коррекции эмоциональных состояний (тревоги, страха, агрессии): уменьшение их силы с помощью методики систематической десенсибилизации, разработанной Д. Вольпе, и выработка альтернативных реакций в форме тренинга релаксации (Змановская, 2008). Методика систематической десенсибилизации включает обучение глубокой мышечной релаксации; выстраивание иерархии стимулов, вызывающих тревогу, по степени их интенсивности; воображение в состоянии релаксации объектов из иерархии, вызывающих тревогу (Нельсон-Джоунс, 2000).

Для уменьшения тревоги используется также методика «наводнения» (или импловивная терапия). Она заключается во внезапном предъявлении пациенту сцен, вызывающих у него чрезвычайно сильную тревогу. Если десенсибилизация направлена на торможение тревоги, страха, то методика «наводнения», наоборот, – на максимальное переживание (Змановская, 2008, с. 190). Однако, как отмечают Н. Мак-Вильямс и Р. Нельсон-Джоунс, методика «наводнения» обладает меньшей эффективностью, чем десенсибилизация, кото-

рая является менее стрессовым способом воздействия на личность (Мак-Вильямс, 2001; Нельсон-Джоунс, 2000).

Другой разновидностью когнитивно-поведенческой психокоррекционной работы с осужденными, применяемой психологами в исправительных учреждениях, является социально-психологический тренинг, эффективность которого во многом обусловлена групповым взаимодействием (Воронцова, Дубровская, 2009, с. 33; Дебольский, 2001, с. 80; Петровская, 2007). Преимущества групповой формы психокоррекции заключаются, во-первых, в том, что «обычно легче изменить индивидуумов, собранных в группу, чем изменить каждого из них в отдельности» (Морено, 2008, с. 57); во вторых – в «использовании закономерностей межличностного взаимодействия в группе для лечения и достижения физического и психологического благополучия человека» (Дебольский, 2001, с. 81).

Согласно мнению Д. В. Сочивко и В. М. Литвишкова, с помощью социально-психологического тренинга в форме ролевой игры могут проигрываться жизненные ситуации, возможные после освобождения осужденных из колонии. В целом, как считают авторы, данная методика позволяет «организовать свое поведение в трудных ситуациях адаптационного периода» (Сочивко, Литвишков, 2006, с. 244, 245).

В исследовании И. А. Истомина научно обосновано применение социально-психологического тренинга в коррекции ценностных ориентаций личности осужденных (Истомин, 2011). Предложенная автором программа тренинга может способствовать снижению негативного влияния тюремной субкультуры на ценностно-смысловую сферу осужденных и, в связи с этим, снижению уровня криминальной зараженности.

В работе О. Э. Схопчик подчеркнута значение ролевого тренинга в психологической коррекции правосознания подростков с делинквентным поведением. Как утверждает автор, ролевой тренинг «позволяет выработать адекватные способы поведения» (Схопчик, 2009, с. 102). Вслед за М. Р. Битяновой (Битянова, 2004), О. Э. Схопчик полагает, что ролевой тренинг «не учит, а изменяет человека, расширяет горизонты, погружая человека в иные отношения, дает опыт их создания, выбора и построения» (там же).

В исследовании И. С. Дорошенко, О. Б. Пановой, Н. Е. Фетисовой для формирования эмпатийного поведения у осужденных за насильственные преступления применяется социально-психологический тренинг сензитивности (Дорошенко, Панова, Фетисова, 2012). Он включает групповое обсуждение проблемных ситуаций, анализ конкретных ситуаций морального выбора, ролевые игры. Как по-

казывают результаты исследования, в процессе данного тренинга происходит формирование у осужденного мотивации саморазвития, развивается способность к осознанию, переживанию своего Я, формируется позитивная Я-концепция, развиваются эмпатийные чувства личности, нарабатываются навыки эффективного общения, а также происходит овладение способами управления своим поведением и эмоциями.

Опираясь на когнитивно-поведенческий подход, в своем исследовании Н. Е. Колесникова предприняла попытку разработки технологии эффективной ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении, с помощью коррекции скриптов (жизненных сценариев) в процессе активного социально-психологического обучения (Колесникова, 2011). Анализируя эмпирические результаты исследования, автор делает вывод о том, что данная технология обуславливает развитие саморегуляции осужденных, формирование у них адекватной самооценки, способствует позитивным изменениям социальных установок, тем самым позволяя снизить десоциализирующее влияние тюремной субкультуры.

Помимо когнитивно-поведенческой коррекции, в исправительных учреждениях активно используется метод создания саногенной среды, или терапевтических «оазисов» (Аминов, 2009; Змановская, 2008). Основной целью данного метода является изъятие человека из привычного, провоцирующего окружения, что, в свою очередь, должно вызвать изменение его образа жизни и привести к личностным изменениям. В исправительных учреждениях организована работа кабинетов психологической разгрузки, специально оборудованных для проведения с осужденными сеансов релаксации. Такие занятия способствуют снятию психического напряжения, «снижению чувствительности к криминальному, стрессовому воздействию», которому зачастую подвергаются осужденные в местах лишения свободы (Змановская, 2008, с. 169).

Кроме вышеописанных методов, психологами уголовно-исполнительной системы используются техники нейролингвистического программирования М. Эриксона, в частности, трансное внушение, дыхательные техники и др. (Стуканов, 2000; Карпухин, 2008; Каштымова, 2008; Савельева, 2008). С осужденными проводятся сеансы «внушения в трансное состояние с применением различных психотерапевтических метафор конструктивной направленности», для того чтобы стабилизировать эмоциональное состояние, снизить уровень тревоги, «найти конструктивные пути выхода из создавшейся кризисной ситуации» (Карпухин, 2008, с. 28).

Также психологами часто используются логотерапия В. Франкла, арт-терапия, гештальт-терапия, транзактный анализ и т. д. (Мокрецов, Новиков, 2006; Каштымова, 2008; Кузнецова, 2008; Новохатская, 2008). Так, техника медитативного рисунка позволяет повысить у осужденного адаптивные способности, а также уровень самоконтроля (Кононова, 2008). В исследовании О. Ю. Лукшиной показано, что проведение арт-терапии в сочетании с музыкотерапией (звуки природы) позволяет значительно снизить уровень ситуативной тревоги у подростков с противоправным поведением, осужденных к лишению свободы (Лукшина, 2008). Согласно исследованию Н. В. Бовкуновой, в процессе куклотерапии у несовершеннолетних осужденных женского пола наблюдается положительная динамика их эмоциональных состояний (Бовкунова, 2007). По результатам работы Е. А. Щелкушкиной, адекватным методом психокоррекции осужденных за убийство является гештальт-терапия (Щелкушкина, 2011).

С. И. Коробейниковым доказано, что для психологической коррекции агрессивного поведения у несовершеннолетних осужденных можно применять рационально-эмотивную терапию А. Эллиса, методику психосинтеза личностного Я Р. Ассаджоли, арт-терапию, тренинг модификации поведения И. А. Фурманова, аутотренинг Дж. Гердано (Коробейников, 2008). В своем исследовании автор подробно описывает возможности применения метода рационально-эмотивной терапии. Основной целью данного метода является оказание помощи конфликтной личности «в пересмотре системы убеждений» и «в освобождении от идеи самообвинения» (Коробейников, 2008, с. 55). Вместе с тем, по мнению С. И. Коробейникова, метод рационально-эмотивной терапии позволяет создать психологические предпосылки для оптимального разрешения конфликтной ситуации между отдельными личностями (конфликтогенами). Данные предпосылки заключаются: 1) в признании конфликтогенами личной ответственности за свои эмоциональные проблемы, возникающие в конфликтной ситуации, 2) в осознании возможности повлиять на эти проблемы, 3) в признании того, что причинами таких проблем являются иррациональные представления о себе и окружающем мире, 4) в осознании наличия подобных представлений у себя и др.

Согласно исследованию Е. Ф. Штефана, деструктивная агрессия осужденных обусловлена низким уровнем самосознания, недостаточно развитыми коммуникативными способностями и навыками саморегуляции (Штефан, 2008). В связи с этим автор предлагает проводить психокоррекционную работу с осужденными, направ-

ленную на формирование навыков саморегуляции и совладающего поведения, повышение коммуникативной компетентности (в форме тренинга).

По мнению Т.И. Савельевой, в качестве метода психологической коррекции личности осужденных с «примитивными психологическими защитами» (регрессия, отрицание и т.д.) можно использовать психодраму, в частности, социодраму, а также ролевой тренинг. Вместе с тем, как отмечает автор, более эффективными методами психокоррекции личности осужденных, для которых характерны «более зрелые психологические защиты» (рационализация, компенсация и т.д.), являются гештальт-терапия, логотерапия, а также нейролингвистическое программирование (Савельева, 2008, с. 142).

В исследованиях В.Г. Стуканова также отмечена роль преодоления психологических защит в исправительной психокоррекции. Он утверждает, что «одной из задач исправительной психокоррекции является преодоление защитных механизмов осужденного в нужном для процесса исправления направлении. Фактически эффективность любого психокоррекционного воздействия зависит от того, насколько умело та или иная методика преодолевает защитные механизмы личности. Одним из условий преодоления защит является установление психологического контакта и взаимодействие с бессознательной сферой личности осужденного» (Стуканов, 2000, с. 10).

Как отмечает В.Г. Стуканов, исправительная психокоррекция осужденного должна включать в себя три основных этапа: во-первых, формирование готовности к взаимодействию с психологом, во-вторых, формирование готовности к самоизменению, в-третьих, формирование правомерных альтернатив удовлетворения своих потребностей. В данном исследовании «психокоррекционное воздействие в целях формирования готовности к самоизменению наиболее эффективно осуществлялось посредством снижения самооценки и формирования внутриличностного конфликта. Отождествление отрицательного Я-образа (негативных представлений о себе) с реальным Я-образом осужденного стимулировало формирование потребности стать лучше, изменить себя. Переструктурирование Я-образа осужденных, склонных к правомерному реагированию, стало возможным посредством формирования положительного Я-образа (социально одобряемых представлений о себе) и потребности идентификации с ним Я-реального, что стало источником формирования готовности к самоизменению. Автор делает также вывод о том, что «к одному из эффективных психокоррекционных

методов воздействия, имеющих одновременно и диагностическое значение, относится коррекция посредством элементов психодрамы» (там же, с. 14).

С учетом результатов своего исследования С. Д. Хачатурян и А. В. Рогов делают вывод об основных направлениях психокоррекционной работы с осужденными за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. «На первом этапе психологическая коррекция осужденных по проблеме психических состояний соотносится с обеспечением процесса адаптации осужденного к условиям исправительного учреждения и проработкой обиды, связанной с принятием на себя ответственности за совершенное преступление. На втором этапе, а именно в середине срока отбывания наказания, необходима психологическая проработка основных смыслов жизни осужденного: цели, ценности, отношения в его непосредственном окружении. На третьем этапе отбывания наказания коррекция психических состояний связана с обеспечением процесса подготовки осужденного к освобождению» (Хачатурян, Рогов, 2009, с. 35).

В данном исследовании описаны также и возможности когнитивно-поведенческого тренинга, который применяется авторами с целью предотвращения рецидивов преступлений у осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Психолог вместе с осужденными рассматривает ситуации повышенной степени риска, в которых может произойти рецидив, а также анализирует их мысли и чувства, которые способны привести к «срыву». В результате когнитивно-поведенческой коррекции у осужденных могут формироваться определенные формы поведения, исключающие повторное совершение преступлений.

Г. В. Щербаковым было проведено исследование влияния психологической коррекции на мотивационную сферу личности впервые осужденных преступников (Щербаков, 2009). В качестве методов психокоррекции использовались ауто тренинг, ролевая игра, психодрама, в том числе социодрама, а также социально-психологический тренинг. Данные методы применялись с целью осознания осужденными вины за совершенные ими преступления в процессе переживания ситуации преступления и наказания, понимания социальной сущности наказания, осознания необходимости отбыть наказание и полного раскаяния в совершенном преступлении. Как показали результаты исследования, психологическая коррекция способствовала позитивной адаптации личности осужденных, формированию направленности на исправление, оптимизации ее мотивационной сферы в целом.

Как справедливо отмечает Е. Л. Сучкова, «в исправительных учреждениях необходимо осуществлять целенаправленную работу по противодействию неформальным нормам тюремной субкультуры. Именно групповое моральное сознание осужденных, опирающееся на собственное представление о справедливости, дискредитирует существующие правовые нормы. Ни для кого не является секретом то, что тюремная субкультура, несмотря на все усилия сотрудников, остается важным элементом, регулирующим и регламентирующим различные стороны жизни осужденных» (Сучкова, 2011, с. 67).

В число задач индивидуального и группового коррекционного воздействия входит также и задача формирования конструктивной мотивации на выполнение социальных требований и на изменение привычного поведения, на усвоение жизненно важных умений и приобретение практических навыков рационального поведения, на изменение системы отношений, на повышение стрессоустойчивости и уровня самоконтроля и т. д. (Мокрецов, Новиков, 2006; Сучкова 2011). В упомянутом исследовании Е. Л. Сучковой применяется групповое коррекционное воздействие И. Ялома, С. Кратохвила для нейтрализации негативного влияния норм тюремной субкультуры на поведение личности осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении.

Как отмечает К. Рудестам, при групповом коррекционном воздействии основным механизмом влияния на личность является целенаправленное использование всей совокупности взаимодействий, возникающих внутри группы между ее участниками (групповой динамики), в терапевтических целях (Рудестам, 1990). Индивидуальное и групповое коррекционное воздействие может включать такие приемы, как коррективный эмоциональный опыт (эмоциональная поддержка), конфронтация, научение, «угасание» нежелательного поведения, саморегуляция, стимулирование позитивной мотивации и формирование позитивного поведения, когнитивное переконструирование, конструктивное разрешение конфликтных ситуаций (в частности, с помощью ролевых игр). Конфронтация представляет собой столкновение личности со своими психологическими проблемами, эмоциональными и поведенческими стереотипами, отношениями и т. д., которое осуществляется с помощью обратной связи членов группы. Научение предполагает не только получение личностью новой информации, обратной связи о себе, анализ моделей поведения, но и изменение неконструктивных элементов самой личностью.

Кроме того, в исследованиях авторов отмечается роль проведения социально-психологического тренинга в коррекции правовых

представлений личности осужденных (Сучкова, 2011), а также роль интерперсональной коррекции в оптимизации их эмоционального состояния (Мокрецов, Новиков, 2006).

Перейдем к рассмотрению методов психокоррекции личности осужденных в зарубежных исправительных учреждениях. Анализируя европейскую, а также американскую пенитенциарную практику, В. М. Поздняков пишет, что в XX в. «по мере роста авторитета психоанализа его видные представители – Ф. Александер, А. Адлер, В. Бромберг, А. Митчерлих – и ряд других специалистов-практиков постарались реализовать в пенитенциарных учреждениях различные психоаналитические подходы и техники, чтобы „убрать“ у осужденных сформированные в детстве „неблагоприятные“ защитные механизмы, а также улучшить социальную адаптированность последних за счет снижения у них агрессивности, фрустрации и других критических состояний, вызванных арестом и нахождением в местах лишения свободы. <...> Развитие бихевиористически ориентированной психотерапии и разработка внутри нее конкретных „технологий научения“, использующих тот или иной вид механизмов обусловливания („классический“ по Дж. Уотсону, „оперантный“ по Б. Скиннеру, „имитационный“ по А. Бандуре и др.), привели к тому, что... последние стали доминирующими» в психокоррекционной работе с осужденными в пенитенциарных учреждениях США, в Канаде, Германии, Англии (Поздняков, 1998, с. 59, 60). Хотя результативность многих бихевиоральных технологий, направленных на модификацию поведения у различных категорий осужденных, оказывается недостаточно высокой, в настоящее время предпринимаются новые попытки их дальнейшего совершенствования. Последнее обеспечивается путем одновременного с ними применения таких психотехник, как гештальт-терапия Ф. Перлза, психосинтез Р. Ассаджоли, нейролингвистическое программирование Дж. Гриндера и Р. Бэндлера, транзактный анализ Э. Берна и др. (Фокс, 1985; Айзенк, 1994; Eysenck, 1973).

В европейских пенитенциарных учреждениях распространены также и методы психологической коррекции в рамках экзистенциально-гуманистического направления в психологии, представленного работами таких авторов, как Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Мэй, Л. Бинсвангер, Дж. Бунженталь, В. Франкл, Б. Беттельгейм и др. К наиболее часто применяемым методам воздействия на личность осужденных в европейских исправительных учреждениях относятся личностно-центрированная терапия К. Роджерса, логотерапия В. Франкла, телесно-ориентированная терапия В. Райха, А. Лоуэна и др. (Поздняков, 2006).

Вместе с тем, по мнению Дж. Боулби, применение метода психодрамы Я.Л. Морено в исправительных учреждениях играет значительную роль в коррекции эмоционального состояния осужденных, их неадекватной самооценки, их представлений о себе (Bowly, 1989).

По мнению ряда отечественных специалистов, одним из наиболее эффективных методов вторичной профилактики криминального поведения является «духовная психотерапия» (Змановская, 2008, с. 169), или религиозное воспитание (Горбунов, 2005; Кошель, 2008; Перебинос, 2009). В связи с тем, что большинство осужденных в российских исправительных учреждениях считают себя православными, религиозное воспитание в данных учреждениях преимущественно является православным.

Неотъемлемой частью воспитательной работы, проводимой в исправительных учреждениях в советские времена, являлось трудовое воспитание – привлечение к производительному труду, необходимому для формирования позитивных моральных ценностей (Ананьев, 2011; Ветошкин, 2001; Макаренко, 1960; Шиханцов, 2006). В постперестроечный период, как и в XIX в., важным аспектом воспитательной работы с осужденными вновь стало православное воспитание (при советской власти ведущую роль в перевоспитании преступников отводили труду). В исправительных учреждениях начали строиться храмы, священнослужителями стали проводиться службы, получила распространение религиозная литература и т. д. (Горбунов, 2005; Исправительная (пенитенциарная) педагогика, 1993; Пастырское служение в тюрьме, 1998; Перебинос, 2009). В настоящее время все реже становится возможным применение метода трудового воспитания осужденных в связи с отсутствием во многих исправительных колониях России сферы производства. В то же время почти над всеми исправительными колониями возвышаются купола православных церквей.

Православное воспитание в русской ментальности, в частности, воспитание положительного отношения к заповедям Закона Божьего, несомненно, способствует формированию морали, которая является наиболее общим регулятором поведения личности (Абульханова, 1999). В России отношение к заповедям является неотъемлемой частью отношений к моральным ценностям, а отношение к Богу – основой морали, так как христианство является важнейшей составляющей русской культуры.

Кроме вышеописанных методов воспитания, во многих исправительных учреждениях также практикуются общеобразовательное обучение и профессиональная подготовка осужденных. Данные

методы воздействия, несомненно, способствуют более эффективно-му прохождению их ресоциализации и реадaptации, а также формированию правосознания их личности (Ананьев, 2011; Ветошкин, 2001; Перебинос, 2009).

Необходимость православного воспитания и общеобразовательного обучения осужденных в исправительных учреждениях не вызывает сомнений. Однако недостаточно сформированный в онтогенезе личности осужденных самоконтроль и, как следствие, эмоциональная незрелость препятствуют полноценному усвоению правовых норм, моральных, религиозно-этических ценностей (Зеньковский, 1995; Сочивко, Литвишков, 2006; Выдрина, 2007; Шустова, 2007; Щербакова, 2009).

***

Таким образом, научная актуальность нашего исследования подтверждается результатами проведенного выше анализа. Применение рассмотренными авторами методов психокоррекции, как правило, не сопровождается теоретическим объяснением ее механизмов, т. е. не приводятся теоретические положения, объясняющие, почему тот или иной метод не имеет на личность осужденного нравственно положительного воздействия. Системно, с единых теоретических позиций, не учитывается влияние природно-климатических, социокультурных и других факторов на особенности личности, ее поведение, в частности, на формирование тревожности как психологической основы возникновения криминального поведения. Существенно, что в пенитенциарной психокоррекции в должной мере не учтена специфика современной российской «мультикультурной» культурно-исторической ситуации, оказывающей непосредственное влияние на личность (Сухарев, 2008).

В связи с тем, что в качестве психологической основы криминального поведения рассматривается тревожность (Антонян, Еникеев, Эминов, 1996 и др.), психологическая коррекция тревожности с учетом перечисленных факторов может использоваться как метод вторичной профилактики криминального поведения.

В качестве метода психологической коррекции особенностей личности осужденных, *системно* учитывающего специфику современной «мультикультурной» культурно-исторической ситуации, мы используем метод *этнофункциональной коррекции*, основанный на методологических принципах исторически актуальной *этнофункциональной парадигмы* в психологии (Сухарев, 2008).

Преимущество метода этнофункциональной коррекции – в частности, перед наиболее распространенным в пенитенциарной системе методом религиозного воспитания – состоит в том, что он спо-

способствует снижению уровня тревожности, а также гармонизации взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности, т. е. повышению самоконтроля, посредством этноинтеграции образной сферы личности. Данные изменения могут обуславливать более эффективное усвоение личностью осужденного моральных, религиозных принципов (Сухарев, 2008; Шапорева, 2007; Шустова, 2007). В этнофункциональном подходе выделяется ведущая роль образов родной природы для психической адаптированности человека в системе его отношений (Сухарев, 1998), что позволяет опираться на данные образы в процессе *психологической коррекции нравственных отношений личности*. Последнее обстоятельство особенно важно для работы с социально отклоняющимся поведением, в частности, в пенитенциарных учреждениях.

Глава II

Этнофункциональная парадигма в психологии: теория и практика

2.1. Образная сфера личности.

Роль образов природы в формировании нравственности

Понятие «образ» принадлежит к числу фундаментальных в психологической науке. Его этимологическое значение связано с идеей «отпечатка» (Чернышева, 1991), что соответствует философскому пониманию образа как «формы отражения объекта в сознании человека» (Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 432). В психологической науке данное понятие определяется как субъективное отображение в сознании личности предмета или явления действительности (Психология, 1990, с. 240).

В зависимости от уровня психического отражения, в общепсихологических исследованиях рассматриваются сенсорно-перцептивные образы (на сенсорно-перцептивном уровне), а также образы представлений, воображения, памяти и др. (на уровне представлений) (Ананьев, 1960; Завалова, Ломов, Пономаренко, 1986; Зинченко, Вергилес, 1969; Леонтьев, 1979; Ломов, 1984; Теплов, 1961; и др.). Образы, относящиеся к уровню представлений, являются *вторичными*, т. е. образами предметов и явлений, не данных непосредственно в чувственном восприятии. Важнейшей особенностью вторичных образов является их полимодальность, включающая зрительную, слуховую, кинестетическую и другие модальности. Ведущую роль в системе связей между различными органами чувств играет *зрительная модальность*, которая преобразует весь сенсорно-перцептивный опыт субъекта (Ананьев, 1960; Береговой, Завалова, Ломов, Пономаренко, 1978).

Вторичный образ выступает как системное образование, интегрирующее уровни психического отражения (Ломов, 1984; Ломов, Сурков, 1980). Сформированный в единстве восприятия, мышления и речи, вторичный образ представляет собой единство конкретно-чувственного и абстрактно-понятийного (Ананьев, 1960).

Совокупность вторичных образов в психике человека может быть обозначена как *образная сфера* (понятие, введенное А. А. Гостевым), которая связана с восприятием, памятью, мышлением, волевыми качествами, особенностями эмоционально-мотивационной сферы, а также с моралью и религиозными отношениями и др. (Арнхейм, 1994; Величковский, 1982; Дудецкий, 1997; Ильин, 2000; Якиманская, 1980; Richardson, 1977) и является интегральной характеристикой личности. В работах Б. Ф. Ломова (Ломов, 1984), К. К. Платонова (Платонов, 1972) отмечается, что эмоции необходимым образом включены в процесс психического отражения – субъект отражает действительность с той специфической позиции, которую он в этой действительности занимает. «Это относится также к мотивам, волевым процессам и всем другим психическим явлениям» (Ломов, 1984, с. 173). Вместе с тем образ выражает эмоциональное отношение к предмету отражения (Панов, 1997). В связи со сказанным, важнейшей характеристикой вторичного образа является его эмоциональный компонент, влияющий на поведение личности и ее психическое состояние (Бодалев, 1982).

Следует также отметить, что в работах В. Вундта обозначена связь мышления с вторичными образами. Более того, автор определяет воображение как мышление в образах (Вундт, 1897).

К элементам образной сферы личности относятся «многоликие репродуктивные образы памяти (долговременной, кратковременной и оперативной), обобщенные образы-представления о тех или иных предметах и явлениях окружающего мира, образы воображения, фантазий, сновидений, различные классы образов измененных состояний сознания» (Гостев, 2007, с. 26). В нашем исследовании речь идет о репродуктивных образах памяти и образах воображения, относящихся к уровню представления. Главным определяющим признаком репродуктивных образов памяти является реконструкция прошлых впечатлений различной степени обобщенности.

Вторичные образы характеризуются единством отражательной и регулирующей функций, на основе которых формируется «программа» поведения личности (Ганзен, 1990; Ильин, 2000; Рубинштейн, 1946). Кроме отражательной и регулирующей функции, вторичные образы обладают прогнозирующей функцией, а также функцией «фильтрующих эталонов» (селекция нужной информации) и др. (Гостев, 2007; Ломов, 1984; Ломов, Сурков, 1980). Кроме того, образная сфера обладает имагинативно-практической функцией, позволяющей осуществлять психокоррекцию личности. В работах А. А. Гостева, Х. Лейнера, А. Менегетти, Я. Л. Обухова и др. показана эффективность имагопрактики (работы с образами) в психологи-

ческой коррекции различных проявлений социальной и психической дезадаптированности личности – тревожности, страхов, невротических расстройств и т. д. (Гостев, 2007; Лейнер, 1996; Менегетти, 2004; Обухов, 2005).

Для нашего исследования важно, что специфика характеристик личности соответствует содержанию ее образной сферы (Hogowitz, 1978). Другими словами, эмоциональные, когнитивные и другие характеристики образной сферы в целом можно рассматривать как особенности личности.

Вслед за В. Н. Мясищевым, мы полагаем, что в основе личности лежит система отношений к действительности, обусловленная ее онтогенетическим развитием (Мясищев, 1995). По мысли В. Н. Мясищева, «отношение есть всегда выражение личности в целом, оно личностно и целостно» (цит. по: Левченко, 2003, с. 203) и представляет собой интегральную, сознательную, активную, избирательную, основанную на опыте взаимосвязь личности с действительностью. Мясищев сохранил предложенную А. Ф. Лазурским и С. Л. Франком трактовку отношения, согласно которой оно имеет эмоционально-потребностную природу, но не ограничился ею, выделив, наряду с *эмоциональным* и *когнитивным* (или поведенческим), *когнитивный компонент отношения*. Эмоциональный компонент обуславливает эмоциональное отношение личности к окружающему и к себе, когнитивный компонент «способствует восприятию и оценке (осознанию, пониманию, объяснению) объектов среды, людей и самого себя»; поведенческий компонент «способствует осуществлению выбора стратегий и тактик поведения личности по отношению к значимым (ценным) для нее объектам среды, людям и самому себе» (Аверин, 1999, с. 23).

Ведущим компонентом системы отношений является эмоциональный, так как его особенностями во многом определяется характер остальных компонентов. Например, повышенная тревога может обуславливать эмоциональное торможение когнитивных процессов (Божович, 2001; Жамкочьян, 1973; Мэй, 2001; Сухарев, Степанов, 2006). В отношениях личности образ может рассматриваться в качестве отображения предмета отношения. На основе теории отношений В. Н. Мясищева можно предположить, что изменение образа предмета отношений, в частности, его ведущей зрительной модальности, воздействуя на систему отношений личности в целом, может обуславливать изменения и других личностных характеристик – эмоциональных, когнитивных, нравственных и т. д.

Для нашего исследования важно, что отношение к морали, по замечанию К. А. Абульхановой, является ведущим регулятором поведения личности в российской ментальности (Абульханова, 1999).

По утверждению А. А. Хвостова, важнейшим критерием морального сознания личности является ее отношение к аморальному поведению (Хвостов, 2005). Также автор отмечает, что этнокультурная специфика морали является более значимой, чем остальные факторы. По этой причине мы предприняли изучение отношения испытуемых к заповедям Закона Божьего как этической составляющей православной культуры, являющейся неотъемлемой частью русской культуры. Вместе с тем, для нашего исследования существенно, что в экстремальных условиях (например, у осужденных, отбывающих наказание в заключении) могут происходить кратковременные и долговременные изменения морального сознания (Хвостов, 2005).

Выделяемое А. Ф. Лазурским отношение к природе является существенной характеристикой личности (Лазурский, 1997). По мнению В. А. Ясвина, природные объекты оказывают существенное влияние на поведение человека (Ясвин, 2000). В своих исследованиях С. Д. Дерябо, В. И. Панов, Г. В. Шейнис, В. А. Ясвин опираются на так называемую универсальную этику. В системе данной этики природа рассматривается не только утилитарно-эгоистически, как материал и сырье для труда, но как самоценность и наделяется качествами субъекта (Дерябо, Ясвин, 1996; Дерябо, 2002; Панов, 2006; Шейнис, 2009). В исследованиях С. Д. Дерябо показано, что взаимодействие личности с природными объектами и явлениями, их «субъектификация» могут обуславливать «гармонизацию» ее представлений о мире (Дерябо, 2002).

М. Черноушек и В. Е. Орел также отмечают важность взаимодействия личности с природой, в частности, с животным миром, особенно в детском возрасте (Черноушек, 1989; Орел, 2008). Авторы подчеркивают, что отношение к естественной (природной) среде является необходимым для полноценного развития личности. Например, общение с животными в детстве способствует развитию эмпатии у ребенка, умения сопереживать и сочувствовать, что является профилактикой возникновения элементов асоциального поведения у подростков (Ибрагимова, 1993; Филипчук, 1989). В наших исследованиях показано, что для психической адаптации человека ведущим является эмоционально положительное отношение именно к родной природе (Сухарев, 1998). Причем данное отношение рассматривается в системной взаимосвязи отношений к различным этнокультурным, в том числе религиозным и морально-этическим, характеристикам этносреды.

В работах Дж. Голда, В. Н. Сосновского и др. рассматривается влияние особенностей природной среды на формирование поведения и культуры человека и этнокультурного пространства в целом

(Голд, 1990; Сосновский, 1984). По замечанию Б. А. Душкова, «внутреннее, содержательное единство человека и природы служит одной из важнейших характеристик культуры» (Душков, 1987, с. 65). По его мысли, системообразующей функцией культуры является формирование нравственной стороны отношений личности к природе. Бережное, сознательное отношение к ней играет важнейшую роль в нравственном воспитании, которое как раз основано на «организации отношений личности к окружающей природной среде» (Душков, 1987, с. 233). Усвоение нравственных норм происходит в процессе активного участия личности в созидательной деятельности по охране природы. На ее основе формируются такие нравственные качества, как справедливость, взаимопомощь, сочувствие и т. п. (Шейнис, 1995, 2009).

«Моралистическая» ценность природы заключается в осознании личностью связи с природой и ответственности за ее сохранение (Ясвин, 1999, с. 62). На этой основе формируются не только моральные принципы, но и правовые нормы (Каропа, 1995).

Таким образом, самоценное отношение к природе обуславливает моральное сознание личности. Деформация морального сознания, нарушение правовых норм связано с нарушением самоценного отношения к природе.

В приведенных выше исследованиях говорилось об отношении к природе в целом, в «планетарном масштабе», без учета региональной специфики природно-климатических условий проживания индивидов. Мы же полагаем, что положительное изменение отношения именно к явлениям и объектам родной природы может обуславливать и положительные изменения личности и, в частности, изменения ее отношения к моральным ценностям, специфическим для конкретного «этнокультурного» региона. В этом плане перспективным представляется применение этнофункциональной парадигмы в психологии, опирающейся на представление об этносреде как системе природных, культурно-психологических, антропологических, а также трансцендентных параметров ее развития (Сухарев, 2008).

2.2. Этнофункциональный подход к психологической коррекции образной сферы личности

Историческая актуальность этнофункциональной парадигмы в психологии

Современный этап культурно-исторического развития, по мнению большинства исследователей, характеризуется как кризисный (Давыдов, 1990; и др.). Как отмечает А. А. Сусоколов, в условиях новой

информационной ситуации возрастает роль этничности в жизни и всего общества, и отдельного человека (Сусоколов, 1990). *Этничность* человека многими авторами описывается как совокупность социокультурных, антропо-биологических и ландшафтно-климатических признаков (Гумилев, 1993; и др.). Сусоколов утверждает, что именно этнос оказывается той «субкультурой» современного общества, которая в наибольшей степени способна, по выражению О. Тоффлера, выполнять функции «информационного фильтра» (Тоффлер, 1973), оптимизирующего потоки информации, обрушивающиеся на современного человека в единицу времени. Этому способствуют такие свойства этноса, как 1) нормативная целостность, 2) устойчивость этнического статуса личности, 3) стабильность состава, 4) устойчивость во времени.

Возникновение острой потребности в «информационных фильтрах» объясняет обращение к этноспецифическим ценностям, представляющимся вечными и незыблемыми. Ориентация на специфические ценности собственного этноса накладывает ограничения на возможное поведение и «отфильтровывает» социально значимые сигналы, ставя в центр внимания информацию, касающуюся собственного этноса и отодвигая на периферию сообщения, являющиеся существенными для других этносов. В современную кризисную эпоху процесс этнической идентификации как переживание личностью своей принадлежности к тому или иному *этническому типу* (этносу, этнической системе) является ее «болевым точкой» и выступает важнейшим смыслообразующим фактором в поведении человека (Сухарев, 2008).

Этническая идентичность играла важную роль и во времена предыдущих кризисов, описанных как в истории Древнего мира, так и в Новейшей истории. По мнению большинства исследователей в области исторических наук, ярким примером кризиса Древнего мира является кризис в эпоху правления римских императоров Цезаря и Августа (I в. до н. э.), которая характеризовалась «смещением народов», «сглаживанием особенностей разных племен и народностей и усилением одной общей черты – изношенности, измельчания характеров» (Моммзен, 1993, с. 179–180). В Новейшей истории кризисным был, например, период борьбы китайского народа против иностранных захватчиков в последние годы маньчжурской династии Цин (конец XIX–начало XX вв.), завершившийся превращением Китая в слабое государство, практически обслуживающее интересы Европы и США. Причиной успешности иностранного влияния был глубокий упадок этой династии, которая и сама всегда воспринималась китайцами как этнически чуждая. Восстание ихэцзюаней

(«боксеров»), обусловленное указанными противоречиями, проходило под лозунгами: не нарушать заветов родителей и обычаи, уничтожать чужеземцев, убивать чиновников-взяточников – представителей этнически чуждой маньчжурской власти (Гумилев, 1993; Ефимов, 1973).

Вышеприведенные примеры иллюстрируют тот факт, что «этническая идентичность в условиях современного кризиса европейской культуры является исторически актуальной „точкой отсчета“ поведения человека, принадлежащего определенному этносу или этнической системе, а этнология – базовой наукой в методологии анализа и прогноза этого поведения» (Сухарев, 2009а, с. 127). С позиций такого подхода этничность рассматривается в качестве смыслообразующего фактора в поведении личности и общества, что обозначается в науке как «этническая парадигма» (Козлов, 1995).

С другой стороны, как уже ранее отмечалось, современный этап культурно-исторического развития российского общества характеризуется нарастающей этнической неоднородностью социальных установок, представлений и т. д. Причиной подобных явлений служит массовое распространение в эпоху модернизации коммуникационных и транспортных технологий, которое обуславливает смешение народов, культур, религий. Данное смешение происходит не только в социуме, но и на личностном уровне. В психике отдельного человека идет смешение представлений, образов различных культур, ландшафтов и др. Нарастает «расовая» и «культурная» маргинализация человека (Stonequist, 1961), которая во все большей мере становится его важнейшей характеристикой. С учетом этнокультурной комплексной разнородности географических, религиозных и других образов этносреды (т. е. представлений об этнических признаках) в психике отдельного человека можно говорить об «этнической маргинальности» его личности (Сухарев, 2008).

Этим объясняется особая актуальность применения этнофункциональной парадигмы в психологии на современном этапе культурно-исторического развития общества. С позиций *принципа исторической актуальности* (Сухарев, 2009а) этнофункциональные факторы выступают существенными детерминантами поведения современной личности и общества.

Одним из базовых понятий данной парадигмы является понятие этносреды. Как уже ранее отмечалось, с позиций этнофункциональной парадигмы реальная *этносреда* представлена в психике как совокупность образов этносреды, которые наделяются этнической функцией – *этноинтегрирующей* (объединяющей личность

с той или иной этносредой) и *этнодифференцирующей* (разобщающей с ней).

В идеале все образы этносреды представляют собой систему, и их взаимодействие определяется только этноинтегрирующей функцией. Однако нередко взаимодействие образов реальной этносреды (этнофункциональной среды) определяется не только этноинтегрирующей, но и этнодифференцирующей функцией, снижающей степень психической адаптированности человека. Следует отметить, что ментальность того или иного современного общества или отдельного человека этнофункционально неоднородна и включает образы различных этносред.

В этнофункциональной парадигме в качестве важнейшего условия целостности и психической адаптированности личности рассматривается жизнеспособность системы образов ее родной этносреды. Система образов этнофункциональной среды является жизнеспособной до тех пор, пока дезадаптирующее воздействие этнодифференцирующих образов компенсируется адаптирующим влиянием этноинтегрирующих образов.

В соответствии с принципом этнофункциональной системности, нарастание количества предпочтений этнодифференцирующих образов в образной сфере личности увеличивает риск возникновения психической дезадаптированности (Сухарев, 1998). Многочисленные эмпирические исследования показывают, что экзотические образы этносреды могут обуславливать формирование тревожности, склонность к делинквентному поведению, негативное отношение к моральным ценностям и т. д. (Выдрина, 2007; Грачев, 2009; Тимохин, 2005; Шапорева, 2007; Шустова, 2007; Сухарев, Степанов, 2006; Сухарев, Чулисова, 2010а; и др.).

Образная сфера личности рассматривается в этнофункциональной парадигме в двух аспектах: *онтогенетическом* и *пространственном*. Онтогенетический аспект характеризуется особенностями этнофункционального развития образной сферы, т. е. временем появления и содержанием образов в раннем онтогенезе. Пространственный аспект характеризуется предпочтением личностью тех или иных образов этносреды: природно-климатических, антропологических, социокультурных, трансцендентных и др.

Помимо принципа исторической актуальности, этнофункциональная парадигма в психологии основана на таких методологических принципах, как 1) принцип этнофункциональности, 2) этнофункциональной системности, 3) этнофункционального единства микро- и макрокосма, 4) этнофункционального развития, 5) этнофункционального детерминизма.

Базовым принципом данной парадигмы является *принцип этнофункциональности*, согласно которому каждый элемент этносреды (системы внутренней и внешней сред человека) наделяется этноинтегрирующей или этнодифференцирующей этнической функцией. С позиций данного принципа, носителями этнической функции могут являться элементы образной сферы личности (отдельные образы), ее отношения, состояния, процессы и т. д.

Принцип этнофункциональной системности предполагает взаимосвязь природно-климатических, антропо-биологических, социокультурных и трансцендентных (духовных) элементов этносреды человека. В идеале данные элементы полагаются этноинтегрирующими (относящимися к этносреде рождения и проживания). В реальности же с появлением этнодифференцирующих элементов (элементов из чуждых этносред) происходит нарушение их взаимосвязанности, что может обуславливать разрушительные для личности и этнической системы в целом процессы. Данный методологический принцип является базовым в этнофункциональной парадигме и представляет собой современную операционализацию системного подхода к изучению человека (Ананьев, 2000; Ломов, 1984).

Таблица 1

Принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма (пример аналогии некоторых этапов развития русской этносреды* со стадиями развития личности)

Этапы развития русской этносреды	Язычество		Христианство	Просвещение
	Фетишизм (по А. Ф. Лосеву)	Анимизм, героизм (по А. Ф. Лосеву)		
Стадии развития личности	Природная стадия	Сказочно-мифологическая стадия	Религиозно-этическая стадия	Стадия просвещения
Оптимальные возрастные периоды прохождения стадий**	От 1 года до 5 лет	С 2 до 5 лет	С 6 до 8 лет	С 7 до 9 лет

Примечание: * – этносреда определяется как «русская» на основе признака ведущей (системообразующей) культуры и языка. ** – периоды определены на основе результатов эмпирических исследований (см.: Сухарев, 2008).

Согласно *принципу этнофункционального единства микро- и макрокосма*, стадии развития личности аналогичны этапам развития этносреды ее рождения и проживания (данная аналогия наглядно представлена в таблице 1). Описываемый принцип раскрывает взаимосвязь истории этносреды и развития личности.

В соответствии с *принципом этнофункционального развития*, личность в своем онтогенезе в идеале должна пройти стадии, содержание и последовательность которых соответствует содержанию и последовательности этапов исторического развития этносреды ее рождения и проживания. Подобный план развития обуславливает формирование полноценной личности – в биологическом, психическом и духовном аспектах.

Сущность *принципа этнофункционального детерминизма* заключается в том, что нарушение этнофункциональной системности (целостности элементов этносреды человека) и/или этнофункционального развития личности обуславливает ее дезадаптированность, проявляющуюся в той или иной форме. Соответственно, восстановление этнофункциональной системности приводит к снижению степени дезадаптированности личности.

Теория этнофункционального развития образной сферы личности

На основе методологических принципов этнофункционального единства микро- и макрокосма и этнофункционального развития можно выделить определенные стадии в развитии образной сферы личности. Содержание и последовательность данных стадий определяются образным содержанием и последовательностью этапов исторического развития этносреды рождения и проживания человека.

Каждый этап развития этносреды характеризуется *ведущим образным содержанием*, которое обуславливает формирование образной сферы личности на соответствующей стадии ее этнофункционального развития. Данное содержание играет ведущую роль на конкретном этапе развития этносреды, которая может определяться с помощью метода историко-психологической реконструкции (Блок, 1986; Гуревич, 2005; Кольцова, 2004).

Начальные этапы развития русской этносреды определяются по аналогии с выделенными А. Ф. Лосевым этапами развития мифа (античной мифологии): 1) преанимизм, или фетишизм (поклонение природным явлениям и стихиям); 2) анимизм (одухотворение природных явлений и стихий); 3) героический, или социально-антропологический, период (появление взаимодействия духов природных стихий и человека) (Лосев, 1957, с. 34–89). После перечисленных

этапов в развитии русской этносреды наступает христианский этап, после него – этап просвещения, а затем этап постиндустриального общества (Фомина, 1990, с. 270–271).

Выделяются следующие стадии этнофункционального развития образной сферы личности.

1. *Пренатальная стадия* – соответствует доисторическому (т. е. описываемому на основании лишь косвенных источников, например, античных, арабских и пр.) этапу развития русской этносреды. На этой стадии «задается первичный *синкретический образ* личности и ее начальный энергетический потенциал. Система отношений с этносредой, как и сама личность, латентна, «потенциальна». Формирование величины начального энергетического потенциала личности определяется всей совокупностью этнофункциональных условий развития латентной личности в пренатальный период – наследственных и социально-психологических характеристик родителей, биопсихологических условий протекания беременности и родов, природно-климатических особенностей ареала зачатия и рождения и пр. «Ведущий» синкретический образ этносреды латентной личности определяется образной сферой личности матери. Регулирующую функцию на данной стадии осуществляют нейропсихологические и психофизиологические модальности данной сферы. «Доисторическая» стадия оптимальна для формирования начального энергетического (потребностного) потенциала личности.

2. *Природная стадия* соответствует «хтоническому, преданимистическому» этапу развития русской этносреды (Лосев, 1957). Оптимальным возрастным периодом прохождения данной стадии является период с момента рождения до 5 лет.

На природной стадии «происходит активация заданного на «доисторической» стадии начального энергетического потенциала личности, проявляющегося в интенсивности протекания эмоциональных процессов (пока еще неконтролируемых) и силе потребностей. Регулирующим «ключом» к активации начального энергетического потенциала являются первичные, вербально малодифференцированные и аффективно заряженные образы природы этносреды ареала рождения личности. Дифференциация синкретического образа этносреды сопровождается переходом от непосредственного «дословесного» восприятия целостного образа мира – к словесному выделению зрительных, слуховых и других ощущений и образов природных стихий, явлений и т. д. Начинается дифференциация энергетического потенциала личности по направлениям – от потребностей к субъективно обусловленным мотивам.

3. *Сказочно-мифологическая стадия* (оптимальный возрастной период – с 2 до 5 лет) соответствует ментальности «языческого» этапа развития русской этносреды, который условно можно разделить на анимистический и следующий за ним героический периоды (Лосев, 1957). В соответствии с этим ведущим образным содержанием на этой стадии являются образы олицетворенных духов природы, а впоследствии – образы взаимодействия природных духов с человеком, отраженные в народных русских сказках.

Регулирующая функция на данной стадии осуществляется в форме более или менее удачных попыток контроля эмоций и потребностей, начинается формирование когнитивной саморегуляции эмоционально-мотивационной сферы.

4. *Религиозно-этическая стадия* (оптимальный возрастной период – с 6 до 8 лет) соответствует христианскому этапу развития этносреды. Ведущее образное содержание – православные образы (образы Христа, Богородицы, святых и др.), христианские представления о морали, регулирующие поведение личности. В связи с этим данная стадия является оптимальной для религиозно-этического воспитания, которое обуславливает сформированность когнитивного контроля эмоционально-мотивационной сферы.

5. *Стадия «просвещения»* (оптимальный возрастной период – с 7 лет) соответствует началу эпохи Просвещения в России. Ведущее образное содержание – научные представления о мире, образы, относящиеся к другим этносредам. Регулирующая функция осуществляется научными интересами и способами мышления, операциональной стороной отношений – знаниями, умениями, навыками, а также познавательными интересами к другим этносредам.

6. *Стадия «синтеза»* соответствует современному «этнокультурно-мозаичному» этапу постиндустриального общества: необходимости наследования личностью целостной русской этносреды и тем самым обретения собственной целостности. Здесь начинает формироваться система отношений к русской этносреде как целому, *целостный образ русской этносреды*. На данной стадии завершается наследование целостной этносреды.

7. *Проектируемая стадия («мудрости»)* соответствует предполагаемому развитию конкретной личности в будущем и формированию полноценной системы ее отношений к природе, культурам, к *этносфере* (термин Л. Н. Гумилева) (Гумилев, 1993) в целом (т. е. к системе этносред). Ведущее образное содержание данной стадии – целостный образ этносферы планеты и относительное снижение влияния на развитие личности этнофункциональных факторов.

Наши ранее проведенные исследования показали, что образное содержание ранних стадий этнофункционального развития играет более существенную роль в формировании адаптационного потенциала личности, а также когнитивного контроля ее эмоционально-мотивационной сферы, чем образное содержание последующих стадий (Сухарев, Степанов, 2006). Вместе с тем каждый образ, относящийся к той или иной стадии, выполняет регулирующую функцию, которая определяется спецификой его модальностей.

Помимо этого, каждая стадия этнофункционального развития характеризуется эмпирически выявленным *оптимальным возрастным периодом* (Сухарев, 2008). Данный период оптимален для психической адаптации личности к соответствующему ему образному содержанию.

Этнофункциональная архегения личности и этносреды

Подводя итог предшествующим теоретическим и эмпирическим исследованиям, мы пришли к необходимости введения нового интегрального понятия (Сухарев, 2008). Оно связывает многие направления мысли прошлого и современности, наполняя их не только научно-психологическим, но и философским содержанием. На высоком уровне обобщения было введено философское понятие *архегении* (от *древнегр.* архе – «первый, начальный»; генос – «происхождение, род») как *идеального прообраза (эйдоса) развития*. Данный прообраз определяется как *естественное, неискаженное развитие*. Каждый конкретный образ развития может приближаться к своему идеальному прообразу (или отдаляться от него) по признакам последовательности и скорости изменения содержания стадий. Например, есть идеальный прообраз развития березы, а есть искаженный – из-за погодных условий, влияния человека и пр. Данное понятие – своеобразная модификация «идеи» Платона (эйдоса), вернее, дополнение к античным «идеям», так как понятие развития как таковое в древнегреческой античности не рассматривалась. Античность статична, самодостаточна, так как в ней было лишь представление о совершенствовании человека в смысле очищения эйдоса от искажающих его изначальную чистоту элементов. Обобщенная идея развития стала рассматриваться значительно позже в связи с христианской эсхатологией и устремленностью к идеалу. Вместе с тем в целях преемственности развития научного знания мы определяем архегению в системе платоновских представлений как новый «эйдос», т. е. «предел становления вещи» (Платон, 1970, с. 505–506). Здесь «вещь» понимается как все возможные проявления развития (ступени развития, их содержание) в природе, обществе

и пр. В применении к личности человека архегения представляет идеал, на который направлено развитие психически здоровой и нравственной личности.

Следует отметить, что на представление о естественном развитии опирались в своих работах А. Каменский (принцип «природосообразности» в воспитании), Ж. Ж. Руссо и др. В отечественной психологии воспитание как «овладение естественными процессами развития» определял Л. С. Выготский (Выготский, 1982, с. 107). Однако не только в психолого-педагогическом, но и в философском смысле представление об архегении как идеальном прообразе развития, понимаемого как естественное, ранее никем не формулировалось.

В рамках этнофункциональной парадигмы *этнофункциональная архегения личности* – это идеальный (оптимальный) прообраз развития личности в конкретной этносреде. Другими словами, это развитие личности в соответствии с идеальным прообразом процесса ее этнической идентификации. *Этнофункциональная архегения этносреды* понимается как идеальный прообраз исторического развития данной этносреды и предел, к которому стремится развитие личности, родившейся и проживающей в этой этносреде.

Этнофункциональная архегения личности тождественна архегении этносреды ее рождения, т. е. имеет место *тождественность эйдосов развития личности и ее родной этносреды*.

Этнофункциональные критерии соответствия содержания образной сферы личности идеальному прообразу конкретной этносреды опираются на результаты исследований компетентных специалистов-этнологов: культурологов, историков, филологов, литературоведов, искусствоведов, биологов, медиков и др. С помощью данных критериев выявляется этноинтегрирующая или этнодифференцирующая функция того или иного образа в психике или перцептивных представлениях личности, определяющих содержание и последовательность стадий ее *этнофункционального развития*.

Развитие личности определяется содержанием и последовательностью стадий, соответствующих этапам идеального прообраза исторического развития этносреды (архегении этносреды).

Типы нарушений этнофункционального развития образной сферы личности

Как показали многочисленные эмпирические исследования, в этнофункциональном развитии образной сферы личности нередко можно встретить те или иные нарушения, обуславливающие ее психическую дезадаптированность (Бухарева, 2005; Сухарев, 2002;

Сухарев, Брюн, 1998; Шапорева, 2002; Чулисова, 2008, 2009; и др.). Определенный тип нарушений обуславливает формирование ведущего типа эмоционального состояния (ведущего аффекта): апатического, тоскливого, тревожного, гневного или маниакального (Вертоградова и др., 1980; Сухарев, Степанов, 2006). Тревожный тип аффекта менее существенно, чем тоскливый или апатический, нарушает социально-психологическую адаптацию личности и поэтому легче поддается психологической коррекции (Степанов, 2004).

В соответствии с нарастанием степени дезадаптирующего влияния на личность, типы нарушений этнофункционального развития могут располагаться в следующей последовательности.

1. *Этнодифференцирующее образное содержание* той или иной стадии этнофункционального развития личности. Пример такого нарушения: в образной сфере ребенка, родившегося и проживающего в русской этносреде, преобладают мифологические представления чуждой этносреды. Результаты клинико-психологических исследований свидетельствуют о том, что данное нарушение связано с формированием *тревожного* типа ведущего эмоционального состояния (Сухарев, Степанов, 2006).
2. *Нарушение последовательности* стадий этнофункционального развития. Одним из распространенных примеров подобного нарушения является более раннее, чем в оптимальный период, начало религиозно-этической стадии (религиозно-этические образы появляются в онтогенезе раньше сказочных). Если какая-либо стадия начинается раньше оптимального возрастного периода, также возникает *тревога*.
3. *«Задержка»* стадии развития личности, т. е. начало природной (после 5 лет), сказочно-мифологической (после 5 лет) и/или религиозно-этической (после 8 лет) стадий позже оптимального возрастного периода. Данный тип нарушения обуславливает формирование ведущего *тоскливого* аффекта (подробнее об этом см. ниже).
4. *«Выпадение»* (отсутствие) той или иной стадии. Например, в этнофункциональном развитии ребенка отсутствует сказочно-мифологическая стадия, которая «заменена» религиозно-этической. В таком случае чувственная основа личности ребенка не успевает «вызреть», поэтому этическое воспитание становится морализированием (Зеньковский, 1995). «Выпадение» какой-либо стадии является наиболее патогенным нарушением этнофункционального развития и приводит к формированию ведущего апатического аффекта.

Результаты проведенных эмпирических исследований показывают, что нарушения этнофункционального развития образной сферы личности могут обуславливать возникновение различных форм дезадаптированности: психической, психосоматической, нравственной и т. д.

Связь нарушений этнофункционального развития личности с различными формами дезадаптированности

Наиболее существенными для изучения криминального поведения по нашим данным являются тревожный, тоскливый и апатический аффекты. Исследование этнофункционального развития личности депрессивных больных с *тревожным* типом ведущего аффекта выявило наличие у них этнодифференцирующего образного содержания сказочно-мифологической стадии, а также начало религиозно-этической стадии до 5 лет. Для больных с *тоскливым* типом ведущего аффекта характерно меньшее (по сравнению со здоровыми испытуемыми) количество образов из русских народных сказок в детских воспоминаниях, и в то же время – «задержка» начала сказочно-мифологической стадии (с 5 лет и позже) или вообще ее «выпадение». У больных с *апатическим* типом ведущего аффекта в раннем онтогенезе отсутствует сказочно-мифологическая стадия, а начало религиозно-этической приходится на возраст после 9 лет. В свою очередь, формирование типа зависимости от психоактивных веществ может быть связано со склонностью к определенному аффекту (Сухарев и др., 2007; Шустова, 2007).

Наиболее характерным нарушением этнофункционального развития для всех исследованных типов зависимостей (кроме алкоголизма и никотиновой зависимости) является «задержка» начала религиозно-этической стадии (не ранее 9 лет). Обнаруженный факт свидетельствует о несформированности у больных наркоманией нравственных норм; вместе с тем это является маркером и криминального поведения (Дюркгейм, 1966; Кошель, 2008; Сухарев, Чулисова, 2009; Фельдштейн, 2005).

В сравнительном этнофункциональном исследовании В. С. Грачева выявлена связь этнодифференцирующего образного содержания природной стадии и ее начала после 5 лет, а также связь предпочтений этнодифференцирующих природно-климатических образов со склонностью к делинквентному поведению (Грачев, 2009). Похожие результаты были получены и в аналогичном исследовании лиц с криминальным поведением, проведенном О. Г. Митченко (см.: Сухарев, 2008, с. 431–436). Оно показало, что этнодифференцирующее содержание образной сферы личности на сказочно-мифологической

стадии ее развития, прохождение религиозно-этической стадии после 9 лет, а также предпочтение этнодифференцирующих образов природы и этнодифференцирующее образное содержание мировоззрений связаны с возникновением криминального поведения. Вследствие данных нарушений в этнофункциональном развитии образной сферы личности с криминальным поведением, ведущими аффектами являются аффекты *тревожного* спектра (Аминов, 2009; Антонян и др., 1996; Чулисова, 2009а, 2009в). Именно ими обусловлено возникновение криминального поведения.

Исходя из вышеизложенного, преимуществом этнофункциональной парадигмы является то, что она позволяет с единых методологических позиций описать как образную сферу, так и отношения личности. Однако применение понятия образной сферы для изучения личности имеет то методологическое преимущество, что оно на более обобщенном уровне, чем система отношений, позволяет описать поведение личности. Характеристики образной сферы личности могут полностью описывать характеристики системы ее отношений. Кроме того, характеристики образной сферы включают предметную область отношений – в виде психического образа (Сухарев, Чулисова, 2010б).

Метод этнофункциональной психокоррекции и зарубежные методы психокоррекции

Вышеприведенные результаты экспериментально-психологических исследований показывают, что определенные нарушения этнофункционального развития образной сферы личности связаны с различными формами дезадаптированности. Восстановление данных нарушений, а также отношений к этносреде рождения и проживания возможно в процессе *этнофункциональной коррекции образной сферы личности*. Данное восстановление осуществляется в процессе совершения личностью «работы переживания» (Василюк, 1984), что способствует повышению степени ее психической адаптированности.

Сходство этнофункциональной коррекции с классическим или юнгианским психоанализом состоит в акцентировании роли «врожденных» психических («эндопсихических», по А. Ф. Лазурскому) структур, влияющих на поведение человека (Юнг, 1993). В этнофункциональной парадигме в качестве таких структур рассматриваются образы этносреды рождения и проживания: образы природы, мировоззренческие, религиозные и др.

Отличие от психоанализа состоит в том, что объяснительным принципом этиологии и патогенеза психических расстройств является не модель сексуального развития человека или динамика его

архетипических представлений, а учет этнической функции содержания этих представлений. Предметом анализа в данном случае может являться содержание осознанных или неосознанных отношений к образам этносреды.

В отличие от гештальт-терапии, в этнофункциональной коррекции существенна, например, вербализация не актуальных чувств, а чувств, заданных спецификой этносреды, а также этническая функция отношений личности к соответствующим образам природы, традиционной культуры, религии, стереотипам поведения и т. д.

В основе когнитивного аспекта этнофункциональной коррекции лежит представление о возможных этнофункциональных различиях в мышлении людей и отказ от абсолютизации гипотезы «когнитивного единства человечества» (Strenberg, 1990). Процесс этнофункциональной коррекции заключается не в обсуждении логических аспектов проблем пациента, а в разъяснении и обсуждении с ним этнофункционального содержания тех или иных представлений, умозаключений. Могут быть также использованы специальные методики активации творческого мышления (например, мозговой штурм, морфологический анализ языка и др.) для воссоздания тех или иных представлений и способов мышления, несущих определенную этническую функцию.

Выделение в этнофункциональной коррекции ведущей роли отношения личности к образам природы сближает данный подход с «глубинной экологией» (Сид и др., 1992). Психокоррекционное восстановление отношений к природной среде используется в методе глубинной экологии для осознания пациентом чувств страха, отчаяния, отчуждения, вызванных нарушением его неосознаваемых связей с живой природой. Отличие же от глубинной экологии заключается в том, что отношения личности к образам природы рассматриваются с позиций их этнической функции. В процессе этнофункциональной коррекции происходит активация, осознание отношений личности сначала к этноинтегрирующему, а затем к этнодифференцирующему содержанию ее образной сферы. Этнофункциональная парадигма определяет теоретические и экспериментальные основания для выделения роли осознанных и неосознанных отношений к природным, антропологическим, социокультурным, а также «трансцендентным» (в частности, религиозным) образам в этиологии различных форм дезадаптированности личности. По сравнению с глубинной экологией, это дает возможность более целостного понимания личности в этносреде.

Обнаруживаются сходства нашего метода и с кататимно-имажинативной психотерапией, или символдрамой, которая основана

на эмоциональном переживании образов и применяется как в норме, так и в патологии (Василец, 2001; Лейнер, 1996; Обухов, 2005; Петухова, 2001; Чумаченко, 2001; Shorr, 1974). Как и в этнофункциональной коррекции, в символдраме в «расслабленном состоянии погруженности» (*в состоянии мышечной релаксации*) человеку предъявляются определенные образы, которые в символической форме отражают его осознанные и/или бессознательные конфликты (Лейнер, 1996, с. 21). Различие, однако, состоит в том, что в методе символдрамы психотерапевт применяет психоаналитические толкования переживаемых образов и не учитывает их этнической функции. В целом этническая функция образов природы не учитывается в современных подходах – «глубинной экологии» (Сид и др, 1992), «экопсихологии» (Дерябо, 2002; Орел, 2008; Панов, 2006; Хелле, 1994; Ясвин, 2000) и других видах «природотерапии». Отсутствие такого учета, согласно этнофункциональным исследованиям, может приводить к негативным последствиям. В частности, ученик К. Г. Юнга Х. Лейнер отмечал, что спонтанное возникновение в сознании испытуемого экзотических (т. е. этнодифференцирующих. – А. С., А. Ч.) образов природы свидетельствует о психопатологических проблемах (Лейнер, 1996), а идентификация себя с экзотическими животными, по данным американских исследований, свойственна людям, страдающим разного рода патологией, в частности, психотикам (Levy, Levy, 1967). Интересно, что хотя К. Г. Юнг и отмечал возможность влияния на психику изменения ландшафтно-климатических условий жизни, однако в своих психотерапевтических исследованиях он постулировал наличие общего для всего человечества коллективного бессознательного и этническую функцию мифологических, природных и других культурных представлений не учитывал на методологическом уровне, «принципиально» (Юнг, 1993, с. 134–159).

Следует отметить также определенное сходство этнофункциональной психокоррекции и этнотерапии М. Гауснера и З. Кочовой в некоторых технических приемах – например, в погружении «в индивидуальное и коллективное детство» (Психотерапевтическая энциклопедия, 2002, с. 995). Основным различием является характер психокоррекционных воздействий, обусловленный в этнофункциональной парадигме учетом этнической функции конкретной симптоматики, а М. Гауснер и З. Кочова исходят из типологического подхода, присущего этнопсихологическим исследованиям. Кроме того, этнотерапия имеет дело только с пациентами, которые в детстве проживали в традиционном обществе, часто в деревне, но позже утратили связь с родной этносредой. С помощью данного метода

осуществляется восстановление отношений человека с реальной, относительно однородной традиционной культурой, в которой он родился и жил с раннего детства.

В связи с вышеизложенным, этнофункциональная психокоррекция является «инструментом тонкой дифференциации» и позволяет методологически обоснованно работать с людьми, родившимися и проживающими в современной этнически «мозаичной» этносреде. Это возможно благодаря учету роли этнической функции отношений личности к архегении этносреды на основе этнофункциональных критериев и опоре на положение о ведущей роли отношения личности к природно-климатической составляющей этносреды ее рождения.

В целом, этнофункциональная парадигма может применяться в психоанализе, психодраме, гештальт-терапии, а также в таких психотерапевтических методиках, как арт-терапия, музыкотерапия, библиотерапия, природотерапия, синематерапия и т. п.

Этнофункциональная психокоррекция в контексте отечественной психотерапевтической традиции

На наш взгляд, наиболее теоретически и практически разработанной методикой психотерапии в отечественной психиатрии и психологии является концепция В. Н. Мясищева и его научной школы (Мясищев, 1949, 1960, 1995; Александров, 1997; и др.). Теория отношений А. Ф. Лазурского (Лазурский, 1997) в этой школе получила второе рождение как психотерапевтическая концепция. Этнофункциональная психокоррекция, по существу, основывается на теории отношений, патогенетической психотерапии В. Н. Мясищева (Александров, 1997), но вместе с тем учитывает и этническую функцию элементов образной сферы, которые отображают характеристики и предметную область отношений, а также учитывает роль данной функции, в частности, в адаптации личности к этносреде.

Согласно «принципу отношений» В. Н. Мясищева, восстановление нарушенного отношения в процессе психотерапии способствует положительному изменению всей системы отношений личности. В этнофункциональной психокоррекции, опирающейся прежде всего на принцип этнофункциональной системности, восстановление этноинтегрирующего содержания одного элемента образной сферы может обуславливать восстановление другого элемента, связанного с ним. Учитывая взаимосвязь системы отношений личности и ее образной сферы, можно утверждать, что в процессе этноинтегрирующих изменений образной сферы возможны положительные изменения и отношений личности.

Техника этнофункциональной коррекции образной сферы личности

В процессе этнофункциональной психокоррекции можно выделить два различных по смыслу и длительности этапа (не обязательно последовательных). Первый этап обозначается как **этногерменевтика**, в его основе лежит процесс осознания и переживания личностью отношений к образам родной этносреды в онтогенетическом и пространственном аспектах. Данный процесс можно описать также и как «этносредовое обучение» культуре, приобщение к знаниям о природе, к мировоззрению и мироощущению личности в определенной этносреде, *как восстановление этносредовой специфики образной сферы личности.*

На практике пациентам предлагается, например, в эмоциональном и/или моторном плане «воплотиться» в различные образы природы, мифологических природных стихий (Огня, Воды, Воздуха, Земли). Другими словами им предлагается вести себя (выбирая характер движения, позы) так, как «ведут себя» пожар, ветер (или легкий ветерок), ручей и т. д. и описывать при этом собственные ощущения и чувства.

Полученные в процессе активизации творческого мышления результаты «воссоздания» природных, сказочно-мифологических образов этносреды и их взаимосвязей могут сопоставляться в присутствии пациентов с данными этнологической науки и фольклористики о мифологических представлениях, традиционных для ареала их рождения и проживания, чтобы у них возникла уверенность в объективном характере мифологических связей с природой. Установление подобных связей проводится и в отношении этносредовой специфики христианской символики.

Исходя из принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма, а также принципа дифференциации (Чуприкова, 2007), содержание отношений личности к природе развивается от синкретических образов стихий (Земля, Вода, Огонь, Воздух) к более дифференцированным (гора, костер, ветер и др.). Этносредовая специфика образов природных явлений и стихий состоит, в частности, в содержании мифологических представлений – в нашем случае о Водяном, Лешем, Русалках и пр.

Христианский этап развития русской этносреды, соответственно, «дополняет» отношение к образам стихий собственным содержанием: Мать-земля связана с образом Богородицы, Вода со Святым Духом, Огонь с Ильей пророком и со Святым Духом и т. д.

Второй смысловой этап этнофункциональной психокоррекции – **этнодиссонанс**. На данном этапе в процессе беседы, группового

обсуждения, психодрамы или в состоянии релаксации пациентом осознается и переживается противоречие между этнодифференцирующими образами личности и ее этнофункциональной архегенией. С помощью необходимой «работы переживания» (Василюк, 1984) личность может «отторгать» или «ассимилировать» данные образы на эмоциональном уровне.

Приведем пример. В состоянии релаксации пациентам дается инструкция «зацепиться» за любой предпочитаемый образ в потоке их представлений. Затем им предлагается дополнить данный образ различным образным содержанием до относительно целостной «страны», где на определенной местности с соответствующим животным миром живет народ, обладающий своей верой, языком, внешним видом и т. д.

Таким образом, на основе свободных ассоциаций выявляется содержание образной сферы личности испытуемого. Собственно этап этнодиссонанса часто начинается в момент выхода из гипноидного состояния, когда пациентам предлагается вербализовать свои чувства, высказать мысли, осуществить действия, возникающие при интрапсихическом сопоставлении своей образной сферы и образа реальной этносреды и ее идеального прообраза.

В связи со сказанным, этнодиссонанс – это переживание человеком этнодифференцирующих образов, либо предлагаемых психологом, либо присущих его психике. В процессе этнофункциональной психокоррекции образная сфера становится более целостной (ассимилированной), т. е. в большей степени этноинтегрированной.

Одним из наиболее эффективных вариантов проведения этапа этнодиссонанса является *этнофункциональная иммунизация* («провокация»). Различные формы дезадаптированности личности (болезненные проявления) всегда рассматриваются как этнодифференцирующие. В состоянии релаксации пациенту предлагается представить в виде образов данные проявления и осознать содержание сопутствующих им чувств, ощущений и мыслей. Затем в таком состоянии происходит осознание пациентом своих чувств, связанных с образами родной этносреды. Осознанное сопоставление этих переживаний и мыслей после выхода пациента из состояния релаксации порождает во внутреннем плане их осознание. Затем осуществляется либо консолидация этих переживаний с эндопсихикой, либо в большинстве случаев – внутреннее отторжение этнодифференцирующих образов, связанных с проявлениями дезадаптированности. После чего, как правило, пациент испытывает чувство «личной победы» над болезненным симптомом и становится активнее вследствие возрастания энергетического потенциала личности.

На основе вышеизложенного, цели этнофункциональной психокоррекции можно определить как преодоление разрыва когнитивной, аффективной и моторно-поведенческой сторон процесса психической адаптации личности к этносреде, как создание условий для активного осознания этнодифференцирующего содержания образной сферы личности, восстановление ее целостности, этноинтегрированности и, как результат, – повышение ее адаптационного потенциала.

Этнофункциональная психокоррекция, повышая адаптационный потенциал личности в целом, может эффективно воздействовать и на специфические ее особенности (например, тревогу, являющуюся показателем активизации адаптационных процессов), а также способствовать положительным изменениям в ее нравственной и других сферах.

***

Исторически актуальным в современной культурно-исторической ситуации для исследования и коррекции образной сферы личности осужденного является применение этнофункционального метода. Он системно учитывает разнородные социальные, культурные, природно-климатические, конфессиональные и другие факторы, которые нередко обуславливают отличительные особенности личности осужденного.

Этнофункциональная коррекция может способствовать снижению уровня тревожности, склонности к криминальному поведению, приводить к позитивным изменениям в религиозно-нравственной сфере и т. д., т. е. может применяться в качестве метода вторичной профилактики криминального поведения.

Положительные изменения особенностей личности осужденных за насильственные преступления – снижение тревожности, более позитивное отношение к заповедям Закона Божьего и др. – могут обуславливаться восстановлением у них положительного отношения к образам родной природы и к мифологическим представлениям о них. В настоящем исследовании мы пока ограничимся использованием психокоррекционного потенциала лишь образов природы.

Глава III

Этнофункциональная коррекция личности осужденных за насильственные преступления: исследование эффективности

3.1. Методика экспериментально-психологического исследования

Участники исследования (всего 202 человека) были разделены нами на 2 группы. В первую группу вошли курсанты Академии гражданской защиты МЧС РФ, которые не привлекались к уголовной ответственности (группа *законопослушных*). Данная группа состояла из 88 мужчин в возрасте от 20 до 25 лет. Во вторую группу (группу *осужденных*) вошли осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях Саратовской области (в исправительных колониях ИК-2, ИК-13, ИК-33, Областной туберкулезной больнице ОТБ-1 ГУФСИН России по Саратовской области), а также в ФКУ СИ-30-3 УФСИН России по г. Москве за совершение таких насильственных преступлений, как нанесение телесных повреждений различной степени тяжести (статьи 111, 112, 115, 116 УК РФ), разбойное нападение (статья 162 УК РФ). Данная группа состояла из 114 мужчин в возрасте от 20 до 33 лет.

Этничность обследуемых по самоопределению: 95% – русские (остальные 5% – представители бывших республик СССР). В формирующем эксперименте как в контрольной, так и в экспериментальных группах испытуемые считали себя русскими. Все участники эксперимента родились и проживали первые 5 лет в средней полосе России и большинство из них (85,6%) считало себя православными христианами.

На этапе формирования группы осужденных проводился отбор испытуемых по составу преступлений: отбирались те осужденные, в преступных деяниях которых содержались эпизоды, относящиеся к перечисленным насильственным преступлениям. С целью повышения достоверности эмпирических данных исследование испытуемых проводилось анонимно – с использованием личных кодов для сохранения конфиденциальности информации об их личности.

Данное исследование состояло из констатирующего и формирующего экспериментов.

На этапе *констатирующего эксперимента* проводилось сравнительное исследование особенностей личности законопослушных и осужденных с целью выявления связи этнофункциональных характеристик образной сферы испытуемых с особенностями эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер их личности. В данном эксперименте приняли участие 88 законопослушных испытуемых и 63 осужденных испытуемых.

Этнофункциональное исследование образной сферы личности испытуемых мы осуществляли в форме психологического интервью, или *структурированного этнофункционального интервью*, как варианта метода субъективного анамнеза, который В. Н. Мясищев считал более информативным, чем анамнез объективный (Мясищев, 1995). Метод структурированного этнофункционального интервью направлен на изучение онтогенетического и пространственного аспектов образной сферы личности.

Описывая достоинства субъективного анамнеза, В. Н. Мясищев отмечал, что показания самого обследуемого дают больше всего данных для суждения о том, как объективные факты перерабатывались в индивидуальном опыте и какие обстоятельства какой оставили след. В связи с этим, субъективный анамнез более адекватно отражает реальное развитие личности, по сравнению с объективным анамнезом.

В первой части структурированного этнофункционального интервью (СЭФИ) выявлялись особенности этнофункционального развития образной сферы личности: 1) *возраст появления* в онтогенезе образов природы, сказочных образов, а также представлений о Боге, о справедливости и о грехе (т. е. возраст начала природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий); 2) *зрительная модальность* этих образов и отношение к ним (т. е. образное содержание данных стадий) (онтогенетический аспект). На основе зрительной модальности образов определялась их *этническая функция* – интегрирующая (объединяющая с родной этносредой) или дифференцирующая (разобщающая с ней). Родной этносредой считалась та, в которой испытуемый родился и прожил первые 5 лет.

Возраст начала и образное содержание *природной стадии* выяснялись посредством таких вопросов, как «Помните ли вы образы природы из своего детства?», «Если помните, то со скольких лет?», «Какие именно образы природы Вы помните (опишите их)?», «Приятно ли Вам вспоминать эти образы природы?». Образ природы определялся как этноинтегрирующий (и наоборот – этнодифференцирующий),

если он относился к образам родной этносреды (чуждой этносреды).

Возраст начала прохождения и образное содержание *сказочно-мифологической стадии* выявлялись с помощью аналогичных вопросов: «Помните ли вы сказочные образы из своего детства (образы сказочных персонажей, сюжеты из сказок и т. д.)?», «Если да, то со скольких лет вы их помните?», «Какие именно сказочные образы вы помните (опишите их)?». Этническая функция вспоминаемого сказочного образа определялась в зависимости от того, к какой сказке относился данный образ.

В этнофункциональной парадигме выделяется несколько типов сказок: во-первых, *народные сказки*, образы которых относятся к родной этносреде (в нашем случае это образы, соответствующие «языческому» этапу развития русской этносреды: образы олицетворенных духов природы, например, лешего, водяного, русалки, а также образы взаимодействия духов природы и человека и др.); во-вторых, *экзотические народные сказки*, относящиеся к чуждой этносреде; в-третьих, *авторские сказки*. В соответствии с этим образ из народной сказки определялся как этноинтегрирующий, а образ из экзотической народной сказки – как этнодифференцирующий.

Авторская сказка, в отличие от народной, обладает большей структурной и информационной сложностью (Бойко, 1976), в историческом развитии русской этносреды она связана с этапом просвещения (появилась в конце XVIII в.). Согласно методологическому принципу этнофункционального развития личности, появление образа из авторской сказки в раннем детстве является несвоевременным, что находит подтверждение в работах Б. Беттельгейма, И. В. Вачкова, К. Д. Ушинского, Д. Б. Эльконина и др. (Беттельгейм, 1976; Вачков, 2002; Ушинский, 2000; Эльконин, 1989). В связи со сказанным, данный образ, вспоминаемый испытуемым как относящийся к возрасту до 5 лет, мы полагали к этнодифференцирующим.

В процессе СЭФИ определялся также возраст начала прохождения *религиозно-этической стадии* с помощью вопроса «Во сколько лет у вас появились первые представления о Боге, справедливости, грехе?».

Во второй части СЭФИ выявлялись *зрительная модальность* и в соответствии с ней – *этническая функция* наиболее предпочитаемых на момент обследования образов этносреды: природно-климатических и антропо-биологических (пространственный аспект образной сферы личности). Религиозные представления, относящиеся к социокультурным, выявлялись на основе отношения к заповедям Закона Божьего в третьей части СЭФИ.

Зрительная модальность *природно-климатических образов* диагностировалась при помощи следующих вопросов: «Какие образы природы, растений, животных вы предпочитаете (опишите их)?», «Нравится ли вам образ зимней природы?», «Какой климат вы предпочитаете?» «Где бы вы хотели жить постоянно: в какой стране, в каком городе (или за городом)?»

Зрительная модальность *антропо-биологических образов* определялась посредством аналогичных предыдущим вопросам: «Какой тип лиц противоположного пола вам нравится (опишите его)?», «Какие продукты питания вы предпочитаете (опишите их)?»

В третьей части СЭФИ определялось *отношение к заповедям Закона Божьего*. Как уже было отмечено, в России отношение к данным заповедям является неотъемлемой частью отношений к моральным ценностям, т. е. важнейшим показателем нравственности, а отношение к Богу – основой морали, так как христианство представляет собой важнейшую составляющую русской культуры.

В данной части интервью испытуемым предлагалось выбрать подходящее утверждение в каждом из девяти пунктов, соответствующее положительному или отрицательному отношению к той или иной заповеди. Например, в одном из пунктов приведено несколько утверждений:

1. Убивать человека нельзя ни при каких обстоятельствах.
2. Убивать можно, если это не противоречит закону.
3. Убивать можно в зависимости от разных обстоятельств.
4. Что-то другое (укажите, что именно).

Если испытуемый выбирал первое из приведенных утверждений, то его отношение к заповеди «Не убий» характеризовалось как положительное. Если же он выбирал второе или третье утверждение, то данное отношение характеризовалось как отрицательное.

Ориентировочное содержание структурированного этнофункционального интервью и Анкета отношения к заповедям Закона Божьего приведены в *Приложении 1*.

Помимо структурированного этнофункционального интервью, в исследовании использовался *тест чернильных пятен Г. Роршаха*, «позволяющий судить о разнообразных аспектах личности по характеру восприятия бесструктурных зрительных стимулов» (Белый, 1992, с. 5). В связи с тем, что данный тест не имеет теоретической базы, ответы на его стимульный материал могут интерпретироваться не только на основе психоаналитической концепции, но и на основе других подходов в психологии (Рауш де Траубенберг, 2005; Соколова, 1980), в частности, на основе этнофункциональной парадигмы

(Сухарев, 2008). Роршах-тест нашел широкое применение в отечественных исследованиях как в общей, возрастной и педагогической психологии, криминальной психологии, профконсультации, так и в психопатологии (Белый, 1981, 1982; Беспалько, Раева, 1978; Грачев, 2009; Чулисова, 2009б; и др.).

Данный тест направлен прежде всего на выявление особенностей эмоциональной и когнитивной сфер личности, а также характера их взаимодействия (Белый, 1992; Клопфер, Келли, 1942; Рауш де Траубенберг, 2005; Роршах, 2003; Bohm, 1972). Содержание ответов испытуемых на стимульный материал теста отображает не только зрительную модальность вторичных образов, но и их эмоциональную, когнитивную и другие характеристики (Соколова, 1980; Эткинд, 1981).

Результаты теста Роршаха обладают надежностью и валидностью (Bohm, 1972) и при сравнении групп испытуемых подвергаются математико-статистической обработке (Харламенкова, 2009, с. 225). Кроме того, данный тест, как и другие методики, может быть стандартизирован на конкретных группах (Cattell et al., 1970).

Следует отметить, что Роршах-тест требует высокой квалификации и опыта применяющего его специалиста. Данный тест применялся А. П. Чулисовой в течение 9 лет под руководством проф. А. В. Сухарева, имеющего многолетний опыт использования теста и ведения мастер-классов по этнофункциональной Роршах-психодиагностике.

В настоящем исследовании шифровка и интерпретация ответов на стимульный материал теста Роршаха осуществлялась в соответствии с руководством Э. Бома (Bohm, 1972). Согласно данному руководству, тест позволяет определить: 1) *уровень репродуктивного интеллекта* по таким ответам, как F+ (показатель высокого уровня) и F±, F- (показатели более низкого уровня, свидетельствующие о нарушении когнитивного процесса), а также 2) *уровень продуктивного интеллекта* по ответам типа В+, FHV+ (высокий уровень), а также В±, В-, FHV±, FHV- (более низкий уровень). Ответы В+ указывают на творческие способности личности, богатство внутренних переживаний, а также на склонность к религиозным переживаниям (Bohm, 1972, s. 60, 61, 160).

Об эмоциональном торможении когнитивных процессов свидетельствуют «отказы» (отсутствие ответов на стимульный материал) и «шоки» (диагностируются по увеличению латентного времени, т. е. времени от начала предъявления карты Роршаха до начала первого ответа на нее). Последние делятся на темные, цветковые, белые и др. Темные шоки свидетельствуют об «эндопсихическом» нарушении когнитивных процессов, цветковые – об «экзопсихическом»,

белые – о наличии нарушений когнитивных процессов, связанных с детско-родительскими проблемами (Сухарев, 2008; Bohm, 1972, s. 115, 121–126, 130–131).

Важнейшими показателями теста Роршаха являются *показатели когнитивного контроля эмоциональной сферы* (ответы с участием цвета):

1. Ответы типа Fb (неконтролируемая эмоциональность) «выражают „чистую“ разрядку аффекта, импульсивность, которая служит лишь для снятия аффекта (разрядки) и не требует приспособления к объекту. Строго говоря, Fb-ответы являются лишь выражением стремления к такой разрядке; происходит ли она в действительности – зависит от других факторов» (Bohm, 1972, s. 65).
2. Ответы типа FbF (недостаточно эффективно контролируемая эмоциональность) выражают недостаточную способность к эмоциональному контролю, «являются критерием для установления лабильной эмоциональности, имея которую человек хотя еще и стремится к контактам, но ему не удается создать стабильных связей с объектами» (s. 64).
3. Ответы типа FFb+ (эффективно контролируемая эмоциональность) характеризуют гармоничное взаимодействие эмоциональной и когнитивной сфер испытуемого, они «являются выражением тех ощущений, которые считаются с объектом и одновременно находятся под контролем разума. Данный ответ имеет два значения: во-первых, эмоциональный контакт, общительность, единение с объектом, приспособление чувств к ситуации и интересам объекта, во-вторых – разумный контроль, держащий чувства в определенных границах, их торможение в смысле самообладания» (ibid.).

Помимо этого, в данной методике существуют показатели *когнитивного контроля тревожности* (ответы с участием светотени):

1. «Чистые» ответы типа Hd (неконтролируемая тревога) свидетельствуют о «полном отсутствии способности к контролю эмоций... готовности к возникновению тревоги... напряжении при адаптации к внутриличностным проблемам» (ibid., s. 76).
2. Ответы типа HdF (недостаточно эффективно контролируемая тревога) «указывают на недостаточные стремления к контролю эмоций, тревоги», свидетельствуют о сниженной способности к контролю тревоги (ibid.).
3. Ответы типа FHd+ (эффективно контролируемая тревога) «встречаются при хорошей способности к эмоциональному контролю» (s. 76, 136).

Любые конфигурации ответов с участием светотени характеризуют конфликтные отношения личности с внешним миром (s. 77), что, очевидно, часто встречается у осужденных, тем более осужденных за насильственные преступления.

Многочисленные клинико-психологические и экспериментально-психологические исследования свидетельствуют о наличии связи гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности с психической адаптированностью и восстановлением нарушений этнофункционального развития (Сухарев, 2008). Следует отметить, что этнофункциональное развитие регулируется центральным фактором сознания – гармоничным взаимодействием «аффекта и интеллекта», являющимся «ключом» к полноценному развитию личности (Божович, 2001; Выготский, 1960, с. 60; Сухарев, 2008, с. 133–134). Л. С. Выготский отмечал, что важнейшим фактором развития личности является именно межфункциональное взаимодействие аффективной и интеллектуальной сфер личности, а показатель FFB+ как раз отражает целостность аффективно-когнитивного взаимодействия.

Кроме того, с помощью теста Роршаха можно определить наличие определенных особенностей личности. Например, по преобладанию Т-ответов (ответов, обозначающих животных) над М-ответами (ответами, обозначающими людей) можно судить об эмоциональной незрелости (инфантильности) личности (Bohm, 1972, s. 106). Феномен «девитализации» (ответы типа «раздавленное животное») связан, в частности, с наличием депрессивного состояния (s. 132).

На этапе *формирующего эксперимента* исследовался характер изменений в эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфере личности осужденных в процессе этнофункциональной коррекции их образной сферы. В данном эксперименте принимали участие контрольная группа (16 осужденных), экспериментальная группа № 1 (16 осужденных), а также экспериментальная группа № 2 (19 осужденных).

В формирующем эксперименте использовался *метод этнофункциональной коррекции образной сферы личности*. В этнофункциональной психокоррекции, в соответствии с принципом этнофункциональной системности, восстановление этноинтегрирующего содержания одного элемента образной сферы может обуславливать восстановление другого элемента, связанного с ним. В настоящем исследовании осужденным предлагалось, например, в эмоциональном и/или моторном плане «воплотиться» в различные образы природных явлений и стихий. Другими словами, им предлагалось вести себя (выбирая характер движения, позы) так, как «ведут себя» по-

жар, ветер (или легкий ветерок), ручей и т. д., и описывать при этом собственные чувства, эмоциональное состояние, мысли. В процессе эксперимента у испытуемых происходило восстановление этноинтегрирующего содержания образов природы (ландшафта, климата, животных), формировалось самоценное отношение к данным образам, т. е. применялась техника этногерменевтики. Предполагалось, что в процессе этноинтегрирующих изменений отношений к образам природы у осужденных происходят и этноинтегрирующие изменения других отношений личности – к заповедям Закона Божьего, к правовым нормам.

В связи с тем, что метод этнофункциональной коррекции основывается не на теории, а именно на методологии, его практическое применение является вариативным и, как мы уже упоминали, может осуществляться в рамках практически любой техники психокоррекции, «извне» структурируя содержание коррекции. Поэтому в используемом нами варианте этнофункциональной коррекции мы применяли элементы метода кататимного переживания образа (Лёйнер, 1996; Обухов, 2005), патогенетической психотерапии (Мясищев, 1995), в качестве дополнительной техники мы также применяли нервно-мышечную релаксацию (Александров, 1997). Ниже приведено описание варианта временной и содержательной структуры этнофункциональной коррекции, использованного в настоящей работе.

В начале занятия по этнофункциональной коррекции ведущий знакомил участников с тем, какими смыслами наделен тот или иной образ природной стихии или явления в народных представлениях (этнографическая информация). Далее в состоянии релаксации участники «погружались» в тот образ, который они представляли в процессе ознакомления с этнографической информацией. В связи с тем, что «погружение» происходило именно в тот образ, который участники сами себе представляли, в этнофункциональной коррекции исключено «навязывание» образов, т. е. суггестия (внушение).

Для «погружения» участников в состояние релаксации ведущий использовал следующее упражнение: «Примите удобную позу, руки на подлокотниках, дыхание ровное, спокойное, все мышцы полностью расслаблены. Мышцы лба расслаблены, веки прикрыты под собственной тяжестью, щеки, мышцы губ полностью расслаблены, все лицо безмятежно и спокойно. Расслаблены мышцы шеи, затылка, голова под собственной тяжестью откинута на спинку кресла, плечи, мышцы груди, спины полностью расслаблены. Предплечья, кисти рук спокойно лежат на подлокотнике, ладони чуть теплеют, едва заметное тепло проникает в пальцы, в кончиках пальцев ощущается едва заметное биение крови, легкое-легкое покалывание иногда

ощущается в ладонях. Расслаблены мышцы бедер, колени, икры, голени, стопы ног полностью расслаблены, подошвы ног едва заметно теплеют, легкое тепло ощущается в пальцах ног, отдельные легкие иголки покалывают подошвы ног. Все тело расслаблено. На счет „1“ вы погружаетесь в мир собственных образов, чувств, переживаний, на счет „2“ вы погружаетесь все больше и больше, на счет „3“ вы представляете свой образ». Для выхода из состояния релаксации ведущий говорил: «На счет „3“ вы откроете глаза и будете ясно помнить, что вы увидели, услышали, почувствовали, о чем подумали. Один... Два... Три (хлопок)».

После такого упражнения ведущий просил участников описать представленные ими в состоянии «погружения» образы и вместе с тем осознать и вербализовать чувства по отношению к этим образам. В процессе такого обсуждения у активных участников спонтанно возникали переживания образов родной природы, которые они испытали в детстве. Данное явление свидетельствует о расширении «когнитивной ретроспективы» в осознании этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности.

Кроме этого, ведущий просил каждого участника «изобразить поведение» природного явления, который он представил во время «погружения». Это способствовало более глубокому чувствуванью в данный образ.

Согласно принципу этнофункционального единства микро- и макрокосма, а также принципу дифференциации (Чуприкова, 2007), отношения личности к природе развиваются от синкретических образов природных стихий (Земля, Вода, Огонь, Воздух) к образам природных явлений (лес, река, костер, ветер). Поэтому в начале этнофункциональной коррекции мы восстанавливали отношение к природным стихиям, а затем – к природным явлениям (с учетом этносредовой специфики).

Далее рассмотрим примерную структуру и содержание занятий (этногерменевтика).

Занятие 1. Четыре стихии: вода, земля, огонь, воздух. Вода

Цель занятия – проработка отношения к стихии воды.

Упражнение «Четыре стихии»

Участникам предлагается назвать 4 стихии и затем прочувствовать, какая стихия им ближе. Далее участники образуют 4 группы, объединяясь по стихиям. Каждый по-своему изображает какое-либо проявление «своей» стихии. Потом предлагается изображать всем вместе.

Обсуждение чувств, вызванных данным упражнением.

Затем ведущий показывает различные изображения проявлений водной стихии в средней полосе России: реки, озера, болота, ручейка, родника, пруда и т. д. Показ сопровождается воспроизведением аудиоматериалов, содержащих плеск озерной воды, журчание ручья, шум дождя и т. д.

Вопросы

1. Какие чувства и мысли вызывает у вас вода в природе (родник, ручей, море, роса, облака, дождь и т. п.)? Боитесь ли вы воды?
2. Какая вода, по-вашему, чище: родниковая, из ручья, морская или из-под крана?
3. Какие «злые» и «добрые», вредные и необходимые человеку проявления водной стихии вы можете назвать? Какие чувства они у вас вызывают?
4. Какие народные представления о водной стихии вам известны? Какие чувства они у вас вызывают?

Этнографическая информация¹

Знакомство с народными представлениями о водной стихии.

Упражнение

Участникам раздаются карточки с названием того или иного вида водной стихии в нашей местности. Один участник изображает, а остальные угадывают.

Занятие 2. Четыре стихии. Огонь

Цель занятия – проработка отношения к стихии огня.

Показ различных изображений проявлений огненной стихии (восход солнца, пожар, гроза с молнией, костер, очаг и др.). Показ может сопровождаться воспроизведением аудиоматериалов, содержащих звуки грозы, потрескивание огня и т. д.

Вопросы для обсуждения

1. Какие чувства и мысли вызывают у вас различные проявления огня в природе и в быту (молния, лесной пожар, солнце, огонь в печи и т. д.)?
2. Какие «злые» и «добрые», вредные и необходимые человеку проявления огненной стихии вы можете назвать? Какие чувства они у вас вызывают?

---

1 Для подготовки к данному этапу занятий предлагаем обратиться к научным изданиям по русскому фольклору и этнографии.

3. Какой огонь, по вашему мнению, принято называть небесным, а какой живым?
4. Какие народные представления об огненной стихии вам известны? Какие чувства они у вас вызывают?

Этнографическая информация

Знакомство с народными представлениями о стихии огня.

Упражнение

Участникам раздаются карточки с названием того или иного проявления огненной стихии. Один участник изображает, а остальные угадывают.

Занятие 3. Четыре стихии. Воздух

Цель занятия – проработка отношения к стихии воздуха.

Показ различных изображений проявлений воздушной стихии (ветер, вихрь, ураган и др.).

Вопросы для обсуждения

1. Какие чувства и мысли вызывают у вас различные проявления воздушной стихии (легкий ветерок, ураган и т. д.)?
2. Какие «злые» и «добрые», вредные и необходимые человеку проявления воздушной стихии вы можете назвать? Какие чувства они у вас вызывают?
3. Какие народные представления о воздушной стихии вам известны? Какие чувства они у вас вызывают?

Этнографическая информация

Знакомство с народными представлениями о стихии воздуха.

Упражнение

Участникам раздаются карточки с названием того или иного проявления воздушной стихии. Один участник изображает, а остальные угадывают.

Занятие 4. Четыре стихии. Земля

Цель занятия – проработка народного отношения к земле (просмотр видеозаписей и изображений родных ландшафтов).

Вопросы для обсуждения

1. Какие чувства и мысли вызывают у вас различные проявления стихии «Земля» (лес, поле, поляна, опушка, дорога, перекресток, овраг, холм, луг и т. д.)? Бывает ли земля «злой»?

2. Какие народные представления о стихии «Земля» и различных ее проявлениях вам известны? Какие чувства они у вас вызывают?
3. Как связана земля с жизнью? Как земля дает человеку жизнь (хлеб и т. д.)?
4. Что вы чувствуете, когда ходите по земле босиком, лежите на земле? Что для вас понятие «родная земля»?

Этнографическая информация

Знакомство с народными представлениями о земле.

Упражнение

Участникам раздаются карточки с названием того или иного проявления данной стихии. Один участник изображает, а остальные угадывают.

Итоговое упражнение «Четыре стихии» (см. занятие 1)

Итоговые вопросы для обсуждения

1. Что изменилось в ваших чувствах, мыслях, ощущениях по сравнению с первым выполнением этого упражнения?
2. Какая стихия вам стала ближе всего? Почему?
3. Что вы чувствовали, изображая данную стихию?

Занятие 5. На то и щука в реке

Цель занятия – проработка отношения к обитателям водной стихии с точки зрения народных представлений.

Показ изображений различных видов рыб, встречающихся в средней полосе России.

Вопросы для обсуждения

1. Каких из этих рыб вы знаете?
2. Как вам кажется, какой характер у различных рыб? Какая рыба вам ближе всего по характеру?
3. Какие народные представления о рыбах вам известны?

Этнографическая информация

Знакомство с народными представлениями о рыбах.

Упражнение

Участникам раздаются карточки с названием того или иного обитателя водной стихии – щуки, сома, рака и пр. Ведущий предлагает им

описать чувства, мысли того или иного обитателя. Один участник может изображать, а остальные угадывать, кто это.

Занятие 6. Страна Ирей

Цель занятия – проработка отношения к обитателям воздушной стихии с точки зрения народных представлений. Показ изображений различных видов птиц, встречающихся в средней полосе России.

Вопросы для обсуждения

1. Каких из этих птиц вы встречали в своей жизни?
2. Как вам кажется, какой характер у различных птиц? Какая птица вам ближе всего по характеру?
3. Какие чувства рождаются в вашей душе, когда вы видите или слышите ту или иную птицу?
4. Какие народные представления о птицах вам известны?

Этнографическая информация

Знакомство с народными представлениями о птицах (об аисте, журавле, вороне, голубе и др.).

Занятие 7. Страна Ирей (продолжение)

Цель занятия – проработка отношения к обитателям воздушной стихии с точки зрения народных представлений. Показ изображений различных видов птиц, встречающихся в средней полосе России.

Вопросы для обсуждения (см. занятие 6)

Этнографическая информация

Знакомство с народными представлениями о птицах (о гусе, дятле, жаворонке, кукушке, ласточке и др.).

Упражнение

Один участник изображает движениями тела и звуками какую-нибудь птицу, остальные отгадывают.

Занятие 8. Лес

Цель занятия – психотерапевтическая проработка отношения к лесу.

Просмотр изображений русского леса. Можно включить чтение отрывков из произведений русских писателей и поэтов о лесе (И. С. Тургенева, М. М. Пришвина, Е. Чарушина, С. Есенина и др.). Показ изображений деревьев, кустарников, ягод, встречающихся в русском лесу, название их и рассказ о некоторых особенностях.

Вопросы для обсуждения

1. Что вы чувствуете в лесу?
2. Какие чувства у вас вызывает лес в разные времена года?
3. Какие чувства вызывают у вас различные деревья и другие лесные растения?
4. Что вы знаете об этих деревьях и растениях (особенности, народные обычаи и легенды)?
5. Какие деревья и другие лесные растения вам близки, созвучны вашему характеру?

Этнографическая информация

Знакомство с народными представлениями о лесе, о деревьях (верба, береза, дуб и др.).

Занятие 9. Лес (продолжение)

Цель занятия: психотерапевтическая проработка отношения к лесу.

Просмотр изображений русского леса. Показ изображений деревьев, кустарников, ягод, встречающихся в русском лесу, название их и рассказ о некоторых особенностях.

*Вопросы для обсуждения (см. занятие 8)**Этнографическая информация*

Знакомство с народными представлениями о лесе, о деревьях (липа, рябина, ель и др.).

Итоговое упражнение

Ведущий «погружает» участников в образ леса.

Занятие 10. Теремок

Цель занятия – психотерапевтическая проработка отношения к образам лесных животных (просмотр, обсуждение изображений лесных животных, вербализация отношения к ним).

Вопросы для обсуждения

1. Какие чувства вызывает у вас образ медведя (зайца, ежа, волка, выдры, соболя и др.)?
2. Что вы знаете о лесных животных (народные обычаи, легенды)?

Этнографическая информация

Знакомство с народными представлениями о лесных обитателях.

Упражнение

Игра «Жизнь зверей в теремке». Обсуждаются чувства и мысли участников (но без поведенческих реакций по отношению друг к другу), принимающих на себя роль различных зверей.

Занятие 11. Теремок (продолжение)

Цель занятия – психотерапевтическая проработка отношения к образам лесных животных (просмотр, обсуждение изображений лесных животных, вербализация отношений к ним).

Вопросы для обсуждения

1. Как вы относитесь к мышам (полевым и домашним) и крысам? К лягушкам? К белкам?
2. Что знаете о них (народные обычаи, легенды)?

Этнографическая информация

Знакомство с народными представлениями о лесных обитателях (мышах, лягушках, белках и др.).

Упражнение

Каждый выбирает для себя животное, которое ему ближе (выбирать необходимо из животных, живущих в нашей стране). Нужно объяснить свой выбор и изобразить это животное движениями тела и звуками. Представив себя тем или иным животным, попробовать объединиться в «стаи» и «семьи».

Занятие 12. Поле

Цель занятия – психотерапевтическая проработка народного отношения к полю.

Занятие может начинаться с показа репродукций картин И. Шишкина «Рожь», «Пейзаж Полесья», И. Левитана «Сумерки. Стога», «Пасека», А. Венецианова «На пашне. Весна», Ф. Журавлева «Отдых на сенокосе», Г. Мясоедова «Страдная пора (Косцы)», З. Серебряковой «Жатва», А. Пластова «Сенокос». Участникам также могут показываться изображения различных видов сельскохозяйственных культур (рожь, пшеница, ячмень, овес, гречиха, лен и т. д.).

Вопросы для обсуждения

1. Какие чувства, мысли вызывают у вас эти картины?
2. Кто из вас когда-либо участвовал в сельскохозяйственных работах (сев, пахота, жатва, сенокос, сбор урожая и т. д.)? Какие чувства у вас вызывают все эти работы?

3. Что означают и какие чувства вызывают слова: «поле», «луг», «огород», «пасека», «заливные луга», «межа», «сено», «солома»?
4. Какие народные традиции, связанные с полевыми работами, вы знаете?

Этнографическая информация

Знакомство с народными представлениями о поле.

Упражнение

Ведущий «погружает» участников в образы поля.

Формирующий эксперимент состоял из двух частей. В первой части осужденным экспериментальной группы № 1 предлагалось в состоянии мышечной релаксации представить (вспомнить или вообразить) *образы родной природы*. Мышечная релаксация позволяла сосредоточиться на образах уровня представления. В процессе представления данных образов испытуемые переживали, осознавали и вербализовывали их эмоциональные, когнитивные и двигательные характеристики.

Во второй части эксперимента с осужденными экспериментальной группы № 2 также проводилась этнофункциональная коррекция, только на материале этнодифференцирующих *образов экзотической природы* (тропиков, пальм, бегемота, кенгуру и др.). В контрольной группе данные занятия не проводились.

Как в первой, так и во второй частях эксперимента коррекция осуществлялась в процессе 12-и групповых занятий в течение 3-х месяцев (1–2 занятия в неделю продолжительностью 1,5–2 часа).

До и после формирующего эксперимента проводилось исследование этнофункциональных особенностей образной сферы испытуемых и особенностей эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер их личности. Помимо структурированного этнофункционального интервью и теста Роршаха, в формирующем эксперименте использовалась *шкала склонности к делинквентному (противоправному) поведению* опросника «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» А. Н. Орла (Змановская, 2008), для того чтобы выявить динамику отношения осужденных к противоправным поступкам, которое является важнейшим показателем их нравственности.

Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с помощью χ^2 -критерия К. Пирсона. В настоящем исследовании данный метод математической обработки используется для сопо-

ставления полученных эмпирических распределений одного и того же признака (Ермолаев, 2002).

Методологической особенностью настоящего исследования, помимо применения этнофункциональной методологии, было использование достаточно редко встречающегося сочетания номотетического (Давыдов, 1990, с. 227–228) и идиографического (там же, с. 111–113) методов, обеспечивающее полноту познания. Идиографическое описание психологических изменений, произошедших с испытуемыми экспериментальной группы № 1, осуществлялось в период проведения этнофункциональной коррекции с применением этноинтегрирующих образов природы. Идиографический подход применялся нами для подтверждения номотетических (закономерных, статистических) результатов формирующего эксперимента (см. примеры 1–3, 5, 6, 8–12 *Приложения 2*). Если результат идиографического описания динамики особенностей личности испытуемых не совпадал со статистически выявленными закономерностями, то данный феномен объяснялся с помощью влияния независимых факторов (см. примеры 4, 7, 13, 14, *Приложения 2*).

Описанные методы экспериментально-психологического исследования обладают высоким уровнем надежности и валидности. Они позволяют, во-первых, установить связь особенностей эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер личности осужденных за насильственные преступления с этнофункциональными характеристиками их образной сферы, во-вторых – выявить характер влияния этнической функции образов природы на динамику данных сфер личности испытуемых.

3.2. Результаты и обсуждение результатов констатирующего эмпирического исследования

В констатирующем эксперименте приняли участие 88 законопослушных и 63 осужденных испытуемых.

Результаты сравнения этнофункциональных особенностей образной сферы, а также особенностей эмоциональной, когнитивной и нравственной сфер личности осужденных с законопослушными представлены в таблицах 2–3.

Показатели таблицы 2 свидетельствуют о том, что в группе законопослушных чаще, чем в группе осужденных, первые воспоминания каких-либо образов относятся к возрасту 2–5 лет ($p < 0,01$), а у последних данные образы чаще относятся к 6–7 годам ($p < 0,05$).

Было выявлено, что осужденные реже, чем законопослушные, относят возникновение первых образов природы к возрасту с 2 до 5 лет

Таблица 2

Сравнение законопослушных и осужденных по этнофункциональным характеристикам образной сферы личности

Стадии развития личности	Этнофункциональные характеристики образной сферы	Законопослушные	Осужденные	Значимость различий
Природная стадия	Образы природы с 2 до 5 лет	69	26,3	p<0,01
	Образы природы с 8 лет и старше	4,2	17,5	p<0,05
	Отсутствие образов природы в онтогенезе	7,1	31,6	p<0,01
Сказочно-мифологическая стадия	Появление образов родной природы в онтогенезе	81,6	73,3	не значимо
	Сказочные образы с 2 до 5 лет	63	30,2	p<0,01
	Сказочные образы с 8 лет и старше	5,5	18,8	p<0,05
	Смешанные сказочные образы (образы из народных и авторских сказок) в 2–5 лет	21,7	43,7	p<0,1 (тенденция)
Религиозно-этическая стадия	Представления о Боге, грехе, справедливости до 6 лет	15,8	0	p<0,01
	Представление о Боге, грехе, справедливости с 6 до 8 лет	24	10,6	p<0,01
	Представление о Боге, грехе, справедливости с 9 лет и старше	33,5	61,1	p<0,01
Предпочтение образов этносреды на момент обследования	Предпочтение образов экзотических животных	2,5	12,9	p<0,05
	Отрицательное отношение к образам зимней природы	7,4	27	p<0,01
	Предпочтение родной этносреды в качестве постоянного места проживания	76	60	p<0,05
	Предпочтение этноинтегрирующих образов лиц противоположного пола	87,5	66,1	p<0,01

($p < 0,01$). У осужденных данные образы чаще относятся к 8 годам и к более старшему возрасту ($p < 0,05$) или вовсе отсутствуют в онтогенезе ($p < 0,01$). У большинства законопослушных (81,6%) и осужденных (73,3%) данные образы являлись образами родной природы.

Установлено также, что законопослушные чаще осужденных относят воспоминания первых сказочных образов к 2–5 годам ($p < 0,01$), а последние чаще относят их к 8 годам и к более старшему возрасту ($p < 0,05$). Вместе с тем, среди осужденных выявлена тенденция к увеличению количества смешанных образов, т. е. образов из народных и авторских сказок, относящихся к возрасту 2–5 лет ($p < 0,1$, тенденция).

В свою очередь, у законопослушных испытуемых чаще, чем у осужденных, первые представления о Боге, грехе, справедливости относятся к возрасту до 6 лет ($p < 0,01$) и к 6–8 годам ($p < 0,01$), а у осужденных – чаще к 9 годам и старше ($p < 0,01$).

Законопослушные испытуемые чаще, чем осужденные, предпочитают образ ландшафта, в котором они жили до 5 лет ($p < 0,05$). Также было выявлено, что осужденные чаще, чем законопослушные испытуемые, предпочитают образы экзотических животных – попугаев, тигров, пантер и др. ($p < 0,05$).

Получены различия между группами и в отношении к образам зимы. Законопослушным испытуемым зимние образы природы чаще нравятся, а осужденным – чаще не нравятся ($p < 0,05$). Также выявлены различия в антропоэстетических (термин Н. А. Халдеевой) предпочтениях: законопослушные чаще, чем осужденные, предпочитают этноинтегрирующие образы лиц противоположного пола ($p < 0,01$), а осужденные реже отдают им предпочтение ($p < 0,05$).

Из таблицы 3 следует, что осужденные чаще, чем законопослушные, положительно относятся к необходимости соблюдения таких заповедей Закона Божьего, как «Не убий» и «Не укради» ($p < 0,01$), а также ко всем заповедям в целом (тенденция, $p < 0,1$). Наряду с этим осужденные реже положительно относятся к законопослушанию (тенденция, $p < 0,1$).

Кроме того, исследование по Роршах-тесту показало, что для осужденных, по сравнению с законопослушными, более характерны эмоциональное торможение когнитивных процессов ($p < 0,01$), неконтролируемая тревожность и эмоциональность ($p < 0,05$), депрессивность ($p < 0,05$). К тому же, личность осужденного характеризуется большей инфантильностью ($p < 0,01$).

Наглядно результаты констатирующего эксперимента представлены на рисунках 1, 2.

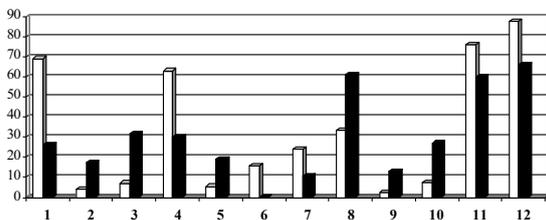
Таблица 3

Сравнение законопослушных и осужденных по особенностям эмоциональной, когнитивной, нравственной сфер их личности

Особенности личности	Законопослушные	Осужденные	Значимость различий
Эмоциональное торможение когнитивных процессов	57,7	70,6	$p < 0,01$
Неконтролируемая эмоциональность	0,8	2,7	$p < 0,01$
Неконтролируемая и неэффективно контролируемая тревожность	3,9	10	$p < 0,05$
Инфантильность	19,1	30,6	$p < 0,01$
Положительное отношение к заповедям Закона Божьего	61,6	67,6	$p < 0,1$ (тенденция)
Положительное отношение к заповеди «Не убий»	40,6	73,6	$p < 0,01$
Положительное отношение к заповеди «Не укради»	71,9	91,6	$p < 0,05$
Положительное отношение к законопослушанию	28,8	15,9	$p < 0,1$ (тенденция)

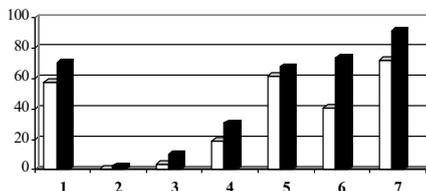
Как показывают вышеизложенные результаты, у исследуемой группы осужденных первые воспоминания природных и сказочных образов, а также появление первых представлений о Боге, грехе, справедливости относятся ими к 8 годам и старше, т. е. позже оптимального периода – 6–8 лет (Выдрин, 2007; Тимохин, 2005; и др.). Данные этнофункциональные особенности образной сферы личности связаны с преобладанием апатического типа ведущего эмоционального состояния (Сухарев, Степанов, 2006) и, кроме того, являются признаками психологической инфантильности. Ведущий тип апатического эмоционального состояния может неадекватно компенсироваться, например, наркотиками-стимуляторами (Сухарев, 2008) или, как мы полагаем, совершением насильственных преступлений (как реализация потребности в «адреналине»). Кроме того, как показали результаты проведенного нами исследования, апатический аффект также характерен и для личности преступников с суицидальным поведением (Сухарев, Чулисова, 2011).

При этом у законопослушных чаще, чем у осужденных, первые представления о Боге и справедливости возникают до 6 лет или в пе-

Рис. 1. Сравнение законопослушных и осужденных по этнофункциональным характеристикам образной сферы личности

Здесь и на рисунке 2 столбики белого цвета означают выраженность показателей в группе законопослушных, черного – в группе осужденных. 1 – количество воспоминаний первых образов природы с 2 до 5 лет ($p < 0,01$); 2 – количество воспоминаний первых образов природы с 8 лет и старше ($p < 0,05$); 3 – отсутствие воспоминаний образов природы в онтогенезе ($p < 0,01$); 4 – количество воспоминаний первых сказочных образов с 2 до 5 лет ($p < 0,01$); 5 – количество воспоминаний первых сказочных образов с 8 лет и старше ($p < 0,05$); 6 – количество первых представлений о Боге, грехе, справедливости до 6 лет ($p < 0,01$); 7 – количество первых представлений о Боге, грехе, справедливости с 6 до 8 лет ($p < 0,01$); 8 – количество первых представлений о Боге, грехе, справедливости с 9 лет и старше ($p < 0,01$); 9 – количество предпочтений этнодифференцирующих образов животных ($p < 0,05$); 10 – количество показателей отрицательного отношения к образам зимней природы ($p < 0,01$); 11 – количество предпочтений родной этносреды в качестве постоянного места проживания ($p < 0,05$); 12 – количество предпочтений этноинтегрирующих образов лиц противоположного пола ($p < 0,01$).

Рис. 2. Сравнение законопослушных и осужденных по особенностям эмоциональной, когнитивной, нравственной сфер личности

1 – количество показателей эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,01$); 2 – количество показателей неконтролируемой эмоциональности ($p < 0,01$); 3 – количество показателей неконтролируемой и неэффективно контролируемой тревожности ($p < 0,05$); 4 – количество показателей инфантильности ($p < 0,01$); 5 – количество показателей положительного отношения к христианским заповедям ($p < 0,1$, тенденция); 6 – количество показателей положительного отношения к заповеди «Не убий» ($p < 0,01$); 7 – количество показателей положительного отношения к заповеди «Не укради» ($p < 0,05$).

риод с 6 до 8 лет, а также о грехе – до 6 лет. По всей видимости, наличие первых представлений о Боге и грехе в раннем детстве хотя и связано с формированием повышенного уровня тревоги (Сухарев, 2008), однако является сдерживающим фактором в возникновении криминального поведения. По-видимому, сформированность религиозных представлений у законопослушных испытуемых в возрасте до 8 лет способствует соблюдению ими заповедей «Не убий», «Не укради» и др. в более старшем возрасте.

Тот факт, что осужденные, по сравнению с законопослушными, чаще положительно относятся к необходимости соблюдения заповедей Закона Божьего, а также чаще молятся, является, скорее всего, декларативным и ситуативным явлением. Такое отношение может быть обусловлено активной религиозной (христианской) воспитательной работой в местах лишения свободы (Кошель, 2008; Перебинос, 2009) и, с одной стороны, является там социально желательным, а с другой – может свидетельствовать о стрессовом воздействии условий лишения свободы. Согласно принципу этнофункционального развития, наличие указанных выше особенностей онтогенеза образной сферы личности обуславливает формирование незрелого или отрицательного отношения к заповедям Закона Божьего, о чем свидетельствует совершение насильственных преступлений осужденными. Таким образом, в данном случае у осужденных испытуемых, очевидно, имело место незрелое и потому ситуативно-положительное отношение к заповедям.

В группе осужденных в более позднем возрасте (с 8–9 лет), чем у законопослушных, появляются первые природные и сказочные образы и религиозные представления. В соответствии с принципом этнофункционального развития, можно предположить, что неконтролируемая эмоциональность у осужденных имеет место именно вследствие «задержки» этнофункционального развития образной сферы личности (появление первых воспоминаний природных и сказочных образов, а также представлений о Боге, грехе и справедливости позже, чем в оптимальный период). В исследованиях показано, что недостаточная развитость эмоционального контроля у осужденных может рассматриваться как признак их психологической инфантильности (Беспалько, Раева, 1978; и др.), что подтверждается и результатами нашего исследования по методу Роршаха (см. таблицу 3). Согласно исследованиям С. Е. Борисовой, О. Ю. Михайловой и др., инфантильность является отличительной особенностью личности насильственного преступника (Борисова, 2008; Михайлова, 2001).

Вместе с тем, преобладание в группе осужденных неконтролируемой тревожности соответствует результатам известных исследо-

ваний И. И. Аминова, Ю. М. Антоняна с соавт., В. Л. Васильева о роли тревожности в возникновении криминального поведения (Аминов, 2009; Антонян и др., 1996; Васильев, 2005).

Важным результатом исследования является выявление более частых, по сравнению с законопослушными испытуемыми, предпочтений осужденными этнодифференцирующих ландшафтно-климатических образов и образов животных и предпочтений этнодифференцирующих типов лиц при перекрестно-половых выборах. Данный факт мы объясняем как следствие *принципа этнофункциональной системности* – законопослушные испытуемые по определению более этноинтегрированы в русскую этносреду, культуру, этику. Поэтому они реже предпочитают и этнодифференцирующие антропологические образы.

Наличие этнодифференцирующих образов природы в образной сфере личности осужденных может объясняться и с позиций *принципа этнофункционального развития*. Как показывают результаты констатирующего эксперимента, в онтогенезе личности осужденных образы природы появляются с 8 лет, т. е. позже оптимального периода, что свидетельствует о наличии задержки природной стадии развития. В последующем это нарушение может повлиять на отношение личности к образам природы: в ее образной сфере могут появиться этнодифференцирующие образы природы. Нарушение развития на природной стадии, а также на сказочно-мифологической (появление сказочных образов с 8 лет) обуславливает нарушение на религиозно-этической стадии (появление религиозных и моральных представлений после 9 лет). Данные нарушения обуславливают нарушение гармоничного взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон личности («аффекта и интеллекта», по Л. С. Выготскому), а также искажают усвоение личностью этических норм.

Ранее проведенные исследования выявили, что наличие этнодифференцирующих образов в пространственной составляющей образной сферы личности астенизирует личность и связано с наличием у нее относительно поздно сформировавшейся в онтогенезе тревожности (Сухарев, 2008; Шапорева, 2007). Обусловленность тревожности этнодифференцирующими образами животных косвенно подтверждается в исследованиях Р. Мэй. Он отмечал, что знакомство с экзотическими животными связано с возникновением тревоги у детей (Мэй, 2001, с. 89).

С другой стороны, повышенная тревожность у осужденных может объясняться и воздействием этнодифференцирующей криминальной субкультуры (контркультуры). Мы полагаем, что криминальная субкультура является этнодифференцирующей в любой

этносреде и культуре – она потому и криминальна, что противопоставляется основной культуре в сфере этики. Исходя из принципа этнофункциональной системности, мы считаем, что этнодифференцирующая криминальная этика взаимосвязана с этнодифференцирующими параметрами и других сфер личности осужденных, определяя тем самым содержание криминальной субкультуры в целом.

Полученные результаты констатирующего эксперимента подтверждаются результатами исследования, проведенного В. С. Грачевым (Грачев, 2009). В данном исследовании показана связь этнодифференцирующего содержания образной сферы личности на природной стадии а) с ее началом после 5 лет, б) с предпочтением этнодифференцирующих природно-климатических образов, а также с в) повышенным уровнем тревожности и наличием склонности к делинквентному поведению.

Результаты свидетельствуют, что такие особенности личности осужденных за насильственные преступления, как неконтролируемая эмоциональность и тревожность, эмоциональное торможение когнитивных процессов, отвержение заповедей Закона Божьего, связаны с воспоминаниями природных и сказочных образов, относимых ими к возрасту 5 лет, представлений о Боге, грехе и справедливости – к возрасту не ранее 9 лет, а также с предпочтением этнодифференцирующих образов животных, ландшафта, климата и антропологических типов лиц противоположного пола.

3.3. Результаты и обсуждение результатов формирующего экспериментального исследования

В связи с наиболее дискриминантной ролью образов природы для психической адаптированности личности, в соответствии с принципами этнофункциональной системности и развития, *цель формирующего эксперимента* заключалась в выявлении значения (интегрирующего или дифференцирующего) этнической функции образов природы в процессе психокоррекции эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер личности осужденных.

Контрольная группа состояла из 16 осужденных. За время проведения формирующего эксперимента у испытуемых контрольной группы, где не проводились групповые занятия по этнофункциональной коррекции, произошли некоторые изменения этнофункциональных особенностей образной сферы, а также особенностей эмоциональной, когнитивной и нравственной сфер их личности. Данные результаты представлены в таблицах 4–5.

Таблица 4
Динамика этнофункциональных особенностей личности
испытуемых контрольной группы

Этнофункциональные характеристики образной сферы	До экспери-мента	После экс-перимента	Значимость различий
Образы природы после 5 лет	25	75	$p < 0,05$
Сказочные образы до 5 лет	75	25	$p < 0,05$
Образы из русских народных сказок до 5 лет	64,3	25	$p < 0,05$
Представления о справедливости после 9 лет	37,5	87,5	$p < 0,05$
Предпочтение экзотических продуктов питания	20,7	50	$p < 0,05$
Прирост отрицательного отношения к заповедям Закона Божьего	0	6,3	$p < 0,05$
Склонность к противоправному поведению	34,4	45,6	$p < 0,05$
Декларируемое положительное отношение к законопослушанию	12,5	66,7	$p < 0,05$

Из таблицы 4 видно, что испытуемые контрольной группы после проведения формирующего эксперимента чаще, чем до проведения, стали относить воспоминания об образах природы к возрасту после 5 лет ($p < 0,05$). Вместе с тем, в контрольной группе снизилось количество русских народных и других сказочных образов, возникших в возрасте до 5 лет ($p < 0,05$). Свои первые представления о справедливости они чаще стали относить к возрасту с 9 лет и старше ($p < 0,05$).

Также у испытуемых контрольной группы была выявлена динамика пространственных особенностей: увеличилось количество предпочтений этнодифференцирующих (экзотических) продуктов питания – киви, бананов и пр. ($p < 0,05$), а количество предпочтений традиционных продуктов питания, наоборот, уменьшилось ($p < 0,05$).

Кроме того, осужденные данной группы стали чаще отрицательно относиться к соблюдению заповедей Закона Божьего ($p < 0,05$) и у них повысился показатель склонности к противоправному поведению ($p < 0,05$). В то же время большее количество испытуемых стало декларировать свое положительное отношение к законопослушанию ($p < 0,05$).

Таблица 5

Динамика особенностей эмоциональной и когнитивной сфер личности испытуемых контрольной группы

Особенности личности	До эксперимента	После эксперимента	Значимость различий
Неконтролируемая и неэффективно контролируемая эмоциональность	1,7	7,2	$p < 0,05$
Эффективно контролируемая тревожность	17	4,7	$p < 0,05$

Вместе с этим, как показано в таблице 5, в контрольной группе повысился уровень неконтролируемой или неэффективно контролируемой эмоциональности ($p < 0,05$) и снизился уровень эффективно контролируемой тревожности ($p < 0,05$).

Экспериментальная группа №1 состояла из 16 осужденных. В данной группе у испытуемых за период проведения групповых занятий по этнофункциональной коррекции с применением этноинтегрирующих образов природы произошли следующие изменения этнофункциональных особенностей образной сферы, особенностей эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер их личности (см. таблицы 6–7).

Полученные показатели (см. таблицу 6) свидетельствуют о том, что после формирующего эксперимента испытуемые экспериментальной группы №1 стали чаще относить свои первые воспоминания о природе к возрасту до 5 лет ($p < 0,05$). Кроме того, те осужденные, которые до эксперимента не помнили природу до 5 лет, начали вспоминать образы родной природы ($p < 0,05$). Вместе с тем, после эксперимента испытуемые стали чаще относить свои первые представления о справедливости к возрасту 6–8 лет ($p < 0,05$).

Динамика пространственных этнофункциональных особенностей образной сферы состояла в том, что испытуемые экспериментальной группы №1 стали реже отрицательно относиться к образам зимней природы ($p < 0,05$). Также они стали чаще положительно относиться к необходимости соблюдения заповедей Закона Божьего ($p < 0,01$). Показатель склонности к противоправному поведению остался без изменения.

Как видно из таблицы 7, у осужденных снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,01$), тревожности ($p < 0,05$) и повысился уровень продуктивного (творческого) мышления ($p < 0,05$).

Таблица 6

Динамика этнофункциональных особенностей личности
испытуемых экспериментальной группы № 1

Этнофункциональные характеристики образной сферы	До эксперимента	После эксперимента	Значимость различий
Образы природы до 5 лет	43,8	80	p<0,05
Отсутствие образов природы до 5 лет	31,3	0	p<0,05
Представления о справедливости с 6 до 8 лет	6,3	33,3	p<0,05
Отрицательное отношение к образам зимней природы	40	7,1	p<0,05
Прирост положительного отношения к христианским заповедям	0	5,6	p<0,01
Склонность к противоправному поведению	35,9	37,7	Не значимо

Таблица 7

Динамика особенностей эмоциональной и когнитивной сферы
личности испытуемых экспериментальной группы № 1

Особенности личности	До эксперимента	После эксперимента	Значимость различий
Эмоциональное торможение когнитивных процессов	66,9	46,8	p<0,01
Продуктивное (творческое) мышление	1,7	7,2	p<0,05
Неэффективно контролируемая и неконтролируемая тревожность	19,8	9,7	p<0,05

Немаловажным является то, что описанные результаты номотетического исследования в экспериментальной группе № 1 подтверждаются идиографическим описанием динамики особенностей личности осужденных.

Кроме этого, проводился сравнительный анализ контрольной группы и экспериментальной группы № 1 по степени выраженности изменений показателей отношения к заповедям и склонности к противоправному поведению, произошедших в данных группах в период проведения формирующего эксперимента. Его результа-

ты свидетельствуют о том, что в экспериментальной группе № 1 (у 75% испытуемых) более выражены положительные изменения по данным показателям, чем в контрольной группе (у 12,5% испытуемых) ($p < 0,05$). Было установлено, что в контрольной группе произошли более выраженные отрицательные изменения в отношении к заповедям, повысилась склонность к противоправному поведению, по сравнению с экспериментальной группой № 1 (у 50% испытуемых контрольной группы и у 16,7% испытуемых экспериментальной группы № 1; $p < 0,1$, тенденция). При этом в контрольной группе, по сравнению с экспериментальной группой № 1, более выражены отрицательные изменения данных показателей (у 50% испытуемых), чем положительные изменения (у 12,5% испытуемых) ($p < 0,1$, тенденция).

Вместе с тем, сравнение данных групп только по степени выраженности изменений отношения к заповедям показывает, что в экспериментальной группе № 1 более выражены положительные изменения отношения к заповедям (у 58,3% испытуемых экспериментальной группы № 1 и у 12,5% испытуемых контрольной группы; $p < 0,05$).

Экспериментальная группа № 2 состояла из 19 осужденных. У испытуемых данной группы за период проведения групповых занятий

Таблица 8

Динамика этнофункциональных особенностей личности
испытуемых экспериментальной группы № 2

Этнофункциональные характеристики образной сферы	До эксперимента	После эксперимента	Значимость различий
Образы природы до 5 лет	54,5	9,1	$p < 0,05$
Образы природы с 6 до 7 лет	36,4	81,8	$p < 0,05$
Представления о грехе с 6 до 8 лет	54,5	9,1	$p < 0,05$
Положительное отношение к образам родной природы	100	63,6	$p < 0,05$
Предпочтение экзотических продуктов питания	26,9	52,4	$p < 0,05$
Прирост отрицательного отношения к заповедям Закона Божьего	0	3	$p < 0,1$ (тенденция)
Склонность к противоправному поведению	30,8	39,6	$p < 0,05$

по этнофункциональной коррекции с применением этнодифференцирующих образов природы была выявлена динамика следующих этнофункциональных особенностей образной сферы, особенностей эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер их личности.

Как показано в таблице 8, за период проведения формирующего эксперимента у испытуемых экспериментальной группы № 2 произошли изменения в онтогенетических и пространственных характеристиках их образной сферы. Осужденные стали реже относить первые воспоминания об образах природы к возрасту до 5 лет ($p < 0,05$) и, соответственно, чаще – к возрасту 6–7 лет ($p < 0,05$), а также первые представления о грехе стали реже относить к 6–8 годам ($p < 0,05$). Помимо этого, испытуемые стали реже положительно относиться к образам родной природы ($p < 0,05$) и чаще предпочитать экзотические продукты питания ($p < 0,05$).

Вместе с тем, у осужденных выявлено повышение склонности к противоправному поведению ($p < 0,05$), а также зафиксирован прирост отрицательного отношения к заповедям ($p < 0,1$, тенденция).

Показатели таблицы 9 свидетельствуют о том, что у испытуемых произошло снижение степени эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,01$), повышение уровня творческого мышления ($p < 0,05$), а также снижение эффективно контролируемой тревожности ($p < 0,05$).

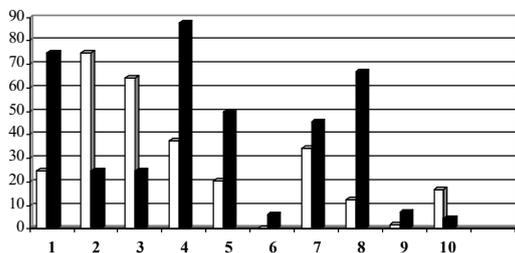
Наглядно результаты формирующего эксперимента представлены ниже на рисунках 3–5.

Как свидетельствуют полученные результаты, в образной сфере испытуемых экспериментальной группы № 1 произошло восстановление этноинтегрирующих образов природы: они стали чаще вспоминать образы родной природы, а также стали относить эти воспоминания к более раннему возрасту (см. таблицу 6). Данный факт свидетельствует о расширении «когнитивной ретроспективы» в осо-

Таблица 9

Динамика особенностей эмоциональной и когнитивной сфер личности испытуемых экспериментальной группы № 2

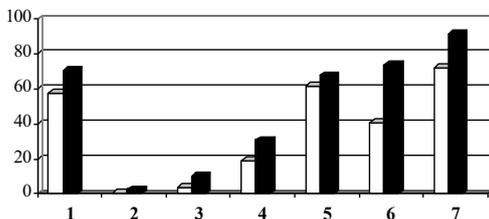
Особенности личности	До эксперимента	После эксперимента	Значимость различий
Эмоциональное торможение когнитивных процессов	74	60	$p < 0,01$
Творческое мышление	4,2	9,8	$p < 0,05$
Эффективно контролируемая тревожность	10,2	3,4	$p < 0,05$

Рис. 3. Динамика особенностей личности осужденных контрольной группы за период проведения формирующего эксперимента

На рисунках 3–5 столбики белого цвета означают уровни показателей до эксперимента, черного – после. 1 – количество воспоминаний первых образов природы после 5 лет ($p < 0,05$); 2 – количество воспоминаний первых сказочных образов до 5 лет ($p < 0,05$); 3 – количество воспоминаний первых образов из русских народных сказок до 5 лет ($p < 0,05$); 4 – количество первых представлений о справедливости с 9 лет ($p < 0,05$); 5 – количество предпочтений экзотических продуктов питания ($p < 0,05$); 6 – прирост показателей отрицательного отношения к заповедям ($p < 0,05$); 7 – количество показателей склонности к противоправному поведению ($p < 0,05$); 8 – количество показателей положительного отношения к законопослушанию ($p < 0,05$); 9 – количество показателей неконтролируемой и неэффективно контролируемой эмоциональности ($p < 0,05$); 10 – количество показателей эффективно контролируемой тревожности ($p < 0,05$).

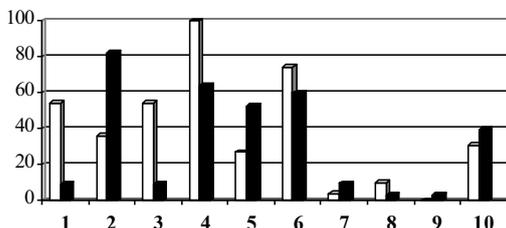
знании осужденными собственной образной сферы. Можно предположить, что всестороннее, целостное переживание, вербализация и осознание различных характеристик образов природы напоминает осужденным об их наличии в онтогенезе образной сферы и помогает точнее определять не только сам факт, но и время появления данных образов. В соответствии с принципами этнофункциональной системности и развития, восстановление у испытуемых данной группы этноинтегрирующих образов природы, а также субъективное отнесение их к оптимальному возрастному периоду (до 5 лет) способствует восстановлению этноинтегрирующего содержания представлений о справедливости в оптимальном для их появления возрасте (в 6–8 лет). С позиций принципа этнофункционального развития объясняется также и тот факт, что в контрольной группе произошло снижение количества первых воспоминаний природных и сказочных образов в оптимальном возрасте (до 5 лет), а первые представления о справедливости стали чаще относиться к возрасту с 9 лет (см. таблицу 4). Данный факт может объясняться влиянием

Рис. 4. Динамика особенностей личности осужденных экспериментальной группы №1 за период проведения формирующего эксперимента

Цифрами обозначена динамика следующих показателей: **1** – количество воспоминаний первых образов природы до 5 лет ($p < 0,05$); **2** – отсутствие воспоминаний первых образов природы до 5 лет ($p < 0,05$); **3** – количество первых представлений о справедливости с 6 до 8 лет ($p < 0,05$); **4** – количество показателей отрицательного отношения к образам зимней природы ($p < 0,05$); **5** – прирост показателей положительного отношения к заповедям ($p < 0,01$); **6** – количество показателей эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,01$); **7** – количество показателей продуктивного (творческого) мышления ($p < 0,05$); **8** – количество показателей неэффективно контролируемой и неконтролируемой тревожности ($p < 0,05$); **9** – количество показателей склонности к противоправному поведению. Показатель склонности к противоправному поведению в экспериментальной группе №1 остался без достоверных изменений.

на осужденных условий отбывания наказания, в том числе этнодифференцирующей криминальной субкультуры (как мы уже отмечали, по содержанию криминальная субкультура является в этическом плане «контркультурой» именно потому, что она «криминальна»). В соответствии с принципом этнофункциональной системности, криминальная субкультура разрушает целостность образной сферы испытуемых, астенизирует их личность и способствует дальнейшему «проникновению» в нее других этнодифференцирующих образов. В экспериментальной группе, напротив, первые воспоминания о природных образах и моральных представлениях испытуемые стали чаще относить к оптимальным возрастным периодам: образы природы – к возрасту до 5 лет, а представления о справедливости – к периоду с 6 до 8 лет (Выдрина, 2007; Сухарев, 2008; Тимохин, 2005; и др.). Данные этноинтегрирующие изменения, в соответствии с принципами этнофункциональной системности и развития, могут являться эффектом от восстановления в образной сфере личности осужденных этноинтегрирующих образов природы.

Рис. 5. Динамика особенностей личности осужденных экспериментальной группы № 2 за период проведения формирующего эксперимента

Цифрами обозначена динамика следующих показателей: 1 – количество воспоминаний первых образов природы до 5 лет ($p < 0,05$); 2 – количество воспоминаний первых образов природы с 6 до 7 лет ($p < 0,05$); 3 – количество первых представлений о грехе с 6 до 8 лет ($p < 0,05$); 4 – количество показателей положительного отношения к образам родной природы ($p < 0,05$); 5 – количество предпочтений экзотических продуктов питания ($p < 0,05$); 6 – количество показателей эмоционального торможения когнитивных процессов ($p < 0,01$); 7 – количество показателей творческого мышления ($p < 0,05$); 8 – количество показателей эффективно контролируемой тревожности ($p < 0,05$); 9 – прирост показателей отрицательного отношения к заповедям ($p < 0,1$, тенденция); 10 – количество показателей склонности к противоправному поведению ($p < 0,05$).

Существенно также, что в процессе формирующего эксперимента у осужденных экспериментальной группы № 1 стало более позитивным отношение именно к образам зимней природы, негативное отношение к которым, наряду с предпочтением экзотических животных, отличало данных испытуемых от законопослушных.

Наряду с этим, в экспериментальной группе № 1 испытуемые стали позитивнее относиться к заповедям, а в контрольной – более негативно. Полученные результаты подтверждают результаты эмпирических исследований отношения к природе, свидетельствующих о том, что формирование позитивного, самоценного отношения к родной природе (на контингенте подростков) является условием развития личности и формирования у нее таких нравственных качеств, как справедливость, честность, склонность к сопереживанию и др. (Панов, 2006; Шейнис, 1995, 2009).

Там, где имели место только этнодифференцирующие воздействия, т. е. в случаях воздействия криминальной субкультуры в контрольной группе или воздействия этнодифференцирующих образов природы в экспериментальной группе № 2, показатель склонности к противоправному поведению возрос. Тот факт, что у осужденных

экспериментальной группы № 1 показатель склонности к противоправному поведению не изменился, может объясняться компенсацией этнодифференцирующего воздействия криминальной субкультуры этноинтегрирующими изменениями в образной сфере личности испытуемых (на основе принципа этнофункциональной системности).

В свою очередь, испытуемые контрольной группы стали чаще относить воспоминания о возникновении первых природных и сказочных образов, а также религиозных представлений (о справедливости) к более позднему возрасту – к 9 годам и старше. В то же время они стали реже вспоминать образы из русских народных сказок (см. таблицу 4). Неизменное отношение к русским народным сказкам в экспериментальной группе № 1 может быть объяснено компенсирующим влиянием восстановления в психике испытуемых образов родной природы, поскольку, в соответствии с принципом этнофункционального развития, восстановление образного содержания природной стадии создает предпосылки и для восстановления образного содержания последующей, сказочно-мифологической, и далее – религиозно-этической (отношение к заповедям) стадий. Косвенно данный факт подтверждается и тем, что осужденные контрольной группы стали более негативно относиться к заповедям, а склонность к противоправному поведению у них, напротив, повысилась. Можно предположить, что указанные изменения, а также снижение уровня когнитивного контроля эмоциональной сферы и тревожности обусловлены влиянием на осужденных контрольной группы этнодифференцирующей криминальной субкультуры.

Тот факт, что в контрольной группе осужденные стали чаще считать законопослушание хорошим качеством, объясняется, по-видимому, тем, что данное утверждение является по понятным причинам социально желательным в местах лишения свободы и может носить преимущественно декларативный характер, так как вопрос о законопослушании задавался в «прямой» форме.

Рост количества показателей продуктивного мышления в экспериментальной группе № 1 в целом может объясняться снижением эмоционального торможения когнитивных процессов и неконтролируемой тревожности. Согласно Т. Любарту с соавт., креативность связана с работоспособностью в состоянии неопределенности, а неконтролируемая тревога дезорганизует мыслительную деятельность (Любарт и др., 2009).

Однако, как показывают исследования, однозначной связи творческого мышления с этнофункциональными особенностями личности не выявлено; в частности, творческое мышление связано

с этнодифференцирующими образами, которые, в свою очередь, осложняют процесс психической адаптации. Отметим, что с позиций этнофункционального подхода для психической адаптированности творчество может иметь как положительный (этноинтегрирующий), так и отрицательный (этнодифференцирующий) смысл (Сухарев, 2008).

В целом, изменения, произошедшие у членов экспериментальной группы № 1, а также у членов контрольной группы, могут быть объяснены с позиций принципа этнофункциональной системности и развития. Вследствие этнофункциональной коррекции, в центре внимания испытуемых оказались этноинтегрирующие образы природы, системно (в идеале) связанные с остальными признаками русской этносреды. Это, в свою очередь, обусловило системные изменения в образной сфере личности каждого из них, в том числе и в их отношении к заповедям Закона Божьего. При этом отодвинулись на «периферию» психики образы этнодифференцирующей криминальной субкультуры и, соответственно, снизилась склонность к противоправному поведению и повысилось позитивное отношение к этноинтегрирующим заповедям. В соответствии с принципами этнофункциональной системности и развития, восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере осужденных оказывает влияние на особенности эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер их личности, а именно на снижение уровня тревожности, повышение продуктивности мышления, а также способствует более позитивному отношению к заповедям и более негативному отношению к этнодифференцирующему противоправному поведению.

На основании полученных в настоящем исследовании экспериментальных результатов можно сделать предположение о том, что этнодифференцирующие образы природы и криминальная субкультура в целом сходно влияют на особенности личности осужденных. Это косвенно подтверждает этнодифференцирующий смысл криминальной субкультуры в целом.

Таким образом, этнофункциональная коррекция с использованием этноинтегрирующих образов природы оказывает положительное влияние на нравственную сферу осужденных за насильственные преступления в 75% случаев. При этом в контрольной группе, где не проводилась этнофункциональная коррекция личности, положительные изменения в нравственной сфере в течение 3-х месяцев (т. е. периода проведения занятий в экспериментальной группе) произошли только у 12,5% испытуемых. Можно предположить, что данные положительные изменения в контрольной группе мог-

ли произойти вследствие влияния воспитательной работы, которая проводится с осужденными в исправительном учреждении (труд, режим содержания, религиозное воспитание и т. д.). При этом отрицательные изменения в нравственной сфере личности испытуемых контрольной группы более выражены, чем положительные изменения Белобородов, 1999; Лапшина, 2007; Штефан, 2009). Данный факт может быть объяснен негативным влиянием на осужденных этнодифференцирующей криминальной субкультуры (в силу принципа этнофункциональной системности).

Полученные в нашем исследовании результаты косвенно подтверждаются исследованиями, проведенными на младших школьниках, где в процессе психологической коррекции использовались этноинтегрирующие как природные, так и сказочные образы (Сухарев, Кравченко, Овчинников и др., 2003). В данных исследованиях было установлено, что одновременное использование в процессе психологической коррекции этноинтегрирующих образов природы и сказочных образов способствовало снижению эмоционального торможения когнитивных процессов; вместе с тем, качество взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности повышалось. В нашем исследовании применение только этноинтегрирующих образов природы, наряду со снижением эмоционального торможения когнитивных процессов, снижался и повышенный уровень личностной тревожности.

В свою очередь, в формирующем эксперименте с младшими школьниками этнодифференцирующие образы природы обуславливали снижение качества взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер и в то же время (как и в нашем эксперименте) способствовали снижению эмоционального торможения когнитивных процессов. В нашем исследовании использование только этнодифференцирующих образов природы способствовало снижению качества когнитивного контроля тревожности (см. таблицу 9).

Сравнение результатов данных исследований показывает, что влияние на личность только этноинтегрирующих образов природы, по сравнению с влиянием и природных, и сказочных образов, обуславливает менее выраженные изменения качества взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности. Совместное воздействие этноинтегрирующих природных и сказочных образов оказывает, несомненно, более положительное влияние на эмоциональную и когнитивную сферы личности.

Ранее проведенные исследования показали, что применение в процессе психологической коррекции этноинтегрирующих сказочных образов, по сравнению с использованием этнодифференци-

рующих сказочных образов, а также с применением телесно-ориентированной психотерапии, дает выраженное повышение качества взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности (Сухарев, 2008; Шапорева, 2007). Можно заключить, что основным эффектом использования этноинтегрирующих образов природы заключается в снижении уровня невротизации по показателям снижения эмоционального торможения когнитивных процессов и снижения уровня тревожности.

Полученные в формирующем эксперименте результаты подтверждают результаты исследования, проведенного на контингенте подростков, склонных к противоправному поведению, где осуществлялось восстановление в образной сфере личности испытуемых только этноинтегрирующих образов природы (Сухарев, Грачев, 2010). У подростков произошло увеличение количества образов родной природы, относящихся к возрасту до 5 лет, снижение количества этнодифференцирующих климато-географических, антропо-биологических и социокультурных образов в образной сфере. В то же время у испытуемых произошло снижение эмоционального торможения когнитивных процессов, повысилась эффективность когнитивного контроля эмоциональной сферы, снизилась тревожность, а также улучшилось отношение к заповедям и снизилась склонность к противоправному поведению. Изложенные результаты ранее проведенных и настоящего исследования являются взаимодополняющими и подтверждают роль этноинтегрирующих образов природы в профилактике (первичной и вторичной) противоправного поведения (Сухарев, Чулисова, Грачев, 2012).

Результаты нашего исследования подтверждают также имеющиеся теоретические и эмпирические результаты, свидетельствующие о высокой значимости отношения человека к природе для его психической адаптированности, здоровья и др. (Авцын, 1972; Бабикиер и др., 1980; Боас, 1922; Голд, 1990; Леопольд, 1992; Ратцель, 1891; Сид и др., 1992; Сэмпл, 1911; Сухарев и др., 1997; Юнг, 1993).

В целом, *психологический механизм* положительных изменений в эмоциональной, когнитивной и нравственной сферах личности осужденных за насильственные преступления в процессе этнофункциональной коррекции их образной сферы состоит в восстановлении этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности. Именно они способствуют, согласно принципу этнофункциональной системности, восстановлению и других этноинтегрирующих образов (сказочных образов, религиозных представлений и др.), т. е. способствуют восстановлению целостности образной сферы. В свою очередь, данные изменения в образной сфере, благодаря ее

регулятивной функции, обуславливают и положительные изменения личности осужденных.

Результаты проведенного номотетического исследования подтверждаются и результатами идиографического описания психологических изменений, произошедших с испытуемыми в процессе восстановления этноинтегрирующего содержания образов природы в их образной сфере (см. Приложение 2). Проиллюстрируем данное положение примерами.

Пример 1

Осужденный В., возраст – 32 года, родился в Ленинградской области, до ареста проживал в Брянской области, отбывает наказание за нанесение тяжких телесных повреждений; испытуемый экспериментальной группы № 1.

По результатам этнофункционального интервью, до участия в групповых занятиях формирующего эксперимента В. относил первое впечатление о природе к 4 годам (к оптимальному возрастному периоду). Он вспомнил образ родной природы – образ «*реки с крутым лесистым берегом*», который был для него эмоционально безразличен («*никаких чувств*»). Свое первое переживание, связанное с представлением о справедливости, осужденный относил к 10 годам (позже оптимального периода). В. эмоционально негативно относился к соблюдению заповедей Закона Божьего «Не убий» и «Не лжесвидетельствуй» и считал, что «*убивать и лгать можно в зависимости от разных обстоятельств*» (к соблюдению остальных заповедей осужденный относился положительно).

На первом занятии осужденный В. в состоянии мышечной релаксации представлял образ любимого уголка природы и не испытывал никаких чувств по отношению к данному образу (остался эмоционально безразличным к нему); в групповом обсуждении участия не принимал. Данный образ был спонтанным, все остальные образы предлагались психологом.

На втором занятии, когда В. представлял образ дубравы, он испытывал *упадок сил и тоску*. Данный факт, а также эмоционально безразличное отношение к первому в онтогенезе образу родной природы свидетельствуют о нарушении связи с ней, которое является фактором риска личностной дезадаптированности (Сухарев, 2008).

На третьем занятии В., представляя образ соснового бора, испытывал «*прилив сил*». Образ стал более «*живым*»: в отличие от предыдущих, он характеризовался не только зрительной модальностью, но также обонятельной и слуховой («*светлый сосновый лес, пахнет хвоей, рядом шумит горная река, за ней виднеется моховое боло-*

то с мелколесьем»). В. стал проявлять больший интерес к занятиям и активнее участвовать в обсуждении.

На последующих занятиях во время представления образов родной природы, а также «воплощения» в них (образы осинника, зверобоя, тысячелистника, бобра, рыжей лисицы и др.) В. испытывал «прилив сил», чувства покоя, умиротворения, «светлой» грусти. В ходе занятий у него актуализировались воспоминания, связанные с детством (с домом, родителями и т. д.), в процессе группового обсуждения испытуемый вербализовал свои переживания по отношению к ним.

По результатам этнофункционального интервью, после прохождения цикла занятий у В. произошло восстановление эмоционального отношения к родной природе: он проявил эмоционально положительное отношение к первому воспоминанию о ней («радость», «спокойствие»). Вместе с тем у В. актуализировались более ранние переживания, связанные с представлением о справедливости, относящиеся к 7 годам (к оптимальному периоду). У испытуемого восстановилось эмоционально позитивное отношение к соблюдению заповедей Закона Божьего «Не убий» и «Не лжесвидетельствуй», он стал считать, что «убивать и лгать нельзя ни при каких обстоятельствах».

По результатам Роршах-диагностики, в процессе занятий у В. снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов. Однако отношение к противоправному поведению не изменилось (по методике А. Н. Орла).

Данный случай отражает усиление эмоционального отношения испытуемого к образам родной природы, увеличение их объема и количества модальностей, что обуславливает позитивные изменения в эмоциональной и нравственной сферах его личности.

Следующий пример иллюстрирует расхождение результатов номотетического исследования и идиографического описания случая.

Пример 2

Осужденный М., возраст – 23 года, родился и в раннем детстве жил в Казахстане (г. Кызыл-Орда), десять лет жил в Китае, до ареста проживал в Мордовии, отбывает наказание за разбойное нападение; испытуемый экспериментальной группы № 1.

По результатам этнофункционального интервью, до участия в групповых занятиях испытуемый вспомнил первые образы природы («степь, мало деревьев, широкая река Сырдарья»), относящиеся к 5 годам. К данным образам М. был эмоционально нейтрален («мне безразлична эта природа»). Сказок, рассказанных ему в детстве, он

не помнил. В качестве любимого уголка природы осужденный предпочитал *горный ландшафт*, однако ему нравился климат, в котором он проживал на момент обследования. Также М. предпочитал образы экзотических растений и животных («*сакура, тигр*»). Вместе с тем испытуемый считал себя православным, однако активно интересовался буддизмом (читал литературу по буддизму, изучал буддистские традиции, культуру).

Осужденный эмоционально отрицательно относился к соблюдению заповедей Закона Божьего «Я – Господь твой; не должны быть у тебя другие боги, кроме Меня», «Почитай отца и мать свою», «Не убий», «Не укради», «Не лжесвидетельствуй» и считал, соответственно, что, «*кроме православия, можно придерживаться и буддизма*», что «*уважать и любить своих родителей необязательно*», «*убивать, красть и лгать можно в зависимости от разных обстоятельств*».

На первом занятии во время представления в состоянии мышечной релаксации любимого уголка природы («*море, под водой темно, слышится какой-то непонятный шум*»), осужденный почувствовал *спокойствие* и *тоску*. Данный образ был спонтанным, все остальные образы были предложены психологом.

Испытуемый с интересом относился к занятиям, принимал активное участие в групповых обсуждениях. Однако половину занятий пропустил в связи с большой занятостью.

На втором занятии при представлении дубравы («*осенний лес, шумит листва, вокруг дубы, слышится мелодия*») М. испытывал «*прилив сил*», *спокойствие*. А в процессе представления березовой рощи («*солнечный день, вокруг березы*») М. почувствовал *упадок сил* и *сильную тоску*.

На третьем занятии при представлении ельника («*зимняя ночь, морозно, пахнет хвоей, вокруг ели в снегу, вдали показалась волчица*»), соснового бора («*летний полдень, погода как после дождя, вокруг сосны, чувствуется запах озона, земля усеяна сухими иголками от сосен*») осужденный испытывал «*прилив сил*», «*восторг*», *радость*. В процессе представления медведя испытуемый вспомнил случай из прошлого, когда он служил в Северной Осетии: «*Идем в наряд по горному ущелью, нас замечает медведь-шатун и начинает бежать в нашу сторону, мы стреляем в него, и он убегает от нас*». Во время представления данного образа М. испытывал *страх* и *упадок сил*.

На последующих занятиях при представлении рыжей лисицы («*летний лес, течет маленькая речка, около берега бегают две лисы светло-рыжего цвета*»), бобра («*летний лес, влажный и прохладный, посреди него красивое озеро с прозрачной водой, рядом с берегом пла-*

вают два бобра») М. остался равнодушен к этим образам («ничего не почувствовал»).

Как показывают результаты этнофункционального интервью, после участия в занятиях осужденный стал вспоминать больше образов родной природы, относящихся к 5 годам («степи, мало деревьев, но они большие, туювник, шиповник, саксаул, Сырдарья»). Изменилось отношение к образам родной природы: М. стал к ним относиться эмоционально негативно («они мне неприятны»). Вместо климата места рождения М. стал предпочитать более холодный климат. Наряду с образами экзотических животных, испытуемому стал нравиться образ животного среднерусского ландшафта («волк»). Кроме того, он начал интересоваться русской культурой, народными традициями и обычаями.

У М. изменилось отношение к заповеди «Не сотвори себе кумира»: он стал эмоционально отрицательно относиться к соблюдению этой заповеди и считать, что «поклоняться чему-либо и кому либо больше, чем Богу, можно».

По результатам Роршах-диагностики у М. значительно снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов, в то же время снизился и когнитивный контроль эмоциональности.

Кроме того, у испытуемого значительно снизилась склонность к делинквентному поведению (по методике А. Н. Орла).

Динамика отношений к образам природы неоднозначна – появились негативное отношение к образам родной природы, относящимся к ранним детским воспоминаниям (казахские степи), а также положительное отношение к образу ельника и негативное отношение к образу березовой рощи этносреды проживания (в настоящее время). Неоднозначны и изменения нравственных и правовых отношений осужденного. Как уже упоминалось, с одной стороны, отношение к заповеди «Не сотвори себе кумира» стало негативным, а с другой – снизилась склонность к делинквентному поведению. В то же время зафиксировано снижение интереса к буддизму. При этом, наряду со снижением эмоционального торможения когнитивных процессов, исчезли ответы по Роршах-тесту, свидетельствующие о гармоничном взаимодействии когнитивной и эмоциональной сфер.

Такие неоднозначные изменения отношения к природе и ухудшение взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер личности могут быть обусловлены, во-первых, тем, что данный испытуемый родился и достаточно долго жил в одних природно-климатических условиях (казахские степи), затем совершенно в других (Тибет, горы) и на момент обследования – в средней полосе России, что является важным дискриминантным фактором для психической адап-

тированности (Сухарев, 2008). Во-вторых, данный испытуемый по независящим от него причинам смог посетить только половину всех занятий.

Следующий пример является типичным для испытуемых контрольной группы, который иллюстрирует деструктивные изменения особенностей их личности.

Пример 3

Осужденный А., возраст – 33 года, родился в Рязанской области, проживает в г. Москве, отбывает наказание за разбойное нападение; испытуемый контрольной группы (не принимал участия в формирующем эксперименте).

Как показали результаты этнофункционального интервью, воспоминания о первых образах природы А. относил к 4 годам (к оптимальному возрастному периоду). Он вспомнил эмоционально позитивно окрашенные образы родной природы – «лес, озеро», испытал при этом «чувство покоя». Первое впечатление о сказочных образах испытуемый также относил к оптимальному возрасту – к 5 годам (данные образы – образы из русских народных сказок).

За время проведения формирующего эксперимента в онтогенетических характеристиках образной сферы личности испытуемого произошли изменения: он стал относить первое впечатление о родной природе к значительно более позднему, чем оптимальный, возрасту – к 10 годам, а образы из русских народных сказок – к 6 годам. Помимо этого, А. стал эмоционально негативно относиться к соблюдению заповедей «Не убий» и «Не лжесвидетельствуй» и считать, что «убивать можно, если это не противоречит закону», и что «лгать можно в зависимости от обстоятельств».

По результатам Роршах-диагностики, у А. снизился уровень когнитивного контроля эмоциональности.

По результатам применения методики А. Н. Орла, у осужденного повысилась склонность к противоправному поведению.

Интересно, что позитивные изменения эмоциональных показателей Роршах-теста наблюдались у всех испытуемых экспериментальной группы, а у всех испытуемых контрольной группы имели место только негативные изменения в эмоциональной сфере – либо ухудшение контроля тревожности, либо усиление эмоционального торможения когнитивных процессов, либо и то и другое.

Результаты формирующего эксперимента позволяют сделать вывод о том, что восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности осужденного за насильственные

преступления обуславливает ее изменение в онтогенетическом и пространственном аспектах: актуализируются более ранние воспоминания об этноинтегрирующих образах природы (до 5 лет), а также о возникновении представлений о справедливости (в 6–8 лет); вместе с тем, появляются предпочтения (на момент обследования) этноинтегрирующих образов зимней природы.

Кроме того, восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере осужденных обуславливает позитивные изменения в эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сферах их личности: снижение уровня тревожности, степени эмоционального торможения когнитивных процессов, более положительное отношение к заповедям.

В то же время использование этнодифференцирующих образов природы в этнофункциональной коррекции личности (у осужденных за насильственные преступления) обуславливает ее изменение в онтогенетическом и пространственном аспектах. Испытуемые начинают чаще относить первые воспоминания об образах природы к 6–7 годам (т. е. позже оптимального периода) и реже относить представления о грехе к 6–8 годам (к оптимальному периоду); также у них снижается положительное отношение к родной природе и чаще возникают предпочтения экзотических продуктов питания. Использование этнодифференцирующих образов природы в этнофункциональной коррекции личности осужденных обуславливает также и негативные изменения в эмоциональной, когнитивной, нравственной сферах их личности: становится слабее когнитивный контроль тревожности и вместе с этим – повышается показатель склонности к делинквентному поведению.

В итоге экспериментально-психологического исследования было установлено, что в процессе психокоррекции этноинтегрирующие образы природы оказывают положительное влияние на отношения осужденных к заповедям Закона Божьего, к правовым нормам, снижают степень эмоционального торможения когнитивных процессов и уровень тревожности. Этнодифференцирующие образы природы, напротив, способствуют отрицанию заповедей Закона Божьего, повышению склонности к делинквентному поведению, снижению контроля тревоги.

***

Основные выводы исследования можно сформулировать следующим образом.

1. Анализ научной литературы показал, что применяемые в российских исправительных учреждениях методы психологичес-

кой коррекции осужденных системно (с позиций единой теории и методологии) не учитывают влияние специфики современной культурно-исторической ситуации на личность, ее поведение в целом. Использование метода этнофункциональной коррекции образной сферы в целях вторичной профилактики преступного поведения обусловлено исторической актуальностью этнофункциональной парадигмы в психологии, на единстве методологических принципов которой данный метод основан.

2. Такие особенности личности осужденных за насильственные преступления, как неконтролируемая эмоциональность и тревожность, эмоциональное торможение когнитивных процессов, отвержение заповедей Закона Божьего, могут быть связаны с возникновением в их воспоминаниях природных и сказочных образов не ранее 5 лет, представлений о Боге, грехе и справедливости не ранее 9 лет, а также с предпочтением этнодифференцирующих образов животных, ландшафта, климата и антропологических типов лиц противоположного пола.
3. Восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере личности осужденного за насильственное преступление обуславливает ее изменение в онтогенетическом и пространственном аспектах: актуализируются более ранние воспоминания об этноинтегрирующих образах природы (до 5 лет), а также о возникновении представлений о справедливости (в 6–8 лет); вместе с тем, появляются предпочтения (на момент обследования) этноинтегрирующих образов зимней природы.
4. Восстановление этноинтегрирующих образов природы в образной сфере осужденных за насильственные преступления обуславливает позитивные изменения в эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сферах их личности: снижение уровня тревожности, степени эмоционального торможения когнитивных процессов, более положительное отношение к заповедям Закона Божьего.
5. Использование этнодифференцирующих образов природы в этнофункциональной коррекции образной сферы личности осужденных за насильственные преступления обуславливает негативные изменения в ее онтогенетическом и пространственном аспектах. Испытуемые начинают чаще относить первые воспоминания образов природы к 6–7 годам, реже относить возникновение первых представлений о грехе к 6–8 годам, менее положительно относиться к родной природе, чаще предпочитать экзотические продукты питания.

6. Использование этнодифференцирующих образов природы в этнофункциональной коррекции личности осужденных за насильственные преступления обуславливает негативные изменения в эмоциональной, когнитивной, нравственной сферах их личности: уменьшение когнитивного контроля тревожности и вместе с этим повышение склонности к делинквентному поведению.
7. Метод этнофункциональной коррекции личности осужденных за насильственные преступления обуславливает положительные изменения их нравственной сферы в 75% случаев. В связи с этим, применение методологической основы этнофункциональной парадигмы в психологической коррекции личности осужденных за насильственные преступления адекватно задачам вторичной профилактики криминального поведения. Существенным для формирования положительного отношения к моральным ценностям и коррекции правосознания личности осужденных за насильственные преступления является восстановление в их образной сфере именно этноинтегрирующих образов природы.

Значительная часть результатов настоящего исследования может быть использована в учебном процессе при подготовке специалистов уголовно-исполнительной системы по дисциплинам «Пенитенциарная психология», «Прикладная пенитенциарная психология» и др., при повышении квалификации психологов пенитенциарных учреждений. Кроме того, к результатам исследования могут обращаться психологи учреждений и органов ФСИН России в процессе психологической коррекции особенностей личности осужденных за насильственные преступления; они могут быть включены в методические рекомендации по психологической работе с указанной категорией лиц.

Заключение

В настоящем исследовании было показано положительное влияние восстановления в образной сфере осужденных за насильственные преступления этноинтегрирующих образов природы на динамику особенностей эмоциональной, когнитивной, а также нравственной сфер их личности, что обуславливает практическую значимость полученных результатов. Вместе с тем, выявлено отрицательное влияние этнодифференцирующих образов природы на данные сферы личности осужденных. Применение этнофункциональной коррекции образной сферы (на материале этноинтегрирующих образов природы) может рекомендоваться для формирования положительных изменений личностных особенностей осужденных за насильственные преступления. Этнофункциональная коррекция может использоваться в качестве метода вторичной профилактики криминального поведения.

Кроме того, результаты настоящего исследования позволяют сделать вывод, имеющий общепсихологический смысл: с позиций принципа этнофункциональности образная сфера личности может рассматриваться как система, что имеет не только теоретическое, но и важнейшее прикладное значение. Данный вывод предполагает наличие возможности применения регулятивного потенциала образной сферы в коррекции различных особенностей личности осужденных, что определяет существенную теоретическую новизну настоящего исследования.

На наш взгляд, перспективным является дальнейшее изучение влияния восстановления этноинтегрирующего содержания сказочных образов. В настоящем исследовании связь наличия в первых детских воспоминаниях этнодифференцирующих сказочных образов с криминальным поведением была установлена на уровне тенденции, $p < 0,1$, а связь с ним отнесения первых воспоминаний сказочных образов к возрасту после 8 лет была установлена достоверно на уровне $p < 0,05$.

Также перспективным является исследование влияния моральных и религиозных представлений на различные особенности личности осужденных. В соответствии с принципом этнофункционального развития, можно предположить, что последовательное

восстановление этноинтегрирующего содержания сначала сказочных образов, а затем религиозно-этических представлений будет способствовать актуализации более ранних воспоминаний у осужденных об их появлении в онтогенезе. Такие изменения в онтогенетическом аспекте образной сферы могут обусловить более гармоничное взаимодействие эмоциональной и когнитивной сфер личности («аффекта и интеллекта», по Л. С. Выготскому), о чем свидетельствуют результаты исследований А. В. Сухарева, Е. А. Выдриной, В. С. Грачева, А. А. Шапорева, В. О. Шустовой и др. (Сухарев, 2008; Выдрин, 2007; Грачев, 2009; Шапорева, 2007; Шустова, 2007). Гармонизация эмоциональной и когнитивной сфер личности способствует оптимизации когнитивного контроля тревожности. Как уже неоднократно отмечалось, именно тревожность представляет собой психологическую основу криминального поведения (Антонян и др., 1996). Таким образом, этнофункциональная коррекция может использоваться как метод вторичной профилактики криминального поведения.

Приложение 1

Ориентировочное содержание структурированного этнофункционального интервью

Заполните, пожалуйста, анкетные данные.

ФИО _____ Возраст _____

Семейное положение _____ Дети _____

Образование _____ Профессия _____

Статья осуждения _____ Срок осуждения _____

Сколько вы уже отбываете наказание? _____

Если вы были ранее судимы (у вас есть «погашенные» судимости), укажите – по каким статьям и сроки осуждения _____

Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы и, где требуется, подчеркните подходящий для вас ответ.

I

1. а. Кем вы считаете себя по национальности?

б. Кем бы вы хотели быть по национальности?

в. Где вы родились?

г. Где вы жили первые 5 лет жизни?

д. Если вы переезжали, то куда и на какой срок?

е. Укажите постоянное место жительства до осуждения.

2. а. Сохранились ли у вас воспоминания (образы) в возрасте до 5 лет? Если да, то какие, что именно вы помните?

3. а. Помните ли вы образы природы из раннего детства? Если помните, то со скольких лет? _____
_____
- б. Какие именно образы природы вы помните? Опишите эти первые образы природы. _____
_____
- в. Эти вспомнившиеся образы природы были для вас (*нужное подчеркнуть*):
- Приятны
  - Безразличны
  - Неприятны
4. а. Помните ли вы сказки из своего раннего детства? Если помните, то какие это были сказки? Напишите их названия, укажите персонажей сказок. _____
_____
- б. К какому возрасту относятся эти воспоминания о сказках? _____
- в. Как именно вы знакомились со сказками в детстве? (*Нужное подчеркнуть.*)
- Вам их кто-то рассказывал (*напишите, кто рассказывал*)
  - Слушали пластинки
  - Смотрели мультфильмы
  - Смотрели диафильмы
  - Сами читали
  - Другое (*укажите, что именно*)
- г. Какая сказка, какой персонаж вам нравились больше других? _____
- д. Какая сказка, какой персонаж вам не нравились? _____
- е. Какие песни, музыку вы слушали в раннем детстве? _____
- ж. Со скольких лет вы помните эти песни, музыку? _____
5. а. Если вы задумывались о Боге, то во сколько лет впервые? _____
- б. С чем были связаны эти представления о Боге? _____
- в. Задумывались ли вы о справедливости? Если да, то со скольких лет? _____
_____

- г. С чем были связаны эти представления о справедливости?
_____
- д. Если вы задумывались о грехе, то в каком возрасте впервые?
_____
- е. С чем были связаны эти представления о грехе?
_____

II

1. а. Как вы относитесь к родной природе в настоящее время?
(Нужное подчеркнуть.)
- Очень нравится
  - Безразлична
  - Не нравится
- б. Как вы относитесь к русской природе?
- Очень нравится
  - Безразлична
  - Не нравится
- в. Опишите свой любимый уголок природы.
_____
- г. Какие вам нравятся (напишите названия):
- растения _____
  - деревья _____
  - животные _____
  - птицы _____
- д. Какой климат вы предпочитаете? (Нужное подчеркнуть.)
- Тот, в котором живете
  - Более холодный
  - Северный
  - Более теплый
  - Южный
  - Другой (укажите, какой)
- е. Насколько вам нравится или не нравится зима?
- Очень нравится
  - Безразлична
  - Не нравится (хотели бы, чтобы зимы совсем не было)
- ж. Если бы вы хотели что-то изменить в зиме, что именно вы бы изменили? _____
- з. Где бы вы хотели жить постоянно? (Нужное подчеркнуть.)
- В России (укажите, в каком населенном пункте или сельской местности) _____
  - За границей (в какой стране) _____
  - Другое (что именно) _____

2. а. Какой у вас цвет глаз? _____
Какой у вас цвет волос? _____
- б. С каким цветом глаз лица противоположного пола вам нравятся? _____
С каким цветом волос лица противоположного пола вам нравятся? _____
- в. Какой тип лиц противоположного пола вам нравится? (*Нужное подчеркнуть.*)
- Негритянский
  - Европейский
  - Китайский
  - Все равно
- г. Как вы относитесь к однополым бракам? (*Нужное подчеркнуть.*)
- Отрицательно
  - Безразлично
  - Положительно (приветствуете)
- д. Какие продукты питания вам нравятся? _____
- е. Что вы предпочитаете из фруктов и овощей? _____
3. а. Какой веры вы придерживаетесь? _____
- б. Если у вас особые взгляды на религию, то укажите, какие. _____
- в. Были ли вы крещены? Если да, то когда? _____
- г. Совершаете ли вы ежедневные молитвы? _____
- д. Посещаете ли вы церковь? Если посещаете, то как часто? (*Нужное подчеркнуть.*)
- Чаше одного раза в месяц
  - Реже одного раза в месяц
  - Не посещаете
- е. Соблюдаете ли вы христианские таинства? Если да, то подчеркните подходящий ответ:
- Исповедуетесь
  - Причащаетесь
- ж. Как вы предпочитаете проводить свободное время? Укажите свои увлечения. _____
_____
_____

- з. Какая музыка вам больше нравится? *(Нужное подчеркните.)*
- Классическая
  - Современная, популярная
  - Национальная (своего народа)
  - Другое *(укажите, что именно)*
  - Все равно
- и. Какую литературу вы предпочитаете? *(Укажите названия книг, авторов.)* _____

III

1. Есть ли у вас хронические заболевания? Если да, то какие? *(Нужное подчеркните.)*
- Аллергия
  - Частые простуды
  - Гастрит
  - Язва желудка
  - Заболевание почек
  - Диабет
  - Повышенное или пониженное давление
  - Сердечные заболевания
  - Другие *(напишите, какие)* _____
2. Если вы курите, то укажите, сколько сигарет в день? _____
3. Если вы пьете крепкий чай или кофе, то сколько раз в день?
_____
4. Если вы на свободе употребляли пиво, вино или водку, укажите, что именно и как часто? _____
5. Как вы относитесь к тем, кто употребляет наркотики? *(Здесь и далее – нужно подчеркните.)*
- С пониманием
  - Безразлично
  - С неприязнью
6. Всегда ли, на ваш взгляд, законопослушание является хорошим качеством?
- Всегда
  - В зависимости от обстоятельств
  - Редко
  - Никогда
7. Если бы в российском обществе были правильные законы, то всегда ли вы старались бы их исполнять?
- Всегда
  - В зависимости от обстоятельств
  - Никогда

8. Способствует ли, на ваш взгляд, религия укреплению нравственности в обществе?
  - Да
  - Иногда
  - Нет
9. Если бы законы были справедливыми, то вы стремились бы поступать по закону?
  - Да
  - В зависимости от обстоятельств
  - Нет

Анкета отношения к заповедям Закона Божьего¹

Оцените, пожалуйста, приведенные ниже утверждения. Номер нужного ответа обведите в кружок.

I

1. Нужно всегда придерживаться одной веры.
2. Можно одновременно придерживаться разных верований (христианства, мусульманства, буддизма и т. д.).
3. Нужно придерживаться атеизма (безбожия).
4. Что-то другое (*укажите, что именно*).

II

1. Поклоняться чему-либо и кому-либо больше, чем Богу, нельзя.
2. Поклоняться чему-либо и кому-либо больше, чем Богу, можно.
3. Что-то другое (*укажите, что именно*).

III

1. Заниматься делами следует в будние дни, а в праздничные дни ходить в храм (по выходным и в праздники).
2. Заниматься делами можно и в праздники.
3. Заниматься делами не нужно, если можно отдохнуть.
4. Что-то другое (*укажите, что именно*).

V

1. Нужно уважать и любить своих родителей, заботиться о них, помогать им.
2. Уважать и любить своих родителей необязательно.
3. Что-то другое (*укажите, что именно*).

---

1 Формулировки заповедей в анкете адаптированы.

VI

1. Убивать человека нельзя ни при каких обстоятельствах.
2. Убивать можно, если это не противоречит закону.
3. Убивать можно в зависимости от разных обстоятельств.
4. Что-то другое (*укажите, что именно*).

VII

1. Измена в браке недопустима.
2. Изменять жене или мужу допустимо при определенных обстоятельствах.
3. Что-то другое (*укажите, что именно*).

VIII

1. Красть нельзя ни при каких обстоятельствах.
2. Красть можно, если за это не последует наказание.
3. Красть при определенных обстоятельствах можно.
4. Что-то другое (*укажите, что именно*).

IX

1. Лгать нельзя ни при каких обстоятельствах, нужно всегда говорить только правду.
2. Лгать можно, если это не противозаконно.
2. Лгать можно в зависимости от обстоятельств.
4. Что-то другое (*укажите, что именно*).

X

1. Завидовать нельзя.
2. Завидовать можно.
3. Что-то другое (*укажите, что именно*).

Приложение 2

Идиографическое описание психологических изменений у испытуемых в процессе этнофункциональной коррекции с применением этноинтегрирующих образов природы

Пример 1

Осужденный А., возраст – 29 лет, родился и до ареста проживал в Саратовской области, отбывает наказание за разбойное нападение (ранее А. был условно осужден за воровство).

По результатам этнофункционального интервью, до участия в групповых занятиях у осужденного отсутствовали воспоминания о природе в раннем детстве. Первое воспоминание о природе он относил к 10–11 годам (значительно позже оптимального возрастного периода). Вспомнившийся в данном возрасте образ природы – этноинтегрирующий образ степи, к которой А. был эмоционально безразличен («он для меня безразличен»). Помимо этого, осужденный относил первые воспоминания о сказочных образах к 5–7 годам (он вспомнил образы из народных и авторских сказок). В то же время А. эмоционально отрицательно относился к соблюдению заповеди «Не лжесвидетельствуй» и считал, что *«лгать можно в зависимости от обстоятельств»* (к другим заповедям Закона Божьего он относился положительно).

По заданию ведущего осужденный А. представлял образы родной природы – любимого уголка природы (*«еловый лес, поле, птицы щебечут»*), дубравы, осинника, тысячелистника, подорожника, зверобоя, медведя, волка, дикого кабана, выдры, рыжей лисицы, зайца-русака и т. д. и испытывал *«прилив сил»* и, вместе с тем, испытывал чувство *«тоски по родным местам»*. В процессе «воплощения» в образ медведя А. *«полной грудью почувствовал медвежью силу»*.

По результатам этнофункционального интервью, после завершения цикла занятий у осужденного А. актуализировались более ранние впечатления о родной природе, относящиеся к 3 годам. Также он стал относить образы из русских народных сказок к более раннему возрасту – к 3 годам. Кроме того, у А. восстановилось эмоционально

положительное отношение к христианской заповеди «Не лжесвидетельствуй», он стал считать, что *«лгать нельзя ни при каких обстоятельствах, нужно всегда говорить только правду»*.

По результатам Роршах-диагностики, у А. снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов.

В то же время у испытуемого снизилась склонность к противоправному поведению, что свидетельствует о более положительном отношении к праву (по методике А. Н. Орла).

Итак, в рассматриваемом случае испытуемый стал эмоционально положительно оценивать первые в онтогенезе образы родной природы, которые он отнес к более раннему возрасту – 3 года (оптимальный период). Вместе с тем и первые этноинтегрирующие образы народных сказок он также стал относить к 3 годам. Согласно номотетическим результатам настоящего исследования, данные изменения могли обусловить снижение степени эмоционального торможения когнитивных процессов, восстановление эмоционально положительного отношения к заповеди «Не лжесвидетельствуй», а также снижение склонности к делинквентному поведению.

Пример 2

Осужденный А., возраст – 26 лет, родился и до ареста проживал в Ивановской области (г. Тейково), отбывает наказание за разбойное нападение.

По результатам этнофункционального интервью, до участия в групповых занятиях формирующего эксперимента А. относил воспоминания о первых образах природы к 6 годам (он вспомнил образы «деревьев (берез, елок) в скверике» и испытал *«приятные чувства»*). В то же время осужденный эмоционально негативно относился к образам зимней природы (*«зима вообще не нравится»*). На момент обследования А. эмоционально негативно относился к соблюдению заповедей Закона Божьего «Не лжесвидетельствуй» и «Не пожелай всего того, что есть у ближнего твоего» и считал, что *«лгать можно в зависимости от обстоятельств»*, а также *«завидовать можно»* (к остальным заповедям осужденный относился положительно – *«эти заповеди правильные»*).

На первом занятии по заданию ведущего осужденный представлял в состоянии мышечной релаксации образы ельника, соснового бора, медведя, к которым проявлял эмоционально безразличное отношение (*«нет чувств»*).

На втором занятии в процессе представления образа волка А. испытал *«упадок сил»*.

На последующих занятиях А. представлял образы бобра, выдры, рыжей лисицы, тысячелистника, подорожника и др. и почувствовал «*прилив сил*» и «*радость*».

По результатам этнофункционального интервью, после завершения цикла занятий возраст, к которому осужденный А. относил первые воспоминания о родной природе, не изменился, однако изменилось отношение к образам зимней природы – оно стало эмоционально нейтральным («*к зиме отношусь спокойно*»). Помимо этого, А. стал эмоционально положительно относиться к соблюдению заповеди «Не пожелай всего того, что есть у ближнего твоего» и считать, что «*завидовать нельзя*» (отношение к заповеди «Не лжесвидетельствуй» осталось без изменений).

По результатам Роршах-диагностики, у осужденного произошло снижение степени эмоционального торможения когнитивных процессов, а также повышение уровня продуктивного интеллекта. Вместе с тем А. стал адекватно контролировать тревожность.

Однако отношение к противоправному поведению осталось прежним (по методике А. Н. Орла).

Итак, в данном случае у осужденного восстановилось эмоционально положительное отношение к образам родной природы, в частности, изменилось отношение к образам зимней природы: испытуемый стал эмоционально нейтрально относиться к ним. Согласно номотетическим результатам настоящего исследования, именно такие изменения могли обусловить снижение степени эмоционального торможения когнитивных процессов, повышение уровня продуктивного интеллекта, появление адекватного контроля тревожности, а также восстановление эмоционально положительного отношения к христианской заповеди «Не пожелай всего того, что есть у ближнего твоего».

Пример 3

Осужденный Г., возраст – 20 лет, родился и до ареста проживал в г. Северодвинске, отбывает наказание за разбойное нападение.

Результаты этнофункционального интервью показали, что осужденный Г. до участия в групповых занятиях формирующего эксперимента относил первые воспоминания о природе к 7 годам (позже оптимального периода). Он вспомнил образ «поляны в лесу» и испытал «*приятные чувства*». На момент обследования, наряду с образами животных ареала родной этносреды («*волка, медведя*»), Г. предпочитал образы экзотических животных – «*попугаев, пантер*». К тому же осужденный эмоционально отрицательно относился к об-

разам зимней природы (*«мне образы зимы не нравятся»*). Также Г. эмоционально негативно относился к соблюдению христианской заповеди «Не пожелай всего того, что есть у ближнего твоего» и считал, что *«завидовать можно»* (к соблюдению остальных заповедей осужденный относился положительно).

В процессе представления этноинтегрирующих образов природы (в состоянии мышечной релаксации) – дубравы, березовой рощи, зверобоя, медведя, волка и др. – осужденный Г. испытывал *«прилив сил», чувства свободы и радости*. Наиболее эмоционально насыщенным образом, представленным осужденным, был образ медведя: *«Лес, в нем много грибов, ягод, среди деревьев, кое-где покрытых мхом, огромный бурый медведь катается на спине и рычит»*. Во время представления данного образа Г. почувствовал *«огромную радость»* и *«мощный прилив сил»*.

По результатам этнофункционального интервью, после завершения цикла занятий испытуемый по-прежнему относил первые воспоминания о природе к 7 годам. Однако Г. стал относить к первым воспоминаниям более объемный, яркий, эмоционально насыщенный образ родной природы – *«озеро с каменистыми берегами, яркое солнце, играющее с росой на траве»* (испытуемый заметил, что этот образ ему *«больше приятен, чем образ поляны в лесу»*, вспомнившийся до формирующего эксперимента). Вместе с тем осужденный стал эмоционально положительно относиться к образам зимней природы (*«зима стала нравиться»*). В то же время он стал предпочитать только образы животных ареала родной этносреды – *«медведя, орла, лисы»* (на момент обследования). Кроме того, Г. стал эмоционально положительно относиться к христианской заповеди «Не пожелай всего того, что есть у ближнего твоего» и стал считать, что *«завидовать нельзя»*.

По результатам Роршах-диагностики, у осужденного не произошло никаких изменений эмоциональных и когнитивных характеристик личности.

Также осталась без изменений склонность к противоправному поведению (по методике А. Н. Орла).

Итак, произошло изменение зрительной модальности, увеличение объема, яркости-четкости, эмоциональной насыщенности первого в онтогенезе образа природы, а также восстановление эмоционально положительного отношения к образам родной природы, в частности, к образам зимней природы. Эти изменения, согласно результатам нашего номотетического исследования, могли обусловить восстановление эмоционально положительного отношения к христианской заповеди «Не пожелай всего того, что есть у ближнего твоего».

Пример 4

Осужденный А., возраст – 22 года, родился и проживает в г. Москве, отбывает наказание за разбойное нападение.

По результатам этнофункционального интервью, до участия в групповых занятиях формирующего эксперимента осужденный А. не помнил образы природы из детства. Кроме того, он эмоционально негативно относился к образам зимней природы (*«образы зимы мне не нравятся»*). В то же время А. эмоционально отрицательно относился к соблюдению заповедей Закона Божьего *«Не прелюбодействуй»* и *«Не лжесвидетельствуй»* и считал, что *«изменять и лгать жене можно в зависимости от обстоятельств»*.

В процессе представления (в состоянии мышечной релаксации) образов родной природы – дубравы, березовой рощи, тысячелистника и др. – осужденный А. испытывал *«прилив сил»*, спокойствие, расслабленность. Представляя образ *«маленькой березовой рощи с молодыми березками»*, А. почувствовал *«полное душевное равновесие»*. Однако осужденный не принимал активного участия в групповых обсуждениях и присутствовал только на половине занятий (по причине участия в исправительных работах).

Как показали результаты этнофункционального интервью после занятий, осужденный А. вспомнил первые образы природы, относящиеся к 11 годам, – образы *«яблоневого сада на даче»*, *«леса с озером»*. К данным образам А. отнесся эмоционально нейтрально (*«я не испытываю к ним никаких чувств»*). Изменилось в положительную сторону отношение осужденного к образам зимней природы: эмоционально негативное сменилось на эмоционально нейтральное (*«образы зимы мне безразличны»*). Отношения к соблюдению заповедей Закона Божьего осталось без изменений.

По результатам Роршах-диагностики, у осужденного А. повысился когнитивный контроль эмоциональности и тревожности.

Как показали результаты использования методики А. Н. Орла, у А. повысилась склонность к противоправному поведению.

После занятий у испытуемого актуализировались воспоминания о первых образах природы, а также стало более эмоционально положительным отношение к образам зимней природы, что, согласно результатам номотетического исследования, могло обусловить повышение качества когнитивного контроля эмоциональности и тревожности.

В то же время, как показали результаты использования методики А. Н. Орла, у А. повысилась склонность к противоправному поведению. Однако данное *«ухудшение»* могло являться следствием

отсутствия А. на половине занятий и его пассивным отношением к вербализации эмоций и их обсуждению в группе.

Возникновение у А. более адекватного контроля эмоций и тревоги является одним из условий положительных изменений и в нравственной сфере.

Пример 5

Осужденный А., возраст – 33 года, родился и проживает в г. Москве, отбывает наказание за нанесение тяжких телесных повреждений.

По результатам этнофункционального интервью, до участия в групповых занятиях формирующего эксперимента осужденный А. относил первые впечатления о природе к 6 годам (позже оптимального периода). Он вспомнил образы родной природы («лес, водоем, поле»), к которым испытывал «приятные чувства». На момент обследования А. предпочитал образы животных как среднерусской, так и экзотической природы. Кроме этого, осужденный эмоционально негативно относился к соблюдению христианской заповеди «Не лжесвидетельствуй» и считал, что «лгать можно в зависимости от обстоятельств» (к соблюдению остальных заповедей А. относился положительно).

На первом занятии в процессе представления (в состоянии мышечной релаксации) образа любимого уголка природы («поле с желтыми колосьями, птички поют, я ощущаю, как провожу рукой по колосьям») осужденный А. чувствовал «расслабление, спокойствие», однако «прилива сил» не испытал. На втором занятии А. представлял образ березовой рощи («березовый лес, шелестят листья на деревьях, на стволе от легкого дуновения трепещет тонкая белая кожа березки, почва в роще мягкая, заболоченная, поросшая мхом и папоротником») и испытывал «спокойное душевное состояние, радостное возбуждение». На третьем занятии осужденный отказался от группового обсуждения представленных образов ельника, соснового бора, медведя (в связи с проблемами в общении с другими участниками). На последующих занятиях при представлении образов волка, зверобоя, дикого кабана, бобра, выдры, зайца-русака и др. А. испытывал «радостный трепет», спокойствие и «прилив сил» (вместо обсуждения в группе представленных образов он описывал их на бумаге). На последнем занятии при «воплощении» в образ медведя осужденный почувствовал «огромный подъем сил», «вдохновение» и стал принимать активное участие в групповом обсуждении.

Как показали результаты этнофункционального интервью, в онтогенетическом аспекте образной сферы личности осужденного

не произошло никаких изменений. Однако А. стал предпочитать образы животных *только* среднерусского ландшафта. При этом не изменилось отношение к соблюдению заповедей Закона Божьего.

По результатам Роршах-диагностики, у осужденного *значительно* снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов.

Значительно снизилась также и склонность к противоправному поведению (по результатам использования методики А. Н. Орла).

Итак, в данном случае у осужденного восстановилось эмоционально положительное отношение к образам животных, что, согласно нашим номотетическим результатам, могло обусловить снижение степени эмоционального торможения когнитивных процессов и склонности к противоправному поведению.

Пример 6

Осужденный А., возраст – 29 лет, родился и до ареста проживал в Саратовской области (г. Аркадак), отбывает наказание за разбойное нападение.

По результатам этнофункционального интервью, до участия в групповых занятиях формирующего эксперимента у осужденного А. первыми образами природы являлись образы «яблонь, берез, черемухи», которые он помнил «с детства» и испытывал к ним «приятные чувства». К соблюдению христианской заповеди «Не убий» А. относился эмоционально отрицательно и считал, что «убивать можно, если это не противоречит закону».

На первом занятии по заданию ведущего осужденный представлял (в состоянии мышечной релаксации) образ любимого уголка природы – «сосновый лес, шумят деревья, чистый воздух», при этом он испытывал «прилив сил». Однако чувства, связанные с данным образом, вербализовать не смог.

На последующих занятиях при представлении образов осинника, зверобоя, тысячелистника, волка, дикого кабана, бобра, рыжей лисицы, зайца-русака и др. осужденный испытывал «любопытство», «хорошие чувства», «прилив сил». С вербализацией чувств у А. возникали затруднения.

На восьмом занятии при представлении образа цветка Иванда-Марья осужденный «вспомнил, как в десять лет с товарищем собирал шмелей с цветков Иванда-Марьи, отовсюду разносился гул их крылышек» и ему «стало радостно и немного грустно». Данный случай – единичный, когда А. сумел вербализовать (осознать) свои чувства.

После прохождения цикла занятий А. указал, к какому именно возрасту относятся воспоминания о первых образах природы – к 6 годам. По результатам Роршах-диагностики, у испытуемого произошло значительное снижение тревожности, а также степени эмоционального торможения когнитивных процессов. Повысился уровень продуктивного (творческого) мышления, произошло восстановление эмоционально положительного отношения к образам родной природы. Это было обусловлено в том числе и изменениями в образной сфере его личности.

Однако склонность к противоправному поведению осталась без изменений (по результатам применения методики А. Н. Орла).

Таким образом, в данном случае у испытуемого экспериментальной группы произошли положительные изменения эмоциональной и когнитивной характеристик его личности. Однако не изменилось его отношение к заповедям и праву, т. е. не произошло изменений в нравственной сфере личности. Данный факт может объясняться тем, что осужденный А. испытывал значительные трудности при вербализации чувств, связанных с образами родной природы. Мы полагаем, что вербализация чувств и моторное «воплощение» в этноинтегрирующий образ природы способствует гармонизации эмоциональной, когнитивной, а также поведенческой сторон личности, что является «фундаментом для нравственного вызревания».

Пример 7

Осужденный Ю., возраст – 32 года, родился и проживает в г. Москве, отбывает наказание за воровство и разбойное нападение.

Этнофункциональное интервью показало, что осужденный относит первые впечатления о природе к 5 годам. Он вспомнил образы «снега, пчел, мух, тополиного пуха», к которым эмоционально положительно относился («мне приятно их вспоминать»). Однако данные образы являются «разнородными» и не составляют «целостной картины» родной природы. Помимо этого, осужденный эмоционально негативно относился к соблюдению заповедей Закона Божьего «Не убий» и «Не лжесвидетельствуй» и считал, что «убивать и лгать можно в зависимости от разных обстоятельств».

На первом занятии в процессе представления (в состоянии мышечной релаксации) образа березовой рощи («бесконечная березовая роща, поют птицы, вдали виднеется радуга») осужденный Ю. испытал «тревогу», а также «сожаление о том, что в данный момент вынужден жить в изоляции от природы».

Второе занятие испытуемый пропустил, а на последующих занятиях Ю. перестал активно участвовать в групповых обсуждениях, попросил, чтобы его «оставили в покое» (он выглядел замкнутым, «погруженным в себя»). При представлении образов бобра («водоем в лесу, вокруг него бобры, слышен треск древесины») и выдры («сумерки, водоем, поляна, рыбалка, заросли вдоль берега, выдра, костер») осужденный испытал «прилив сил», однако вербализовать чувства отказался.

В процессе «воплощения» в образ дуба Ю. испытал «мощный подъем сил», «на душе стало спокойно и радостно».

По результатам этнофункционального интервью, после проведения формирующего эксперимента первый образ природы в онтогенезе личности осужденного стал более «целостным» («летний пейзаж, кругом тополиный пух и одуванчики»).

Отношение к заповедям у испытуемого не изменилось.

По результатам Роршах-диагностики, у осужденного снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов, также произошло значительное снижение уровня тревожности.

Как показывают результаты применения методики А. Н. Орла, у осужденного несколько повысилась склонность к противоправному поведению.

Итак, в приведенном примере первый образ родной природы в онтогенезе стал более объемным (целостным), вместе с тем, произошло восстановление эмоционально положительного отношения к образам родной природы. Эти изменения, согласно результатам настоящего номотетического исследования, могли обусловить снижение степени эмоционального торможения когнитивных процессов, а также уровня тревожности.

На основе описания данного примера мы полагаем, что в процессе занятий у осужденного Ю. обострились переживания, связанные с его психологическими проблемами. Данные проблемы, возможно, были вызваны, по словам испытуемого, «изоляцией от природы». Согласно принципу отношений В. Н. Мясищева, обострение переживания одних отношений (переживание оторванности от природы) могло вызвать обострение и других отношений. Отсутствие конструктивных изменений в отношении испытуемого к заповедям, на наш взгляд, объясняется тем, что на большинстве занятий он активно не участвовал в работе – отказывался вербализовать свои переживания по отношению к образам природы и т. п. В связи с этим изменения его индивидуально-психологических характеристик произошли в относительно меньшей, по сравнению с другими испытуемыми, мере.

Пример 8

Осужденный И., возраст – 26 лет, родился и проживает в г. Москве, отбывает наказание за нанесение телесных повреждений средней степени тяжести и хулиганство. В отличие от большинства осужденных данной группы, И. не курит. Это свидетельствует о том, что И. контролирует свою тревожность, не прибегая к «психоактивной помощи» табака.

По результатам этнофункционального интервью, до участия в групповых занятиях формирующего эксперимента у осужденного И. отсутствовали впечатления о природе в детских воспоминаниях. Кроме того, И. эмоционально отрицательно относился к соблюдению заповеди «Не лжесвидетельствуй» и считал, что *«лгать можно в зависимости от разных обстоятельств»* (остальные заповеди, по мнению осужденного, необходимо соблюдать).

На первом занятии при представлении (в состоянии мышечной релаксации) образов любимого уголка природы (*«большое озеро посреди леса»*), а также *«дремучего соснового леса»* И. почувствовал спокойствие, однако *«прилива сил»* не испытал.

На последующих занятиях, представляя образы березовой рощи (*«такие высокие деревья, что даже листьев не видно, а только слышно, как ветер слегка покачивает ими»*), ельника (*«летний лес, в котором много темно-зеленых елок»*), соснового бора (*«на опушке смешанного леса виднеются 5 маленьких сосенок, а среди них 2 гриба-боровика, отовсюду раздаются голоса птичек и стрекотание кузнечиков»*), волка (*«зимний лес, одетый в снежный наряд, между деревьев крадется серо-белый волк»*) и др., осужденный испытывал *«прилив сил», «ностальгию по детству», чувства «радости, свободы и умиротворения».*

На протяжении всех занятий И. принимал живое участие в групповых обсуждениях, рассказывал группе о своих переживаниях, связанных с лишением свободы. На одном из занятий осужденный вербализовал чувство тоски по родной природе.

Как показывают результаты этнофункционального интервью, после прохождения цикла занятий осужденный вспомнил первый образ природы, относящийся к 7 годам (*«поляна, а рядом березки»*). Данный образ вызвал у него чувство радости. Кроме того, у испытуемого восстановилось эмоционально положительное отношение к соблюдению христианской заповеди «Не лжесвидетельствуй», он стал считать, что *«лгать нельзя ни при каких обстоятельствах (когда нельзя сказать правду, лучше промолчать)».*

По результатам Роршах-диагностики у И. значительно снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов

и вместе с тем повысился уровень когнитивного контроля эмоциональности. Снизилась склонность к противоправному поведению (по методике А. Н. Орла).

В описанном примере у испытуемого актуализировались воспоминания о первых образах природы, к которым он отнесся эмоционально положительно. В то же время восстановилось и эмоционально положительное отношение к образам родной природы. Данные изменения, в соответствии с результатами настоящего номотетического исследования, могли обусловить снижение степени эмоционального торможения когнитивных процессов, повышение уровня когнитивного контроля эмоциональности, а также снижение склонности к противоправному поведению.

Пример 9

Осужденный Ю., возраст – 31 год, родился в Одесской области (г. Болград), в 7 лет переехал на север, до ареста проживал в Тверской области, отбывает наказание за нанесение тяжких телесных повреждений.

По результатам этнофункционального интервью, осужденный до начала занятий относил первое воспоминание о природе к 7 годам. Он вспомнил *этнодифференцирующий* образ природы севера («чистые озера и реки»), к которому испытывал «приятные» чувства. Помимо этого, Ю. эмоционально негативно относился к соблюдению заповедей Закона Божьего «Не сотвори себе кумира», «Не прелюбодействуй», «Не лжесвидетельствуй», «Не пожелай всего того, что есть у ближнего твоего» и считал, что «нужно поклоняться не Богу, а природе», а также что «изменять жене, лгать и завидовать можно в зависимости от разных обстоятельств».

На первом занятии в процессе представления (в состоянии мышечной релаксации) образов любимого уголка природы («сопки, карликовые березки, чистые северные озера») и дремучего леса («северный пейзаж: ель, сосна, береза, представил, что валю деревья на делянке») осужденный не испытал никаких чувств, вероятно, в связи с тем, что представленные образы не относились к образам родной этносреды.

На втором занятии, когда ведущий дал задание представить образ дубравы, осужденный вспомнил образ родной природы – «великий пушкинский дуб», отнеся его к возрасту 4 года, и испытал чувства радости, спокойствия и прилив сил. Вместе с тем, у Ю. актуализировались образы «из далекого детства», связанные с родной этносредой.

На последующих занятиях при представлении образов березовой рощи, медведя («большая просека, заросшая малинником, где

медведица с медвежатами лакомятся ягодками»), зверобоя и др. осужденный испытывал *«прилив сил»*, чувство радости.

После прохождения всего цикла занятий осужденный стал эмоционально положительно относиться к соблюдению заповедей Закона Божьего *«Не сотвори себе кумира»* и *«Не прелюбодействуй»* и считать, что *«поклоняться чему-либо и кому-либо больше, чем Богу, нельзя»* и что *«измена в браке недопустима»*.

По результатам Роршах-диагностики, у осужденного повысилось качество репродуктивного интеллекта, а также несколько снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов. Тот факт, что осужденный Ю. стал меньше курить (вместо 40–50 – 30 сигарет в день) свидетельствует об уменьшении уровня тревожности.

Как показывают результаты применения методики А. Н. Орла, склонность осужденного к противоправному поведению осталась без достоверных изменений: до эксперимента значение шкалы склонности к противоправному поведению составляло 5 баллов из 20 возможных, после эксперимента – 4 балла.

Итак, в данном случае у осужденного актуализировались более ранние воспоминания о первых образах родной природы (они стали относиться к оптимальному возрастному периоду), а также восстановилось эмоционально положительное отношение к этноинтегрирующим образам природы. Приведенные изменения могли обусловить изменение таких индивидуально-психологических особенностей, как снижение эмоционального торможения когнитивных процессов, уровня тревожности. Вместе с тем, восстановилось и эмоционально положительное отношение к заповедям *«Не сотвори себе кумира»*, *«Не прелюбодействуй»*.

Пример 10

Осужденный А., возраст – 26 лет, родился и до ареста проживал в Алтайском крае, отбывает наказание за разбойное нападение (ранее был осужден за воровство).

Как показали результаты этнофункционального интервью, свое первое впечатление о природе осужденный до начала занятий относил к 9 годам (позже оптимального периода). Он вспомнил, как *«летом выпал крупный град и побил листья на деревьях»*. От этого воспоминания А. испытывал *чувство радости*. К соблюдению таких заповедей Закона Божьего, как *«Не убий»*, *«Не прелюбодействуй»*, *«Не лжесвидетельствуй»*, *«Не пожелай всего того, что есть у ближнего твоего»* осужденный относился эмоционально негативно. Он

считал, что *«убивать, изменять жене, лгать, завидовать можно при определенных обстоятельствах»*.

До начала психокоррекции по результатам Роршах-диагностики у осужденного были выявлены демонстративные черты характера.

На одном из занятий осужденный представлял (в состоянии мышечной релаксации) образ осинника: *«осенний лес, осины покрыты красными листьями, я иду по дорожке, уложенной листопадом»*. В процессе представления данного образа А. испытывал печаль, переживал *«разлуку с домом», упадок сил*. В групповом обсуждении выяснилось, что осужденный чувствует *«оторванность от дома, родного края»*, а представленный образ *«обострил»* эти переживания.

На последующих занятиях во время представления образов соснового бора (*«высокие сосны, вблизи протекает речка»*), выдры (*«лесное озеро, запах соленой воды, на противоположном берегу виднеется силуэт выдры»*), подорожника и др. осужденный испытал *«прилив сил», чувства спокойствия и радости*. Вместе с тем, он вспомнил *«о забытых хороших днях дома»*, что усилило чувство радости.

По результатам этнофункционального интервью, после прохождения цикла занятий осужденный стал относить первое воспоминание о природе к более раннему возрасту – к 4 годам (к оптимальному возрастному периоду). Кроме этого, у А. изменилось отношение к христианской заповеди «Не укради»: он стал относиться к ней эмоционально отрицательно и считать, что *«красть при определенных обстоятельствах можно»*.

По результатам Роршах-диагностики, у А. снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов, значительно снизилась тревожность, а также повысились уровень когнитивного контроля эмоциональности и уровень продуктивного (творческого) мышления.

По результатам применения методики А. Н. Орла, склонность осужденного к противоправному поведению не изменилась.

Итак, у осужденного актуализировались более ранние воспоминания о первых образах природы, относящихся к оптимальному возрастному периоду, отношение к образам родной природы стало более эмоционально насыщенным. Данные изменения могли обусловить, согласно нашим номотетическим исследованиям, снижение степени эмоционального торможения когнитивных процессов, тревожности, повысились уровень когнитивного контроля эмоциональности и уровень творческого мышления.

Помимо этого, у испытуемого возникло негативное отношение к заповеди «Не укради», что может объясняться наличием демонст-

ративных черт характера. Демонстрация негативного отношения к данной заповеди обусловлена, вероятно, стремлением осужденного привлечь к себе внимание.

Пример 11

Осужденный И., возраст – 24 года, родился и проживает в г. Москве, отбывает наказание за нанесение тяжких телесных повреждений.

Как показывает этнофункциональное интервью, осужденный относил первое воспоминание о природе к 6 годам (позже оптимального возрастного периода). Он вспомнил образ реки («лед на реке треснул, и я пошел под воду»), по отношению к которому испытывал *тревогу и страх*.

Вместе с тем, И. относил появление сказочных образов к 7 годам (позже оптимального периода). Он вспомнил образы из русских народных сказок – *Бабы-Яги и Кошечья Бессмертного*.

Переживания, связанные с представлением о грехе, появились в онтогенезе личности осужденного после 9 лет (позже оптимального возрастного периода), а переживания, связанные с представлением о справедливости, вовсе отсутствовали.

Осужденный эмоционально негативно относился к соблюдению таких заповедей Закона Божьего, как «Не убий», «Не укради», «Не лжесвидетельствуй». Он считал, что «убивать, красть и лгать можно при определенных обстоятельствах».

На первом занятии в процессе представления (в состоянии мышечной релаксации) образа дремучего леса И. почувствовал *страх*. Активно участвуя в групповом обсуждении, он вспомнил впечатление о первом образе природы (образе реки), с которым также было связано чувство страха. У осужденного актуализировалось эмоциональное переживание этого образа.

На последующих занятиях при представлении образов дубравы («большие высокие деревья, зеленая трава»), осинника («лес, посреди него небольшая полянка»), зверобоя, рыжей лисицы, зайца-русака и др. осужденный испытывал «*прилив сил*», чувства *спокойствия и радости*.

По результатам этнофункционального интервью, после прохождения цикла занятий И. стал относить воспоминание о первом образе природы к 4 годам (в оптимальный возрастной период). Кроме того, данный образ природы стал более объемным: образ реки «превратился» в образ *реки в лесу*, при этом осужденный испытывал чувство *радости*.

В то же время И. вспомнил более ранние образы из русских народных сказок (*колобка, петушка, репки* и др.), относящиеся к 4 годам (к оптимальному возрастному периоду).

Кроме того, осужденный стал вспоминать первые переживания, связанные с представлением о справедливости, относящиеся к 8 годам (в оптимальный возрастной период).

Однако отношение к соблюдению заповедей Закона Божьего у осужденного осталось без изменений.

По результатам Роршах-диагностики, у И. значительно снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов, повысился уровень репродуктивного и продуктивного (творческого) мышления. Также у него повысился уровень когнитивного контроля эмоциональности.

По результатам применения методики А. Н. Орла, у осужденного произошло снижение склонности к противоправному поведению.

Отсутствие изменений в отношениях к соблюдению заповедей Закона Божьего в данном случае может объясняться «задержкой» природной, сказочно-мифологической, а также религиозно-этической стадий развития личности осужденного. Более позднее, чем в оптимальный возрастной период, прохождение природной и сказочно-мифологической стадий обуславливает нарушение в становлении религиозно-этической основы личности. В связи с этим у личности затруднено восстановление эмоционально положительного отношения к заповедям.

Пример 12

Осужденный М., возраст – 23 года, родился и проживает в г. Москве, отбывает наказание за разбойное нападение.

По результатам этнофункционального интервью, до участия в групповых занятиях формирующего эксперимента у осужденного М. отсутствовали образы природы в раннем онтогенезе. В то же время М. эмоционально отрицательно относился к соблюдению заповедей Закона Божьего «Не лжесвидетельствуй» и «Не пожелай всего того, что есть у ближнего твоего». Он считал, что *«лгать и завидовать можно при определенных обстоятельствах»*.

На первом занятии испытуемому не удалось представить (в состоянии мышечной релаксации) предложенный ведущим образ дремучего леса. При представлении образа любимого уголка природы (*«лес: ели, сосны»*) М. не испытал никаких чувств.

На последующих занятиях при представлении образов дубравы (*«300-летний дуб, я почувствовал прикосновение к нему»*), березовой

рощи («березовая опушка»), дикого кабана («зеленый густой лес, по середине него болото, возле которого паслись кабаны») осужденный также не испытал никаких чувств. М. не проявлял интереса к занятиям, в групповом обсуждении активного участия не принимал.

В процессе представления образов пшеницы («пшеничное поле, а вокруг него лес»), ржи («поле, засеянное рожью, вокруг него лес»), ячменя («поле, засеянное ячменем, вокруг него лес») осужденный испытал «прилив сил», однако вербализовать чувства по отношению к данным образам не смог.

По результатам этнофункционального интервью, после прохождения цикла занятий испытуемый вспомнил первое впечатление о природе, относящееся к 7–8 годам (позже оптимального периода). Он вспомнил образ «озера в лесу», к которому не испытывал никаких чувств («для меня этот образ безразличен»). Однако осужденный стал эмоционально положительно относиться к христианской заповеди «Не лжесвидетельствуй» и считать, что «лжесвидетельствовать нельзя ни при каких обстоятельствах, нужно всегда говорить только правду».

По результатам Роршах-диагностики, у М. снизилась степень эмоционального торможения когнитивных процессов.

Результаты использования методики А. Н. Орла показали, что склонность к противоправному поведению у осужденного не изменилась.

Согласно нашим номотетическим исследованиям, описанные этнофункциональные изменения в образной сфере личности могли обусловить снижение эмоционального торможения когнитивных процессов и восстановление эмоционально положительного отношения к христианской заповеди «Не лжесвидетельствуй». Отсутствие снижения склонности к противоправному поведению в данном случае может объясняться недостаточной активностью и отсутствием интереса у испытуемого к занятиям, а также трудностями вербализации чувств по отношению к представленным образам.

Пример 13

Осужденный А., возраст – 33 года, родился и проживает в г. Москве, отбывает наказание за разбойное нападение. По данным личного дела, испытуемый страдает эпилепсией.

По результатам этнофункционального интервью, до начала занятий осужденный относил первые образы природы к 6–7 годам (позже оптимального возрастного периода). Он вспомнил образы «деревни, леса, пруда», к которым эмоционально положительно

относился («*мне приятно их вспоминать*»). Вместе с тем, испытываемый эмоционально отрицательно относился к соблюдению христианской заповеди «Не пожелай всего того, что есть у ближнего твоего» и считал, что «*завидовать можно*» (к остальным заповедям А. относился эмоционально положительно).

На первом занятии в процессе представления образа любимого уголка природы («*полянка в березовой роще*») испытываемый не испытывал никаких чувств. На протяжении всех занятий А. был замкнутым, малообщительным, на вопросы психолога отвечал неохотно, в групповом обсуждении никакого участия не принимал.

На втором занятии при представлении образа «дубравы» («*большие раскидистые кроны деревьев*») и «березовой рощи» («*под каждой березкой гриб растет – подберезовик*») А. испытывал «*прилив сил*», а также чувство «*успокоения*». К нему пришли «*приятные воспоминания из детства*», однако он отказался от их подробного описания и вербализации чувств.

На третьем занятии испытываемый не выполнял задания, предложенные психологом, а на четвертом вовсе отсутствовал.

На пятом занятии при представлении образа дикого кабана («*небольшое болотистое место в лесу, по нему гуляет кабан с семейкой, маленькие кабанята резвятся*») А. никаких чувств не испытывал. Однако при представлении образа бобра он испытывал «*прилив сил*» и успокоение.

На седьмом занятии, как и на третьем, осужденный отказался принимать участие в группе.

На восьмом занятии в процессе представления образов тысячелистника («*летнее поле, разнотравье, пчелки летают*»), Иван-да-Марья А. испытывал «*прилив сил*».

По результатам этнофункционального интервью, у испытуемого не произошло никаких изменений в воспоминаниях о первых образах природы. Они также относились к возрасту, более позднему, чем оптимальный, и вызывали «*приятные чувства*». Отношение к христианским заповедям также осталось без изменений.

Как показывает Роршах-диагностика, у осужденного улучшился когнитивный контроль эмоциональности и, вместе с тем, повысилась потребность в общении. Наблюдение за поведением испытуемого свидетельствует о том, что он стал гораздо более общительным после занятий.

Однако результаты применения методики А. Н. Орла показали повышение склонности к делинквентному поведению у испытуемого.

Итак, восстановление эмоционально насыщенных образов родной природы в образной сфере личности испытуемого, согласно

результатам номотетического исследования, могло обусловить повышение когнитивного контроля эмоциональности и повышение потребности в общении. Отсутствие же изменений в образной сфере личности и в ее отношениях к христианским заповедям, а также повышение склонности к делинквентному поведению может объясняться тем, что испытуемый А. не проявлял активности на занятиях, был замкнут, «уходил» от общения. Данные результаты могут быть обусловлены и наличием органического поражения головного мозга, которым характеризуется эпилепсия.

Пример 14

Осужденный А., возраст – 22 года, родился и проживает в г. Москве, отбывает наказание за нанесение телесных повреждений средней степени тяжести.

Как показывают результаты этнофункционального интервью, до участия в групповых занятиях испытуемый вспомнил первые образы природы (*«яблоневый сад, большое озеро, речка»*), относящиеся к 7 годам. К данным воспоминаниям осужденный эмоционально положительно относился (*«это хорошие воспоминания из детства»*). На момент обследования А. предпочитал образы животных и растений среднерусского ландшафта, а также, наряду с традиционными, экзотические продукты питания. Помимо этого, осужденный эмоционально отрицательно относился к соблюдению христианской заповеди «Не лжесвидетельствуй» и считал, что *«лгать можно в зависимости от обстоятельств»* (к другим заповедям А. относился эмоционально положительно).

На первом занятии в процессе представления в состоянии мышечной релаксации любимого уголка природы (*«яблоневый сад в деревне, от него большая тропинка до речки, которая идет в густом еловом лесу, ветер шумит кронами деревьев»*) испытуемый почувствовал «расслабление», однако «прилива сил» не испытал. На занятиях А. не принимал активного участия в групповых обсуждениях. Вместе с тем осужденный отсутствовал на половине занятий в связи с большой занятостью.

Во время представления дубовой рощи (*«ярко-зеленый лес, высокие дубы»*), березовой рощи (*«светлый березовый лес, небольшой ветерок играет листочками, слышится пение птиц, под березками растут грибочки, рядом с ними – земляника»*), соснового бора (*«начало осени в сосновом бору, ощущается запах хвои»*), бобра (*«солнечная осень в маленьком лесочке, в нем большой пруд, в котором трудится семья бобров»*) А. испытывал «прилив сил», «чувство свободы»,

радость, спокойствие, «расслабление», подчеркивал свое «отличное самочувствие».

По результатам этнофункционального интервью, онтогенетические характеристики образной сферы личности осужденного не изменились. Однако произошли изменения пространственных характеристик образной сферы: осужденный стал предпочитать только этноинтегрирующие продукты питания. Вместе с тем в пространственном аспекте образной сферы личности испытуемого появился экзотический образ (*попугай*).

Отношение к заповедям у испытуемого не изменилось.

По результатам применения методики А. Н. Орла, склонность к делинквентному поведению также осталась без изменений. По результатам Роршах-диагностики, у осужденного значительно снизилась степень эмоционального торможения мышления.

Итак, у испытуемого произошло восстановление эмоционально положительного отношения к образам родной природы, что, в соответствии с результатами номотетического исследования, могло обусловить снижение эмоционального торможения когнитивных процессов. Отсутствие же изменений в онтогенетическом аспекте образной сферы личности, в отношении к заповедям, устойчивая склонность к делинквентному поведению, а также появление предпочтения образа экзотической птицы можно объяснить недостаточным психокоррекционным воздействием. А. посетил только треть всех занятий и был пассивен во время групповых обсуждений результатов вербализации испытуемыми своих эмоций, т. е. воздействие на испытуемого криминальной субкультуры, по сравнению с коррекционными занятиями, было более выраженным.

Литература

- Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Аверин В. А. Психология личности. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999.
- Авцын А. П. Введение в географическую патологию. М.: Медицина, 1972.
- Айзенк Г. Дж. Сорок лет спустя: новый взгляд на проблемы эффективности в психотерапии // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 3–19.
- Александров А. А. Современная психотерапия. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997.
- Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2002.
- Аминов И. И. Юридическая психология. М.: Юнити, 2009.
- Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. М.: АПН РСФСР, 1960.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М.: Наука, 2000.
- Ананьев О. Г. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений. Рязань: Академия ФСИН России, 2011.
- Анисимов С. Ф. Мораль и поведение. М.: Мысль, 1985.
- Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н. Личность корыстного преступника. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989.
- Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996.
- Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.
- Белобородов А. Г. Образ права как смысловой уровень правового сознания и его особенности у преступников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
- Белый Б. И. Динамика зрительной перцепции по методу Роршаха у дошкольников // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 103–107.
- Белый Б. И. Особенности зрительной перцепции у детей 8–12 лет // Вопросы психологии. 1982. № 6. С. 111–115.

- Белый Б. И.* Тест Роршаха. Практика и теория. СПб.: Дорваль, 1992.
- Береговой Г. Т., Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А.* Экспериментально-психологические исследования в авиации и космонавтике. М.: Наука, 1978.
- Беспалько И. Г., Раева М. Н.* О применении метода Роршаха в изучении возрастных особенностей психического развития // Медико-психологические аспекты реабилитации детей с психическими заболеваниями. Л.: Медицина, 1978. С. 22–23.
- Битянова М. Р.* Система развивающей работы школьного психолога: Курс лекций. Лекция седьмая. Психологический тренинг как форма развивающей работы // Школьный психолог. 2004. № 46. С. 17–25.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986.
- Бовин Б. Г., Кокурин А. В., Мокрецов А. И.* Психологические аспекты изучения личности осужденного // Преступление и наказание. 2004. № 9. С. 16.
- Бовкунова Н. В.* Использование методов арт-терапии в психокоррекционной работе с несовершеннолетними осужденными женского пола // Организация и проведение психологической работы в учреждениях и органах ФСИН России: Сборник материалов Центрального координационного совета по психологическому обеспечению деятельности учреждений и органов ФСИН России (Вологда, 13–15 декабря 2006 г.). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. С. 142–149.
- Богорев Н. В.* Влияние уголовной субкультуры на духовное развитие нации в современной России // Преступность и духовность / Отв. ред. А. И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 140–144.
- Бодалев А. А.* Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Божович Л. И.* Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2001.
- Бойко Е. И.* Механизмы умственной деятельности. М.: Педагогика, 1976.
- Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006.
- Борисова С. Е.* Психология личности преступника. Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2008.
- Бухарева С. Л.* Особенности формирования этнической идентичности у подростков в этнически ориентированных учебных центрах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.

- Быков С. В. Диагностика локуса контроля личности в асоциальных подростковых группах // Психологический журнал. 2004. № 3. С. 34–43.
- Василец Т. Б. Невозможно жить с мужем // Символдрама. Сб. науч. трудов Е. К. Агеенковой, Т. Б. Василец, И. Е. Винова и др. Минск: Европейский гуманитарный университет, 2001. С. 336–345.
- Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2005.
- Васильева Ю. А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 58–78.
- Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Васкэ Е. В. Эволюция преступности несовершеннолетних в России: Психолого-правовой анализ. М.: Генезис, 2009.
- Вачков И. В. Любимые и нелюбимые сказки // Школьный психолог. 2002. № 10. С. 16.
- Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Вербицкий Е. В. Психофизиология тревожности. Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2003.
- Вертоградова О. П., Войцех В. Ф., Волошин В. М. и др. Психопатологические критерии диагностики депрессий: Методические рекомендации. М.: Минздрав СССР, 1980.
- Ветошкин С. А. Пенитенциарная педагогика в теории и практике: Монография. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2001.
- Волков Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения. М.: Изд-во РУДН, 2004.
- Воронцова М. В., Дубровская Т. А. Профилактика и коррекция девиантного и делинквентного поведения современных подростков. Таганрог: РГСУ, 2009.
- Вундт В. Очерк психологии. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1897.
- Выготский Л. С. Инструментальный метод в психологии // Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 107.
- Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М.: Педагогика, 1960.
- Выдрина Е. А. Этнофункциональный аспект возникновения легкой умственной отсталости у дошкольников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Галич Т. В. Когнитивно-поведенческая программа по коррекции криминально значимых свойств личности несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы //

Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: Материалы международной научно-практической конференции. Организация психологической работы с несовершеннолетними осужденными. М.: НИИ ФСИН России, 2008. Ч. 2. С. 8–11.

Ганзен В. А. Системный анализ мышления // Вестник ЛГУ. 1990. Сер. 6. Вып. 1. №6. С. 27–39.

Голд Дж. Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990.

Горбунов В. А. Исправительная педагогика. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005.

Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Грачев В. С. Этнофункциональный аспект развития образной сферы личности у подростков, склонных к делинквентному поведению // Мир психологии. 2009. №3 (59). С. 139–145.

Гулевич О. А. Психологические аспекты юриспруденции. М.: МПСИ, 2006.

Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993.

Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005.

Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. М.: Изд-во МГУ, 1974.

Давыдов Ю. Н. Идиографический метод. Кризисное сознание. Нометический метод // Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990. С. 111–113, 143–144, 227–228.

Дебольский М. Г. Проведение социально-психологических тренингов в уголовно-исполнительной системе // Научно-методические основы оказания психологической помощи осужденным. М.: Права человека, 2001. С. 76–87.

Дерябо С. Д. Феномен субъективизации природных объектов: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002.

Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии // Психологический журнал. 1996. Т. 17. №6. С. 101.

Дорошенко И. С., Панова О. Б., Фетисова Н. Е. Формирование эмпатийного поведения у осужденных за насильственные преступления: Практические рекомендации. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012.

Дубягина О. П. Криминологическая характеристика средств коммуникации криминальной среды // Преступность и духовность. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 144–152.

- Дудецкий А. Я.* Психология воображения (фантазии) / А. Я. Дудецкий, Е. А. Лустина. М.–Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного ун-та, 1997.
- Душков Б. А.* География и психология: подход к проблемам. М.: Мысль, 1987.
- Дьяконова Р. С.* Изучение механизмов психологической защиты в контексте оптимизации воспитательного воздействия на осужденных и коррекции их поведения // Организация и проведение психологической работы в учреждениях и органах ФСИН России: Сборник материалов Центрального координационного совета по психологическому обеспечению деятельности учреждений и органов ФСИН России (Вологда, 13–15 декабря 2006 г.). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. С. 128–141.
- Еникеев М. И.* Энциклопедия: Юридическая психология. М.: Приор, 2001.
- Еникеев М. И.* Юридическая психология: С основами общей и социальной психологии. М.: Норма–Инфра-М, 2012.
- Ениколопов С. Н.* Агрессия и агрессивность насильственных преступников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.
- Ермолаев О. Ю.* Математическая статистика для психологов. М.: МПСИ–Флинта, 2002.
- Ефимов Г. В.* Ихэцюань // Большая советская энциклопедия. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 59.
- Жамкочьян М. С.* О связях характеристик интеллекта (по методике Д. Векслера) с направленностью личности на себя и на группу (по 16-факторному опроснику Р. Кеттелла): Дипломная работа. Л.: ЛГУ, 1973.
- Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А.* Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986.
- Зеньковский В. В.* Психология детства. Екатеринбург: Деловая книга, 1995.
- Зинченко В. П., Вергилес Н. Ю.* Формирование зрительного образа (Исследование деятельности зрительной системы). М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Змановская Е. В.* Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. М.: ИЦ «Академия», 2008.
- Ибрагимова М.* Воспитание у детей заботливого отношения к животным // Дошкольное воспитание. 1993. № 1. С. 31–34.
- Ильин Е. П.* Психология воли. СПб.: Питер, 2000.
- Иншаков С. М.* Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования. URL: <http://sartraccs.ru> (дата обращения: 23.02.2013).

- Исправительная (пенитенциарная) педагогика / Под ред. А. И. Зубкова, М. П. Стуровой. Рязань: РВШ МВД РФ, 1993.
- Истомин И. А.* Система ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2011.
- Карона Г. Н.* К созданию методики экологического образования школьников // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 69–73.
- Карпунин Ю. А.* Методы психологической коррекции поведения несовершеннолетних осужденных группы риска, используемые в Шаховской ВК УФСИН России по Орловской области // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: Материалы международной научно-практической конференции. Организация психологической работы с несовершеннолетними осужденными. М.: НИИ ФСИН России, 2008. Ч. 2. С. 26–29.
- Каштымова О. А.* Методы психокоррекции поведения несовершеннолетних осужденных группы риска // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: Материалы международной научно-практической конференции. М.: НИИ ФСИН России, 2008. Ч. 2. С. 39–43.
- Ковалев А. Г.* Психологические основы исправления правонарушителей. М.: Юридическая литература, 1968.
- Ковалевский П. И.* Психология преступника (по русской литературе о каторге). СПб.: Издание «Русского Медицинского вестника», 1990.
- Козлов В. И.* Этнос // Этнические и этносоциальные категории. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 6. С. 151–153.
- Колесникова Н. Е.* Социально-психологическая ресоциализация осужденных-мужчин в исправительном учреждении: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.
- Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Кононова Л. И.* Психологическая коррекция эмоционального состояния несовершеннолетних осужденных, имеющих трудности в социальной адаптации // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: Материалы международной научно-практической конференции. Организация психологической работы с несовершеннолетними осужденными. М.: НИИ ФСИН России, 2008. Ч. 2. С. 44–50.
- Коробейников С. И.* Психологическая коррекция агрессивного поведения несовершеннолетних осужденных подростков // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России:

- Материалы международной научно-практической конференции. М.: НИИ ФСИН России, 2008. Ч. 2. С. 51–59.
- Косарев В. Н.* Личность преступника. Механизм преступного поведения. Пути и средства предупреждения преступности. Волгоград: Станица-2, 2007.
- Котова Э. П.* Ригидность и ее роль в формировании механизмов преступного поведения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1980.
- Кошель А.* Закон, преступление, исправление: взгляд священника // Преступность и духовность. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 111–115.
- Криминальная мотивация* / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1986.
- Кудрявцев В. Н.* Генезис преступления: Опыт криминологического моделирования. М.: Инфра-М–Форум, 1998.
- Кудрявцев И. Ф., Семенова О. Ф.* Смысловая сфера несовершеннолетних с психическими расстройствами, совершивших насильственные преступления // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 54–62.
- Кузнецова Л. А.* Опыт психокоррекционной работы с осужденными, требующими повышенного контроля // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: Материалы международной научно-практической конференции. М.: НИИ ФСИН России, 2008. Ч. 2. С. 73–78.
- Кутепова М. В., Мальцева Т. В.* Личность преступника в отечественной психологии. Руза: МОФ МосУ МВД России, 2007.
- Лазурский А. Ф.* Избранные труды по психологии. М.: Наука, 1997.
- Лазурский А. Ф., Франк С. Л.* Программа исследования личности в ее отношениях к среде // Русская школа. 1912. Книга 1. Январь. С. 1–24. Книга 2. Февраль. С. 1–17.
- Лапшина Т. Ю.* Психологические особенности переживания одиночества у лиц, находящихся в условиях групповой (тюремной) изоляции: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д, 2007.
- Левченко Е. В.* История и теория психологии отношений. СПб.: Алетейя, 2003.
- Лейнер Х.* Кататимное переживание образов: Основная ступень; Введение в психотерапию с использованием техники сновидений наяву. М.: Эйдос, 1996.
- Леонтьев А. Н.* Психология образа // Вестник МГУ. 1979. Сер. 14. Психология. № 2. С. 3–13.
- Леопольд А.* Альманах «Сэнд Каунти» // Экологическая антропология. М.: Golubka, 1992. С. 47.

- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н.* Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
- Лосев А. Ф.* Античная мифология. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957.
- Лушкина О. Ю.* Применение арт-терапии в снижении реактивной тревожности несовершеннолетних подследственных, содержащихся в ПФРСИ Ижевской ВК // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: Материалы международной научно-практической конференции. М.: НИИ ФСИН России, 2008. Ч. 2. С. 64–67.
- Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф.* Психология креативности. М.: Когито-Центр, 2009.
- Майоров О. А.* Систематизация характерологических особенностей личности осужденных как основа построения комплексных психокоррекционных программ: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2009.
- Макаренко А. С.* Методика организации воспитательного процесса // Сочинения. М.: АПН РСФСР, 1960. Т. 5. С. 17–18.
- Макарова Ю. В.* Социально-психологические особенности восприятия социальной реальности осужденными в условиях лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Иваново, 2004.
- Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
- Менделевич В. Д.* Психология девиантного поведения. Казань–Йошкар-Ола: КГМУ, 1998.
- Менегетти А.* Образ и бессознательное: Учебное пособие по интерпретации образов и сновидений. М.: ННБД «Онтопсихология», 2004.
- Мертон Р. К.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
- Миньковский Г. М.* К вопросу о типологии несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы судебной психологии: Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной конференции по судебной психологии. М., 1971. С. 59–64.
- Михайлова О. Ю.* Психологическая диагностика личности серийных сексуальных преступников / Под ред. А. О. Бухановского. Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2001.

- Мокрецов А. И.* Социально-психологические проблемы в пенитенциарных учреждениях. М.: НИИ ФСИН России, 1998.
- Мокрецов А. И., Новиков В. В.* Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание. М.: НИИ ФСИН России, 2006.
- Моммзен Т.* История Рима. Л.: Лениздат, 1993.
- Морено Я. Л.* Психодрама. М.: Психотерапия, 2008.
- Мэй Р.* Смысл тревоги. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
- Мясищев В. Н.* Проблема личности и советская психология. Материалы университетской психологической конференции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949.
- Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
- Мясищев В. Н.* Психология отношений. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1995.
- Нельсон-Джоунс Р.* Теория и практика консультирования. СПб.: Питер, 2000.
- Новохатская Т. Н.* Использование куклотерапии как эффективного метода психокоррекции поведения несовершеннолетних осужденных женского пола группы риска // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: Материалы международной научно-практической конференции. М.: НИИ ФСИН России, 2008. Ч. 2. С. 79–82.
- Обухов Я. Л.* Символдрама: Введение в основную ступень. Ростов-н/Д: ООО «Мини Тайп», 2005.
- Олейник А. Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001.
- Орел В. Е.* Культура, символы и животный мир. Х.: Гуманитарный Центр, 2008.
- Осинский И. И.* Пенитенциарная девиантность в условиях трансформации российского общества: социологический анализ. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006.
- Панов В. И.* Введение в экологическую психологию. М.: НИИ школьных технологий, 2006.
- Панов В. И.* От проблемы образа к проблеме формопорождения // Образ в регуляции деятельности (К 90-летию со дня рождения Д. А. Ошанина): Тезисы докладов международной научной конференции. М.: Российское психологическое общество, 1997. С. 101–112.
- Пастушеня А. Н.* Криминогенная сущность личности преступника: Методология познания и психологическая концепция. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1998.

- Пастырское служение в тюрьме в настоящее время: Курсовая работа выпускника Санкт-Петербургской Духовной Академии свящ. Олега Скомороха. СПб., 1999. URL: <http://www.klikovo.ru/main.html> (дата обращения: 08.03.2013).
- Перебинос Ю.* Историко-правовые аспекты взаимодействия пенитенциарных учреждений и попечительских органов в России и за рубежом // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2009. № 3. С. 40–43.
- Петровская Л. А.* Общение–компетентность–тренинг: Избранные труды. М.: Смысл, 2007.
- Петухова Е. А.* Психокоррекционная работа с подростками с использованием метода символдрамы // Символдрама: Сб. науч. трудов Е. К. Агеенковой, Т. Б. Василец, И. Е. Винова и др. Минск: Европейский гуманитарный университет, 2001. С. 383–389.
- Пирожков В. Ф.* Криминальная психология. М.: Ось-89, 2001.
- Платон.* Сочинения. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 505–506.
- Платонов К. К.* О системе психологии. М.: Медицина, 1972.
- Поздняков В. М.* Личность преступника и исправление осужденных: Историко-психологический очерк. Домодедово: ВИПК МВД России, 1998.
- Поздняков В. М.* Отечественная пенитенциарная психология: история и современность. М.: Академия управления МВД России, 2000а.
- Поздняков В. М.* Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии (историко-сравнительный анализ). М.: Академия управления МВД России, 2000б.
- Познышев С. В.* Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М.: ИНФРА-М, 2007.
- Психология: Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.
- Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 2002.
- Рабочая книга пенитенциарного психолога / Под ред. А. И. Мокрецова, В. П. Голубева, А. В. Шамиса. М.: ВНИИ ГУИН, 1998.
- Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х.* Правовая психология и преступное поведение. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988.
- Рауш де Траубенберг Н. К.* Тест Роршаха: Практическое руководство. М.: Когито-Центр, 2005.
- Ремшмидт Х.* Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. М.: Мир, 1994.

- Романов В. В.* Юридическая психология. М.: Изд. группа «Юристъ», 1998.
- Романов В. В.* Юридическая психология: Учебник для бакалавров. М.: Юрайт-ИД «Юрайт», 2012.
- Роршах Г.* Психодиагностика: Методика и результаты диагностического эксперимента по исследованию восприятия (истолкование случайных образов). М.: Когито-Центр, 2003.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.
- Рудестам К.* Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. М.: Прогресс, 1990.
- Савельева Т. И.* Психокоррекция защитной сферы осужденных, употреблявших психоактивные вещества // Прикладная юридическая психология. 2008. № 2. С. 137–142.
- Садрисламов Г. Ф.* Преступная деятельность и ее дезорганизация. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006.
- Самовичев Е. Г.* Личность насильственного преступника и проблемы преступного насилия // Личность преступника и предупреждение преступлений: Сб. науч. трудов. М.: ВНИИ МВД СССР, 1987. С. 72–85.
- Самовичев Е. Г.* Убийство: психологические аспекты преступления и наказания. М.: Флора, 1988.
- Сафуанов Ф. С.* Патология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003.
- Сид Дж., Мэйси Дж., Флеминг П., Назс А.* Думая как гора. М.: Россия молодая, 1992.
- Соколова Е. Т.* Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- Сосновский В. Н.* Культурно-бытовые условия жизни людей как объект географического изучения. Минск: Изд-во БГУ, 1984.
- Сочивко Д. В., Литвишков В. М.* Пенитенциарная антропология. Опыт систематизации психолого-педагогической теории и практики в местах лишения свободы. М.: МПСИ, 2006.
- Степанов И. Л.* Ангедония как диагностический, прогностический и дезадаптирующий фактор при различных типах депрессий (феноменология, динамика, принципы терапии): Дис. ... д-ра мед. наук. М., 2004.
- Стерн В.* Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Пг.: Изд-во газеты «Школа и жизнь», 1915.
- Стуканов В. Г.* Особенности исправительной психологической коррекции личности корыстных преступников в условиях лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2000.

- Сусоколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. М.: ИАЭ РАН, 1990. Вып. 20. С. 5–40.
- Сухарев А. В. Этнофункциональная психология: исследования и психотерапия. М.: ИЭА РАН, 1998.
- Сухарев А. В. Этнофункциональный подход к проблеме психического развития // Вопросы психологии. 2002. № 2. С. 40–57.
- Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Сухарев А. В. Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии // Мир психологии. 2009а. № 3 (59). С. 123–132.
- Сухарев А. В. Этнофункциональный аспект исследования ментальности // Психологический журнал. Т. 30. № 3. 2009б. С. 118–127.
- Сухарев А. В., Брюн Е. А. Сравнительное психологическое исследование этнофункциональных расогласований у страдающих героиновой наркоманией, алкоголизмом и аффективными расстройствами // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 29–36.
- Сухарев А. В., Грачев В. С. Роль восстановления этноинтегрирующих образов природы в психопрофилактике делинквентного поведения у подростков // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 47–58.
- Сухарев А. В., Кравченко О. Ф., Овчинников Е. В., Тимохин В. В., Шаповалова А. А., Щербак С. Ю. Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 68–80.
- Сухарев А. В., Степанов И. Л. Этнофункциональный аспект особенностей развития депрессивных расстройств // Журнал прикладной психологии. 2006. № 3. С. 102–113.
- Сухарев А. В., Степанов И. Л., Струкова А. Н., Луговской С. С., Халдеева Н. Н. Этнофункциональный подход к психологическим показателям адаптации человека // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 6. С. 84–96.
- Сухарев А. В., Тимохин В. В., Щербакова О. Ф., Иванова Е. В., Латышева А. С., Рощупкина Т. Г. Исследование связи нарушений этнофункционального развития личности с химической зависимостью от некоторых психоактивных веществ // Наркология. 2007. № 1. С. 45–54.
- Сухарев А. В., Чулисова А. П. От методологии к практике: этнофункциональная парадигма в криминальной психологии // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 70–86.

- Сухарев А. В., Чулисова А. П.* Взаимосвязь этнофункциональных особенностей образной сферы личности и системы ее отношений // Российский научный журнал. 2010а. № 2 (15). С. 106–111.
- Сухарев А. В., Чулисова А. П.* Методологические преимущества применения понятия образной сферы по сравнению с понятием системы отношений личности // Ценностные трансформации в психологии отношений: теория, социальная практика и перспективы: Материалы VII Международной научно-практической конференции, 1–2 июля 2010 г. / Отв. ред. В. А. Зобков. Владимир: ГОУ ВПО ВлГУ, ВИПКРО–Собор, 2010б. С. 59–61.
- Сухарев А. В., Чулисова А. П.* Этнофункциональный аспект суицидального поведения у личности преступников // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 31–41.
- Сухарев А. В., Чулисова А. П., Грачев В. С.* Психологическая этнофункциональная профилактика криминального поведения // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 227–254.
- Сучкова Е. Л.* Коррекция правовых представлений осужденных: Методические рекомендации для психологов уголовно-исполнительной системы. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011.
- Схончик О. Э.* Формы воспитательно-профилактической работы по формированию правосознания несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2009. № 2. С. 97–103.
- Теплов Б. М.* Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Тимохин В. В.* Этнофункциональный аспект психического развития: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Тишков В. А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1. С. 4.
- Тоффлер О.* Футуршок. М.: Прогресс, 1973.
- Ушинский К. Д.* Детский мир и хрестоматия: Для детей, родителей и педагогов. В 2 ч. М.: Лествица, 2000.
- Фельдштейн Д. И.* Психология развития человека как личности: Избранные труды. В 2 т. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2005. Т. 2.
- Филипчук Г.* Знаете ли Вы своего ребенка? М.: Прогресс, 1989.
- Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.
- Фокс В.* Введение в криминологию. М.: Прогресс, 1985.

- Фомина В. Н. Постиндустриальное общество // Современная западная социология. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 270–271.
- Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М.: Высшая школа, 1972.
- Харламенкова Н. Е. Решение исследовательских задач проективными методами // Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (12–13 февраля 2009 г.). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 221–231.
- Хачатурян С. Д., Рогов А. В. Психологическая коррекция осужденных за совершение сексуальных преступлений. Владимир: Владимирский юридический институт, кафедра пенитенциарной педагогики, психологии и социальной работы, 2009.
- Хвостов А. А. Структура и детерминанты морального сознания личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005.
- Хесле В. Философия и экология. М.: Ками, 1994.
- Хольт Р. Образы: возвращение из изгнания // Психология ощущений и восприятия: Хрестоматия по психологии / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Любимова, М. Б. Михалевской. М.: ЧеРо, 2002. С. 12–20.
- Черноушек М. Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989.
- Чернышева М. И. К истории слова «образ» // Историко-культурный аспект лексико-логического описания русского языка. М.: АН СССР, 1991. Ч. 1. С. 97–111.
- Чулисова А. П. Сравнительное этнофункциональное исследование систем отношений личности опийных наркозависимых и осужденных по статье 105 УК РФ // Социальная психология в образовании: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции. В 2 ч. Саратов: Научная книга, 2007. Ч. 2. С. 285–288.
- Чулисова А. П. Этнофункциональный анализ личности осужденных за воровство и убийство // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы международной научной конференции 29–30 мая 2008 г. В 2 т. Смоленск: Универсум, 2008. Т. 2. С. 435–437.
- Чулисова А. П. Динамика системы отношений личности в этнофункциональной коррекции образной сферы // Социальные представления и самоопределение молодежи в изменяющемся мире: Материалы международной научной конференции. Саратов: ООО «Приволжское издательство», 2009а. Т. 2. Ч. 2. С. 253–256.

- Чулисова А. П. Роль образов родной природы в этнофункциональной коррекции делинквентного поведения у осужденных за насильственные преступления // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Серия «Психология. Педагогика». Саратов: ООО «Приволжское издательство», 2009б. Т. 3. Ч. 2 (10). С. 55–58.
- Чулисова А. П. Этнофункциональный аспект воспитания осужденных за насильственные преступления в исправительных учреждениях // Мир психологии. 2009в. № 3 (59). С. 132–139.
- Чулисова А. П. Роль этноинтегрирующих и этнодифференцирующих образов природы в психокоррекционной работе с осужденными за насильственные преступления // Прикладная юридическая психология. 2010а. № 4. С. 103–113.
- Чулисова А. П. Этнофункциональное историко-психологическое исследование осужденных за насильственные преступления в исправительных учреждениях // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня–3 июля 2009 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010б. С. 775–782.
- Чулисова А. П. Роль этноинтегрирующих и этнодифференцирующих образов природы в православном воспитании осужденных за тяжкие насильственные преступления // Вестник славянских культур. 2011. № 1 (XIX). С. 105–114.
- Чумаченко А. А. Лечение эндогенной депрессии методом символдрамы // Символдрама: Сб. науч. трудов Е. К. Агеенковой, Т. Б. Василец, И. Е. Винова и др. Минск: Европейский гуманитарный университет, 2001. С. 346–353.
- Чуприкова Н. И. Умственное развитие: Принцип дифференциации. СПб.: Питер Пресс, 2007.
- Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология. М.: Проспект, 2009.
- Шапорева А. А. Роль этнической функции содержания сказок в развитии гармоничного взаимодействия когнитивных и эмоциональных сторон отношений у младших школьников и подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Шейнис Г. В. Развитие отношений подростков с природой как условие нравственного становления личности // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 2. С. 40–53.
- Шейнис Г. В. Духовно-нравственное становление человека во взаимодействии с природой // Психология человека в современном

- мире / Под ред. А. Л. Журавлева, М. И. Воловиковой, Т. А. Ребеко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. Т. 6. С. 333–337.
- Шиханцов Г. Г.* Юридическая психология. М.: ИКД «Зерцало-М», 2006.
- Шихирев П. Н.* Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1993.
- Штефан Е. Ф.* Психокоррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках наказания: Дис. ... канд. психол. наук. Вологда, 2008.
- Штефан Е. Ф.* Влияние специфической среды мест лишения свободы на правосознание осужденных // Правовые представления и установки осужденных: Диагностика и коррекция: Сборник материалов научно-практического семинара / Отв. ред. О. Б. Панова, Е. Л. Сучкова. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. С. 22–26.
- Шустова В. О.* Этнофункциональный подход к антинаркотическому и антиалкогольному воспитанию молодежи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Щелкушкина Е. А.* Психодинамика личности осужденных за убийство: Дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2011.
- Щербаков Г. В.* Мотивационная сфера осужденных: понятие, диагностика, коррекция. Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2009.
- Щербакова О. Ф.* Этнофункциональное психолого-историческое исследование детерминантов алкогольной зависимости // Мир психологии. 2009. № 3. С. 145–154.
- Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
- Эткинд А. М.* Тест Роршаха и структура психического образа // Вопросы психологии. 1981. № 5. С. 106–115.
- Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1993.
- Юревич А. В., Ушаков Д. В.* Нравственное состояние современного российского общества // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 177–208.
- Юсупов И. М.* Социопатические предпосылки криминальных деяний. Казань: КГПУ, 1996.
- Якиманская И. С.* Развитие пространственного мышления школьников. М.: Педагогика, 1980.
- Ясвин В. А.* История и психология формирования экологической культуры (Удобно ли сидится на вершине пирамиды?). М.: Наука, 1999.
- Ясвин В. А.* Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000.

- Babiker I. E., Cox J. L., Miller P. M. S.* The measurement of culture distance // *Social Psychiatry*. 1980. V. 15. P. 101–116.
- Berkowitz L.* *Aggression: A Social Psychological Analysis*. NY: Mc Graw-Hill, 1962.
- Bettelheim B.* *The uses of enchantment: The meaning and importance of fairy tales*. NY: Knopf, 1976.
- Boas F.* *Kultur und Rasse*. Berlin: Walter de Gruyter und Co., 1922.
- Bochner S.* The social psychology of cross-cultural relations // *Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction*. Oxford: Pergamon, 1982. P. 45.
- Bohm E.* *Lehrbuch der Rorschach Psychodiagnostik*. Bern: Hans Huber, 1972.
- Bowlby J.* *Dimensions of psychoanalysis* / Ed by J. Sandler; with contributions by J. Bowlby et al. Madison (Conn.): Intern. univ. press, 1989.
- Cattell R. B., Eber H. W., Tatsuoka M. M.* *Handbook for the sixteen personality factor Questionnaire (16PF)*. Champaign: Institute for Personality and Ability Testing, 1970.
- Clemmer D.* *The Prison Community*. NY: Holt, Rinehart and Winston, 1958.
- Coelho G. V.* *Changing Images of America*. Glencoe: Free Press, 1979.
- Dodge K. A., Coie J. D.* Social-information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. № 53. P. 1146–1158.
- English H. B., English A. C.* *A comprehensive dictionary of psychological and psychoanalytical terms*. NY Toronto: Longman Green, 1958.
- Eysenck H. J.* *Crime and personality*. St Albans (Herts): Paladin, 1973.
- Furnham A., Bochner S.* *Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments*. NY: Taylor and Francis, 1986.
- Holt R. R.* The nature of TAT-stories as a cognitive affective products: a psychoanalytic approach // *Methods in clinical psychology. Projective assessment*. NY: Holt, Rinehart and Winston, 1978. V. 1. Ch. IV. P. 1.
- Horowitz M.* *Image formation and cognition*. NY: Appleton-Century-Crofts, 1978.
- Klopfner B., Kelley D.* *The Rorschach Technique* NY: World Book, 1942.
- Kosslyn S. M.* *Image and mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- Kraepelin E.* *Die Erscheinungsformen des Irreseins* // *Zeitschr. Ges. Neurol. U. Psychiat.*, 1920. Bd. 62. S. 1–29.
- Levy S., Levy R.* *Symbolism in animal drawings* / E. Hammer. *The Clinical Application of Projective Drawings*. Springfield, Illinois, 1967. P. 311–343.
- May R.* *The meaning of Anxiety*. NY: Pocket Books, 1979.

- Megargee E. I.* Undercontrolled and overcontrolled personality types in extreme antisocial aggression // *Psychological Monographs*. 1966. P. 611–617.
- Park R. E.* Human migration and the marginal man // *American Journal of Sociology*. 1932. V. 38. P. 33.
- Pfeifer W. M., Schoene W.* (Hrsg.). *Psychopatologie in Kulturvergleich*. Stuttgart: Enke, 1980.
- Ratzel F.* *Antropogeographie*. 2 volumes. Stuttgart: J. Engelhorn, 1891.
- Richardson A.* Verbalizer-visualiser: a cognitive style dimension // *Journal of Mental Imagery*. 1977. P. 1.
- Semple E. S.* *Influences of Geographical Environment on the Basis of Ratzel's System of Antropo-Geography*. NY: World Book, 1911.
- Shorr J. E.* *Psychotherapy through imagery*. NY: Intercontinental Medical Books, 1974.
- Stonequist E. V.* *The Marginal Man*. NY: Russel and Russel, 1961.
- Strenberg R. J.* *Metaphors of mind*. NY: Cambridge University Press, 1990.

Научное издание

Серия «Фундаментальная психология – практике»

СУХАРЕВ А. В., ЧУЛИСОВА А. П.

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КОРРЕКЦИЯ
ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ
ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Редактор – Т. А. Сарыева

Макет, верстка и обложка – С. С. Фёдоров

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Тел.: (495) 682-61-02. E-mail: vbelor@ipras.ru. www.ipras.ru

Сдано в набор 19.03.13. Подписано в печать 10.04.13

Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура ГТС СНАРТЕР. Уч.-изд. л. 7,6; усл.-печ. л. 9

Тираж 300 экз. Заказ

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, МО, г. Можайск, ул. Мира, д. 93